

ИИСЪМА

ИЗЪ

БОЛГАРИИ.

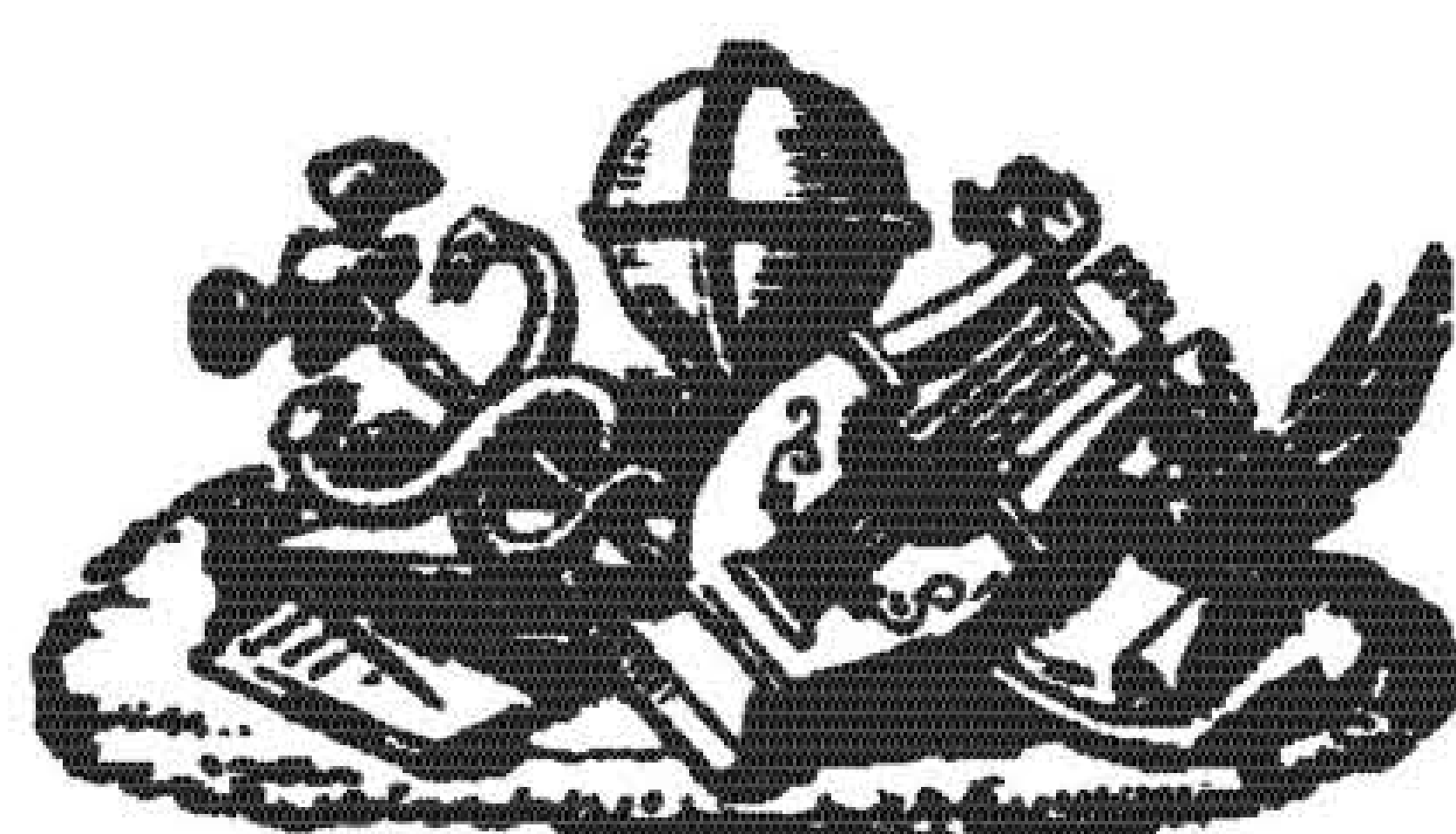
ПИСЬМА.

ИЗЪ

БОЛГАРИИ

(ПИСАНЫ ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1829 ГОДА)

ВИКТОРОМЪ ТЕПЛЯКОВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

~~~~~
MDCSSXXXIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три Экземпляра.
С-Петербургъ. 22 Марта 1833 года.**

Ценсоръ А. Крыловъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ изобиліи частныхъ записокъ, столь общемъ нашему времени, отражается можетъ быть всего болѣе наблюдательный духъ вѣка. Если даже этошь избытокъ подробностей пересступаетъ за предѣлы современной любознательности, то не въ сихъ-ли самыхъ подробностяхъ—апомахъ настоящаго — заключающа маперіалы болѣе или менѣе богатые для будущаго? Если судьба частныхъ лицъ, если множество мѣлочныхъ обстоятельствъ раздробляются нынѣ столь *анатомически* передъ нами, то не изъ этой-ли самой безконечности цвѣшовъ и ошшѣнковъ со-

спавишся въ послѣдствіи времени картина вѣка, съ его свѣтомъ и сумракомъ, съ его колоссальными и мирмидонскими событіями?

Увлеченный вовсе неожиданно на поприще достопамятной войны 1829го года, производя по волѣ Правительсва, свои археологическія розыски въ древней Мизіи и Фракіи, окруженный роями вѣковыхъ воспоминаній, картинами пылавшихъ битвъ, совокупностью новыхъ лицъ и природы, сочинитель предлагаемыхъ писемъ сообщалъ намъ плоды своихъ замѣчаній о «спранахъ классическихъ, о спранахъ столь еще мало извѣстныхъ.»— Краткій отчетъ о семъ путешествіи, изданный немедленно по возвращеніи автора изъ Турціи, возбудилъ желаніе нѣкоторыхъ Европейскихъ журналовъ: знать подробности спранствія, коего поверхностныя черты показались въ то время довольно любопытными.— Доспалочный вызовъ для сообщенія сихъ подробностейъ нашей образованной публикѣ.

Причины, замедлявшія до сего времени изданіе *Писемъ изъ Болгаріи*, вовсе не ошъ насъ зависѣли. Если авторъ оныхъ не оспоривалъ относительной занимательности своего путешествія—занимательности археологической, статистической, топографической и проч., то все постороннее симъ предметамъ, препятствовало намъ до сихъ поръ получить его согласіе касательно сообщенія свѣду находившихся въ рукахъ нашихъ писемъ. Очерки впечатлѣній, возбужденныхъ въ его сердцѣ яркимъ разнообразіемъ предметовъ: искры живой внутренней дѣятельности, и голосъ душевнаго упомненія; тепло огнекрылаго энтузіасма, и морозъ мрачнаго скептицизма; жало шоски въ устахъ ѣдкой сардонической юмористики, и зѣвоша ледянаго безстрастія; поэтическія воспоминанія передъ грудями вѣковыхъ развалинъ, и ошъ нихъ—невольныя обращенія къ себѣ самому, къ тернію бурной, попранной жребіемъ юности. . . . . вошъ чшо авторъ нашъ именуешъ *личностью*

IV.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

ни для кого не занимательныхъ *изліяній*. Пусть, впрочемъ, онъ самъ объяснишь читателямъ и прямую цѣль своего странствія, и причины, скрывавшія доселѣ подъ спудомъ его «*разнохарактерныя*» письма. Вотъ оповѣсть на послѣднее наше предложеніе, касательно изданія оныхъ.

Одесса, 4го Января 1833.

БРАТЪ И ДРУГЪ,

Въ Маршѣ мѣсяцѣ 1829го года, дней за пять до отплытія своего въ Болгарію, посѣдилъ я покойнаго Г. Бларамберга, Іерофанша нашей Таврической Археологіи. Въ слѣдствіе чего и какимъ образомъ долженъ я былъ прогуляться въ древнюю Мизію, извѣстно вамъ прежде, нежели *импровизированный* Аншикварій пригосовился исполнить вѣдніе странной судьбы своей...—И такъ, дней за пять до моего путешествія, бесѣдовалъ со мною

Г. Бларамбергъ. Если его пламенные усилія сдѣлашь меня, въ продолженіе сихъ пяти сушокъ, *адептомъ* Археологіи, возбуждали мою внутреннюю усмѣшку, то будьше увѣрены, что наружнось моя предсшавляла въ это время всю благогсвѣйную любознашельность *неофита*. Сему-то грѣшному *фарисейству* обязанъ я входомъ въ *sanctum sanctorum* почтеннаго Анпикварія.

Кабинешъ Лерда Монкбернскаго вамъ извѣспенъ: а пошому, счишаю за лишнее говоришь о хаосѣ книгъ и бумагъ, чершежей, плановъ, снимковъ, рисунковъ, медалей, древнихъ мраморовъ, урнъ, многоразличныхъ черепковъ и шому подобныхъ чудесъ, кои, подъ эгидомъ раскрышаго Справона, украшали *саепобітіумъ* Г. Бларамберга.

Послѣ безконечныхъ шолковъ о древней Одессѣ, или *Одиссосѣ*, о Діонисополѣ, или Кринахъ, или *Крунисѣ*, объ Ишрополисѣ, или Ишросѣ, или *Вистрїи*, я машинально принялся листовать поверженнаго предо мною Справона. Листо-

валь, и думаль : какимъ образомъ удалось Батюшкову такъ хорошо написать свое похвальное слово сну? — Лисповаль, и поширая глаза, спарался поборошь свою непроспешельную зѣвопу. Мало-по-малу однакожь, нарѣкопическія спроки фоліанта начали передо мною блѣднѣть и разсѣиваться; но вдругъ-онѣ почернѣли, сгуспились. . . . — и въ одинъ мигъ благодѣтельная дремота была уже за придевяць земель опъ очей моихъ.

Вошь чшо совсѣмъ неожиданно попалось мнѣ на одной изъ роковыхъ страницъ древняго Греческаго географа.

« Если Справонъ » — замѣчаетъ Французскій переводчикъ его — « споль сильно запруднялся въ объясненіи сихъ спранъ (Мизіи, Эракіи и проч.) » по чшо-же можно сказать о нихъ теперь, послѣ новыхъ, осмнадцаши-вѣковыхъ опусшошеній, когда слѣды сихъ древнихъ народовъ, развалины сихъ древнихъ городовъ и даже самыя названія мѣспъ навсегда изглажены! — Прибавимъ » — продолжаетъ переводчикъ — « чшо мы не имѣемъ еще

никакихъ положительныхъ свѣденій о внутренности Иллиріи, Эпира, Македоніи, Фракіи, Фессаліи и проч., и проч. »

Упѣвшиительно! подумалъ я, и простясь съ Г. Бларамбергомъ, завернулъ мимоходомъ къ одному изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Мнѣ вздумалось заглянуть въ Мальшѣ-Брюна.

«Весь обширный четверугольникъ» — говоритъ сей послѣдній — «между Кавалою, Филиппополемъ, Адрианополемъ; все печеніе Нессуса, Сізмуса и Герпессуса; всѣ поэтическія долины Родопе суть *terra incognita*, обиталище племенъ Болгарскихъ, Албанскихъ, и, можешь бышь, Фракійскихъ.»

Присоединивъ къ сему безусловному *terra incognita* миллионъ другихъ препяпшвій: чуму, перуны окружавшей меня войны, и, всего болѣе — совершенную ничтожность вещественныхъ средствъ моихъ, благоволише сказать, можно-ли безъ несправедливости претовашь опъ меня какой-нибудь важной, Деноновской глубины замѣчаній?

За всѣмъ шѣмъ, открытыя и пріобрѣтенныя мною памятники древности: 36 кусковъ мрамора съ надписями и барельефами; 89 медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ (изъ коихъ болѣе 50-ти—древнія Греческія); двѣ вазы (найденныя въ Сизополѣ); двѣ статуи: бронзовый Амуръ и небольшой женскій бюстъ (купленныя въ Анхіалѣ); огромный Анхіалскій саркофагъ и наконецъ—дивныя Гебеджинскія развалины требовали, вмѣстѣ съ живописной красою природы, вмѣстѣ съ роемъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній, возбужденныхъ въ душѣ моей—и волшебствомъ вѣковыхъ воспоминаній, и песнрошой окружавшихъ меня предметовъ, и странностью моего собственнаго, столь загадочнаго, столь траги-комическаго положенія; все это—говору я—требовало отъ моего переполненнаго сердца обыкновенной, но естъ, чернильной исповѣди. Я рѣшился писать вамъ изъ Турціи.

Писалъ—и, не заботясь даже о претъемъ лицѣ, говорилъ безъ разбору обо

всемъ , что поражало мой взоръ , мой слухъ , мое сердце и голову.

Но теперь , когда , рѣшась осудить наши эпистолы : *Ex Mœsia*, на анапомію ученыхъ , *стилистовъ* и публики ; когда вооруженные словами Шапобріана , вы говорите — что « *Путешествія* сливаюшь въ себѣ поэзію съ бышописаніемъ , что развалины и гробницы открываюшь намъ истины , коихъ невозможно узнать во всякомъ другомъ мѣстѣ » — то позвольте освѣдомиться , многіе-ли изъ чашапелей вашихъ *народныхъ* Русскихъ романовъ симпанизируюшь съ подобными мыслями ?

Безъ сомнѣнія :

Tout est beau , tout est bon , tout est grand à sa place ;
но , попому-ли , что въ мірѣ попадаюшся , какъ замѣчаетъ Ройе - Колларъ , существа *индивидуальныя* , коихъ участь не имѣетъ ничего общаго съ участью *массъ* , или почему другому — я опкровенно скажу вамъ , что обожая просторъ , опнюдь не преслѣдую этой химерической , непо-

Х.

О т ъ И з д а т е л я .

спижимой, *исключительной* народности, копорая теперь въ такой модѣ на вашемъ Великороссійскомъ Парнасѣ. Довольно! Вы видите, что подобною исповѣдью я самъ произнесъ рѣшительный приговоръ своей книгѣ; но прошу замѣшить, что будучи врагомъ всякой полемики, что любя вообще самобытность, что опнюдь не заботясь о *народности* своего *лизнаго* воззрѣнія на предметы, я душой уважаю лишперашурныя и другія мнѣнія всѣхъ и cadaго, ибо желаю оспаться въ покоѣ при своихъ собсвенныхъ.

Впрочемъ, вопъ въ чемъ главное дѣло. *Письма изъ Болгаріи* подавлены, шакъ сказать, *плеоназмомъ* чувствъ, мыслей, воспоминаній, постороннихъ для напудренныхъ пылью педантовъ, хопя и возбужденныхъ карпинами шѣхъ-же самыхъ гробницъ, шѣхъ-же самыхъ развалинь, шѣхъ-же самыхъ памятниковъ древности, въ изображеніи коихъ заключалась прямая цѣль моего спранствія. Но куда-же дѣвались съ эшой *лигностью* изліяній, коихъ я опнюдь не желалъ никому, кромѣ

Однихъ васъ исповѣдываешь, ибо какая надобность свѣту до того, что душа моя или ваша « была прозрачна, подобно водѣ горнаго источника, прежде нежели ея сокровенная глубина не взмутилась? »—

« Брошенный, какъ будто кораблекру-
« шеніемъ, на широкое поприще жизни,
« вошше юный скипалецъ озираешь ея
« пространство. Съ душой, волнуемой
« непрочными замыслами, одинокій, пре-
« данный себѣ самому, онъ не смѣешь
« надѣяться. . . . . Сердце его еще не
« знаетъ страха, и между тѣмъ — хо-
« лодъ и мракъ въ его разочарованномъ
« сердцѣ. . . . . Оплученный враждебною
« участью отъ различныхъ эпохъ сущес-
« твованія, онъ ежеминутно чувствуетъ
« внутри себя самого что-то несовершен-
« ное, и чему никогда не должно совер-
« шиться. Вся его жизнь представляешь
« подобіе годовъ, пораженныхъ безплоді-
« емъ. Добыча почти необычайной, пол-
« ный высокомернаго презрѣнія къ жизни,
« полный порожденнаго отчаяніемъ без-
« страха, онъ быстро перелешаетъ всѣ

« эпохи юности, онъ опважно садится
 « среди *древнихъ*, и дивишь ихъ своей
 « скороспѣлою зрѣлостью; онъ поды-
 « маешь руку на непроницаемую завѣсу
 « Изидину, и между шѣмъ, нигдѣ не на-
 « ходишь свѣжести, недоспававшей веснѣ
 « его. . . . »

Вопшь шипы, угаданные какимъ-то безы-
 меннымъ Авшоромъ—шипы, подъ сто-
 пами не вымысленной юности,—но обще-
 ство плачешъ надъ романомъ Виконша
 д'Арлинкура; вопшь *гримасы* попоранной
 жребіемъ жизни;—но оно забавляешся
 ушонченнымъ жеманствомъ *Федоры* (La
 Dame sans sœur). *Tête exaltée!* — воскли-
 цающъ свѣшскіе моралисты, анализируя
 душу Руссо или Байрона, и бросая на
 одни вѣсы мечъ *маленькаго Капрала* съ
 ружьемъ какого нибудь солдата, *бѣднаго*
геловѣка.

Будемъ однако добросовѣстны. Почши
 цѣлыхъ чешыре года опдѣляющъ меня опъ
 Авшора *Писемъ изъ Болгаріи*: а пошому,
 признашся-ли вамъ, чшо мой нынѣшній
intellectus поусшарѣль для симпатіи съ

нѣкошорыми изъ погдашнихъ думъ своихъ. Волнуемый, напрымѣрь, ищопезой Г. Балланша — чшо « древній Сфинксъ не грозить болѣе съ горы Фикейской поглотить шѣхъ, кои спремьяшся къ разрѣшенію различныхъ загадокъ человѣчества » — я въ минувшее время почиталъ всѣхъ мертво-живыхъ Помпеевъ обществва именно шѣмъ, чшо алгебра называется, кажешся, *отрицательнымъ* количествомъ. Теперь — чшо мнѣ до сихъ вампировъ! Въ *неутралитетѣ* со всей вселенной, если я не въ соспояніи — и по внутреннимъ чувстввамъ своимъ, и по недоспапкку надежной приспани — вмѣспѣ съ Лукреціемъ возгласишь :

*Suave mari magno, turbantibus sequora ventis
E terrâ magnum alterius spectare laborem* →

по по крайней мѣрѣ, да позволено мнѣ будешъ во исполненіе рецепта *Чернаго Доктора* :

« *Отдѣляя жизнь поэтическую отъ жизни политической,*

Одиноко и независимо слѣдовать своему призванію.

Pro forma, заключу письмо сіе обыкновеннымъ признаніемъ, что мирный гражданинъ почтешъ себя счастливымъ, если, кочуя подъ перунами бушевавшей брани, онъ успѣлъ обрѣсти для пространной нивы просвѣщенія хотя единое зерно въ странахъ классическихъ, въ странахъ столь еще мало извѣстныхъ. Счастливъ онъ еще болѣе, если это единое зерно, перенесенное въ опчизну подъ нашими побѣдными лаврами, не умрешъ въ родимой землѣ Русской.

Вѣрьте и проч.

В. Тепляковъ.

Если свѣтъ борешся весьма нерѣдко съ тѣнью подъ перомъ нашего автора, то читатели согласяшся, можешъ бышъ съ нами, что «это кипящее сердце еще пламенѣетъ подъ пепломъ». — За всѣмъ тѣмъ, театръ войны 1829 года, великолѣпное зрѣлище, на коемъ разыгралось одно изъ дѣйствій вѣковой драмы: — борь-

ба недвижнаго Юго-Востока съ бодрымъ, насшупательнымъ Сѣверо-Западомъ—едва ли по сіе время удовлетворительно раскрыты передъ просвѣщенной Европой. *Письма изъ Болгаріи* приподнимушь можешъ бышь слегка уголокъ занавѣсы. — Въ нихъ, посреди яркой живописи незнакомыхъ намъ людей и природы, сквозь прозрачную шкань легкихъ замѣчаній, ученыхъ изслѣдованій, рѣзкихъ выводовъ и *лигныхъ* отступленій, мелькаешъ великое событіе войны, развивающа древнія воспоминанія и при блескѣ оныхъ — дѣла и мнѣнія современныя рисующа вдали, на фантасмическомъ грунтѣ разсказа. Отъ благосклоннаго принятія *Писемъ изъ Болгаріи* зависипъ, можешъ бышь, сообщеніе публикѣ и пѣхъ *эпистоль*, кои мы получили въ 1829 году изъ Румиліи.

Мы сочли за необходимое приложипъ къ сему *Путешествію* доставленный намъ авторомъ видъ *Гебеджинскихъ развалинъ*. Сняшый подъ его руководствомъ съ нашуры, онъ дополнипъ изображеніе сего

необыкновеннаго мѣста. Кроме того, сообщаемъ читателямъ снимки съ двухъ наиболее замѣчательныхъ памятниковъ древности, открытыхъ сочинителемъ посреди развалинъ классической Мизии.

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРИИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

БРАТУ Ал. Гр. ТЕПЛЯКОВУ.

Варна, 29 Марша.

Вамъ уже извѣстно, что начальству Новороссійскаго края угодно было поручить мнѣ обозрѣніе нѣкоторыхъ мѣстъ, занятыхъ нашими войсками на правой сторонѣ Дуная, и что цѣль сего порученія, есть розысканія о разныхъ памятникахъ древности, скрывающихся между развалинами Мизіи и классической Фракіи. Вы безъ сомнѣнія подивитесь тому, что будучи споль безусловно чуждъ точныхъ и основательныхъ свѣденій о странахъ, въ коихъ почти каждый шагъ освященъ какимъ-нибудь славнымъ историческимъ событіемъ, я принялъ на себя обязанность споль трудную, порученіе споль мало сообразное съ родомъ исключительныхъ моихъ занятій;—но кому неизвѣстно, что

жизнь наша можетъ иногда находиться подъ вліяніемъ обстоятельствъ столь странныхъ, что человекъ радъ часно сдѣлаться не только антикваріемъ, но для избѣжанія худшаго, готовъ даже участвовать въ трудахъ знаменитой Академіи Лагадоской.

Съ другой стороны, скажите, кто бы на моемъ мѣстѣ не былъ радъ поотогрѣить *остылое* сердце у лучей золотого еракійскаго солнца? Кто бы не былъ радъ, говорю я, погрузиться въ поэпическое величіе минувшаго, и въ бесѣдѣ съ колоссальными его призраками, забыть хотя на малое время прозу и мучительныя мѣлочи настоящаго? Такъ думалъ я — и вопль странникъ вашъ уже въ столицѣ древней греческой Ганзы.

Конечно, мнѣ надлежало бы нѣсколько поболѣе освоиться съ оракулами антикваріевъ: полищивать предварительно Справона, и словомъ, схватить изъ древнихъ лѣтописей и географіи хотя поверхностныя черпы, которыя бы могли служить мнѣ по крайней мѣрѣ краткимъ *итинереромъ* въ моемъ путешествіи; но для сего потребны были книги и время. Первыми я не могъ обогатиться въ Одессѣ, а послѣдняго имѣлъ въ своемъ распоряженіи только для необходимыхъ дорожныхъ приготовленій. Короче сказать, я пу-

сшился въ археологическое справствіе подобно какому нибудь кавалерійскому офицеру, отправляющемуся за покупкой ремонта: слѣдовательно — посланія мои будутъ, къ сожалѣнію, напоминать вамъ гораздо чаще обо мнѣ самомъ, нежели о странахъ, коихъ чудеса пребудутъ наблюдателя болѣе просвѣщеннаго.

Я выѣхалъ изъ Одессы. 20го сего мѣсяца. Таможенная гроза собралась и довольно быстро разсѣялась надъ моими чемоданами; врата карантинной пристани разверзлись и скрипя зашворились за мною. Свершилось! Богъ знаетъ, когда-то ноги мои ступятъ вновь на родимую землю! Ни любовь, ни дружба не смѣютъ прикоснуться къ людямъ, меня окружающимъ. — Что нужды! посмотрите, какая пестрая, живая, разнообразная картина развернулась вдругъ предо мною: офицеры, женщины, солдаты, шкипера, матросы всѣхъ странъ; карантинные и разные другіе сановники; суматоха, толкотня, неумолкающій ропотъ и волненіе! я долго съ ненасытнымъ любопытствомъ глядѣлъ на это живописное зрѣлище; потомъ глаза мои устремились на безпредѣльное море: быстрые челночки скользили по его лазурной поверхности; бѣлые паруса рисовались вдали на голубомъ гори-

зоншѣ. — День уже клонился къ западу, когда одинъ изъ карантинныхъ чиновниковъ подвелъ ко мнѣ маленькаго, но еще довольно бодрого старичка и объявилъ, что это капитанъ Венеціанскаго брига: *la Perseveranza*, которъй, по назначенію Правительства, долженъ отвезти меня въ Варну. — Яликъ этого капитана качался у берега; слуга и вещи мои ожидали меня на ономъ. Я спустился въ эту легкую лодочку; капитанъ за мною — и вопъ, чешыре весла вонзились уже въ шипучія волны. Челнокъ нашъ полетѣлъ стрѣлою къ стоящимъ на рейдѣ судамъ; на каждомъ изъ нихъ звонили *рынду*, когда приставъ къ своему бригу, мы начали одинъ за другимъ взбираться на палубу.

Огромный шаръ солнца медленно погружался въ сафирное море, и спустившись вдали къ самому его горизонту, проливалъ яркій пурпуровый свѣтъ въ промежутки корабельныхъ снастей и огромныхъ мачтъ, возвышавшихся подобно обнаженному осенью лѣсу. — Я вошелъ въ отведенную мнѣ каюту: гравированный образъ Мадоны съ надписью: *Stella del Mare* висѣлъ надъ моей койкою. — Вечеромъ — миллионы звѣздъ засверкали надъ нами; я вышелъ на палубу; но какъ бы вы думали, что болѣе всего занимало меня въ эту минуту? — Огни,

загорѣвшіеся въ Одессѣ! — Я опъ души прощался съ ними; какая-то глупая попка пощ
а грудь мою:

Прости, о родина, прости!

Ропяло невольнымъ образомъ мое взволнованное сердце.

Проснувшись въ слѣдующее утро, я воображалъ не видашь уже болѣе ничего, кромѣ воды и неба; но погода была противъ насъ какъ будто въ заговорѣ: въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ поспоянвый шпиль не позволялъ намъ и думать о путешествіи. Я чрезвычайно досадовалъ на это безвѣпріе; каждое утро выходилъ на палубу, и видя предъ собою все еще мерканпильную Одессу, мучилъ капитана безпрестанными разспросами о состояніи атмосферы: «Bonazza, non c'è vento» или «vento contrario—» были его единственныя отвѣпы.

Наконецъ — ура, ура! — 23-го свѣжій Сѣверный вѣперъ подулъ съ берега, и мы приготовились къ отплытію. Взгляните на эту бѣгашню по шканцамъ; посмотриште, какъ проворный мапрось взбирается по веревочнымъ лѣстницамъ на огромную гротъ — мачпу; послушайте визгъ якорнаго каната; внимайте

безпрерывнымъ крикамъ: *Vira, Vira!* и напо-
слѣдокъ, поспудитесь обратишь взоры свои
опть береговъ родины на безграничность мор-
скую.—Тогда вы только вполнѣ согласитесь
со мною, что первое чувство въ минушу раз-
луки съ опечесствомъ есть, безъ всякихъ ро-
мантическихъ затѣй, странное, неизъяснимое
чувство. Сначала, какая то непонятная ра-
дость овладѣла моимъ сердцемъ: казалось,
оно ощутило внезапное наслажденіе какимъ
то неиспощимымъ внутреннимъ богатствомъ
въ топу мигъ, когда напаянупые паруса округ-
лились и заколебавшійся корабль пронулся
съ мѣста. Я расхаживалъ скорыми шагами
по шканцамъ и громко декламировалъ:

«Шуми, шуми послушное въприло!» и проч.

Но эта болпливая радость исчезла вмѣстѣ
съ берегами моей опчизны. Подобно Ирвингу-
Вашингтону, миѣ казалось, что въ это вре-
мя я закрылъ первый томъ моей жизни со
всѣмъ шѣмъ, что онъ заключалъ въ себѣ.

Минувшее душѣ моей,
Какъ сонъ мудреный предсавлялось:
То краснымъ солнцемъ ей являлось,
То моря бурнаго темнѣй. . . .

Берега русскіе были у насъ въ глазахъ еще

въ продолженіе всѣхъ эшихъ сутокъ; бѣлыя толпы чяекъ мелькали вдалекѣ за нами. Кромѣ одинаковыхъ со мною животныхъ, я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увидѣлъ на шканцахъ еще трехъ земныхъ жителей.— Крапчатая лягавая собака спала у капитанской каюшы; рѣзвый котъ игралъ и мурлыкалъ вокругъ нашихъ чугунныхъ пушекъ; песпрая курица прогуливалась и безпечно клевала разсыпанную передъ ней пшеницу. Сія послѣдняя пользовалась по видимому особенною благосклонностью экипажа: «*Ah Marianna, brissona, bestia brissoncella Marianna!*» приговаривалъ птицелюбивый мапрось, гладя свою пернашую спутницу. Многіе путешественники весьма справедливо до меня замѣтили, что всѣ противоположности съ бурною жизнью мореплавателя нравятся вообще его сердцу — и кто-же не согласится, чтобы среди шумящихъ вокругъ валовъ, пѣніе пѣшуха, лай собаки, щебепанье залетѣвшей съ берега ппички не напоминали довольно сладостно сердцу о кровлѣ домашней хижины, о золотомъ, радужномъ утрѣ жизни? Я провелъ весь этотъ вечеръ и большую половину ночи на палубѣ; ужинъ кончился, и мало по-малу все вокругъ меня почло сномъ богатырскимъ..... Не спалъ одинъ

только я, да рулевой мапрось у озаренного
ночною лампою компаса... Глаза мои искали
маяка береговъ одесскихъ: одиноко мерцалъ
онъ едва замѣпной огненной почкою на сѣ-
верномъ, неозлащенномъ ни одной звѣздой
небосклонѣ. Не знаю, подобныя ли моимъ ду-
мы пѣснились въ груди моего спорожеваго
спушника; но послѣ нѣсколькихъ фанпазиро-
ванныхъ мопивовъ, онъ пихонько запѣлъ:

I.

O pescator dell'onda,
Fidelin!

Vieni pescar in quà.
Colla bella sua barca,
Colla bella sene vа.
Fidelin, lin là.

II.

Che cosa vuol ch'io peschi,
Fidelin?

L'anel che m'è cascà.
Colla bella etc.

III.

Ti darò cento scudi,
Fidelin!

Sta borsa ricamà.
Colla bella etc.

IV.

Non voglio cento scudi,
Fidelin!

Ni borsa ricamà.

Colla bella etc.

V.

Jo vò un bazin d'amore ,

Fidelin!

Che quel mi pagherà.

Colla bella sua barca ,

Colla bella sene và.

Fibelin , lin là !

Мой пѣвецъ такъ часто повторялъ одно и тоже, что я невольно затвердилъ его *баркаролу*. Эта простая, но плѣнительная мелодія, будучи, такъ сказать, серединою между пѣмъ, что музыканты зовутъ *canto fermo* и *canto fiorito*, выражала, какъ не лзя лучше, своими переливами опъ спраспныхъ, пропязныхъ мопивомъ къ ритму болѣе игривому, качку и плаванье гондолы по ясно-голубымъ лагунамъ. Смысль стиховъ переносилъ также мечпы мои на берега поэпической Бренпы. Какъ будто невзначай подслушалъ я рѣчи этой сладостраспной *синьоры*, которая такъ мило предлагаетъ юному, пригожему рыболову кошелекъ съ цѣлою сотней секиновъ за то, чтобы сей послѣдній опыскалъ на днѣ морскомъ кольцо упавшее съ ея пальчика: *Египетская работа!* но *Фиделинъ* не дуракъ: деньги и шипый кошелекъ ему

не надобны; поцѣлуй любви можетъ одинъ вознаградить труды его.—Это Венеція, столица живыхъ, ежечасныхъ романовъ, очарованный край, гдѣ женщина «какъ будто на устахъ носитъ свое богатое сердце!»—*Oh, quanto te aspiciam!*—Погруженный въ свои любимыя фанаберіи, я почти не замѣпилъ, какъ адриатическая пѣсня умолкла; аккомпанеманъ черноморскихъ волнъ одинъ продолжался. Часовой звонокъ прозвучалъ полночь; товарищи пѣвца пробудились на смѣну; я сошелъ въ каюпу, и качаемый глубокимъ Эвксиномъ, заснулъ, какъ дитя въ колыбели.

На другой день однообразный горизонтъ воды скрывалъ уже отъ меня Одессу, какъ непроницаемый туманъ, скрывающій отъ чело-вѣка его будущность.... Рѣзкій Сѣверо-Восточный вѣтеръ несъ корабль съ неимовѣрною скоростію, и около слѣдующаго полудня песчаный берегъ Кюспенджи (древняго *Томиса*) мелькнулъ уже вдалекѣ предо мною.

Шекспиръ говоритъ, что попытка золотить золото или бѣлить бѣлоснѣжную лилію есть истинное дурачество: не безразсудно-ли-бы и съ моей стороны было искасть словъ для выраженія чувствъ, наполнявшихъ мою сирую душу, при видѣ сей дикой, безжизненной полосы земли, которая орошена сле-

зами божественнаго поэта, освящена прахомъ безсмертнаго изгнанника? Клянусь (но вы и безъ кляпвы повѣрите), что эти чувства были не вышверженныя, не поддѣльныя.

Спранно, почему мѣсто Овидіева изгнанія было до сихъ поръ предметомъ столькихъ ипопезъ, и почему нѣкоторые антикваріи искали могилы римскаго поэта близъ береговъ Днѣстра (древняго Тираса). Извѣстно, что это неизъяснимое предположеніе осуществлено даже названіемъ небольшого городка, построеннаго на берегу Аккерманскаго залива, и еще до сихъ поръ существующаго подъ именемъ *Овидіополя*. Справонъ обозначаетъ довольно явственно географическое положеніе древняго *Томиса*. . . . «Вправѣ отъ морскаго берега, по направленію отъ священнаго устья *Истера* (Дуная)» — говоритъ онъ — «находился, въ разстояніи 500 стадій маленькій городокъ *Иструсъ* (вѣроятно нынѣшній Гирсовъ). 250 стадій далѣе — существуетъ *Томисъ* (*Томисъ*), другой небольшой городокъ» и проч. (Strab. lib. VII, cap. VI). Аполлодоръ, Мела и наконецъ самъ Овидій не оставляютъ, кажется, никакого сомнѣнія по сему предмету. (См. сего послѣдняго: *Ex Ponto* 4 El. 14, v. 59.—*Trist.* III. El. 9, v. 33). По мнѣнію Лапортъ-дю-Тайля и Корая, фран-

цузскихъ переводчиковъ Справона, вычисленіе разстояній, сдѣланное размѣромъ олимпійскихъ стадій, по нашимъ новѣйшимъ картамъ, начиная опъ устья Дуная, называемаго Эдрилисомъ, заставляешъ думать о тожествѣ древняго *Томиса* съ нынѣшнимъ *Томисваромъ*; но что такое *Томисваръ*?—Извѣстный ориенталистъ Г. Гаммеръ, думая видѣть развалины *Томиса* на мѣстѣ нынѣшняго Бабадага, напрасно искалъ во всей *Добруджійской Татаріи* «означеннаго на многихъ картахъ» города *Томисвара* и кончилъ свои изслѣдованія опкровеннымъ признаніемъ, что: «in den ganzen Dobrudscha kein solches Ort existirt.» (*Rumili und Bosna, geographische Beschreibung von Mustapha ben Abdalla Hadschi-Chalfa*; стр. 30, въ примѣчаніи). Опъ Бабадага Г. Гаммеръ бросается за *Томисомъ* къ нынѣшней *Мангаліи*: «Der See, an welchem das alte Tomi lag»—говоритъ онъ—«könnte der von Babadag, wahrscheinlicher aber, der bey Mangalia gelegen sein.» (*Ibid.* стран. 196). Тожество *Мангаліи* съ древнею *Каллапіею* уже давнымъ-давно доказано.—Полагая (по таблицахъ Барпелеми) греческій стадій въ $94\frac{1}{2}$ французскихъ стоаза, и отношеніе сего послѣдняго къ нашей сажени, какъ 76,734:84,000, я нахожу, что разстояніе священнаго устья Дуная опъ *Томиса*,

Измѣряемое Спиралономъ въ 750 стадій, заключаешъ въ себѣ около 129-ти нашихъ верстъ. По картѣ генерала Гильемино, устье Дуная, называемое Эдриллисомъ, находится опъ нынѣшней Кюстенджи почти точь—въ точь на пѣкомъ разстояніи.—Сочинитель Исторической Географіи по древнимъ картамъ Д' Анвилля, называешъ сей послѣдній городокъ *Константиною*, и ставитъ оный не далѣе чешырехъ французскихъ льѣ опъ древняго *Томиса*.—Основываясь, какъ на этомъ, такъ и на всѣхъ означенныхъ соображеніяхъ, я осмѣливаюсь думать, что во всякомъ случаѣ, могила Овидія существовала не въ одномъ моемъ воображеніи, но могла найтись (и даже весьма не вдалькѣ опъ меня) въ окрестностяхъ Кюстенджи, предсказавшейся глазамъ моимъ 24-го Марта 1829 года, во время моего плаванія въ Варну.

Кромѣ всего этого, Гаджи-Халфа, турецкій географъ и путешественникъ, переведенный Г. Гаммеромъ говоритъ, что близъ Мурадлара видѣлъ онъ древнія развалины огромныхъ каменныхъ стѣнъ, кои простираются опъ *Кюстенджи* вплошь до береговъ Дунайскихъ и даже, по сказанію шугемцевъ, до самаго Кинова, или Адамъ-Клиси (Адамовой Церкви).—Это послѣднее сказаніе надѣмся мы

со временемъ повѣритъ своими собственными глазами.

« Уфъ! ай! совсѣмъ погрязъ въ премудрой археологической пинѣ. » — воскликнете вы безъ сомнѣнія, читая сію несносную компиляцію. — Постойте! развѣ вамъ неизвѣстно мое собственное отвращеніе опъ всякой ученой и неученой пыли; моя ненависть къ номенклатурамъ, къ пакоспнымъ каламбурамъ, къ фразамъ безъ мыслей, къ стихамъ безъ поэзіи? — Но путь дѣло идетъ совсѣмъ не о сличеніи нѣсколькихъ дюжинъ убійственныхъ фоліантовъ для опредѣленія одной буквы неизвѣстнаго цѣлому міру алфавита. Смѣю надѣяться, что мѣсто Овидіева изгнанія, доселѣ споль ипопечическое, способно возбудишь участіе всѣхъ и cadaго. — Не говорю о физико-математико-положительныхъ чловѣкахъ.

Міръ давно минувшаго, міръ Иродотовъ раскрылся передо мною при взглядѣ на широкій Дунай, верховное божество древнихъ Эракіянь и Скиѳовъ. Какихъ воспоминаній не возбуждаетъ въ сердцѣ этотъ исполинъ рѣкъ европейскихъ! — Походъ и бѣгство Дарія; завоеванія Траяновы; попоки Варваровъ, преобразовавшихъ вселенную. . . . — Исторія стараго и дожившаго до нашихъ дней міра начертана кровавыми буквами на сихъ пустынныхъ

берегахъ — послѣднихъ предѣлахъ неизмѣримой имперіи римской! Семирукій Испръ показался мнѣ столь же мутнымъ, какъ въ старинныя времена пѣвцу Энеиды, когда взирая на него съ палубы моего брига, я мечталъ о дикихъ, безчисленныхъ племенахъ, гнѣздившихся во глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, кои, по сказанію лѣтописцевъ, покрывали нѣкогда страну сію. Воинственные Скордиски, попомки опустошительныхъ Бренновыхъ полчищъ, Трибаллы, Мизы, баснословные Троглодиты и множество другихъ изверженій древности, (посреди коихъ особенно замѣчательны обитатели Певса (Певчина), одного изъ острововъ, образуемыхъ устьями Дуная — эпи Певчины, кои подъ именемъ Печенѣговъ играютъ во времена Воспочной Имперіи столь значительную роль въ исторіи нашего отечества) — всѣ сіи народы, озаренные блескомъ вымысловъ и бытописанія, развивались передо мною, подобно фантасмагорическимъ призракамъ, въ туманѣ давноминувшаго; но, посреди сего сумрачнаго хаоса, всего чаще представлялись моему воображенію эпи древніе Скиѣы, коихъ Иродотъ, Стравонъ, Арріанъ и другіе писатели представляютъ намъ столь безпримѣрными счастливыми. — Я душою участвовалъ въ ихъ великодушной борьбѣ съ Царемъ Великимъ; пи-

паль сердце волшебствомъ ихъ безпредѣльной вольности, мечпаль о союзахъ неизмѣнной дружбы, о живой, бальзамической свѣжести ихъ папріархальнаго существованія. Пошѣмъ блаженство сей дикой, но золотой жизни смѣнялось въ умѣ моемъ софизмами непрошенныхъ моралистовъ и законодательей: честолобивые Аварисы, Токсарисы, Анахарсисы мелькали передо мной на рубежѣ природы, и засѣвали ея благословенную ниву польнью и плевеломъ общественнаго существованія. . . .

. Вскорѣ Томисъ упопуль за нами: въ волнахъ Эвксинскаго Понта, и къ вечеру желтоватые берега Мангаліи (древней Каллатіи) были уже въ глазахъ моихъ. Вамъ можетъ быть извѣстно, что Томисъ, основанный Милезіанами въ 634-мъ году до Р. Х. и сосѣдственная ему Каллатіа считаются нѣкопорыми изъ ученыхъ въ числѣ федеральныхъ городовъ древняго греческаго Пяписоюзія (*ПЕНТАПОΛΕΩΣ*), существоваващаго на западномъ берегу Чернаго Моря.

. Но вотъ погода нахмурилась: усилившійся вѣтеръ началъ вскорѣ дышатьъ совершенною бурей. Не страшитесь, между шѣмъ, подробнаго описанія оной: убаюканный блокочущею стихіею, я долго не могъ приподнять головы

съ своей койки и видѣлъ только лешавшаго изъ угла въ уголь капитана, слышалъ только плескъ волны, перескакивавшей черезъ чалубу.—Около вечера однакожь, волны до того разыгрались, что полагая быть гораздо покойнѣе наверху, я наконецъ рѣшился выдти на палубу. Полный очеркъ карпины, поразившей меня въ эту минуту, увидите вы конечно не въ этомъ посланіи. Опуманенное море казалось мнѣ совершенно слышимъ въ единый сумрачный дымъ съ погасшими надъ нимъ небесами. Все объемлемое взоромъ пространство отбѣгло прочь, то подымалось чудовищной горою на горизонтѣ, и завывая неслось на бѣдный бригъ нашъ. Съ этой зыбучей вершины мы вдругъ погружались въ черную и, по чести, нисколько не забавную бездну. Море клокопало, сырой и пронзительный вѣтеръ свиспалъ подобно миллиону ружейныхъ пуль; корабль нашъ грозилъ ежеминутно опрокинуться то на ту, то на другую сторону, и скрипѣлъ, какъ будто подъ пышкою. — При каждомъ порывѣ вѣтра, нѣкоторые изъ нашихъ матросовъ крестились, блѣднѣли и плакали; капитанъ бѣгалъ по шканцамъ, какъ будто помѣшанный. Темнота наступившей ночи принудила насъ бросить якорь миляхъ въ 15^{ми} отъ Коварны; но, не взирая на то,

грохотъ нашихъ пушекъ требоваль уже черезъ нѣсколько времени помощи: отвѣта не было, и кораблекрушеніе казалось намъ неизбѣжнымъ. Адскій мракъ, громъ, молнія; но безъ дальнѣйшихъ подробностей, будьте увѣрены, что на изголовьи какихъ нибудь упругихъ, пламенныхъ, душистыхъ персей, или у огня своего *Дорошихинскаго* камина, вы провели эту ночь несравненно покойнѣе нашего. Послѣ полуночи вѣперъ спалъ однако мало-по-малу спихать, и на разсвѣтѣ, густой туманъ, скрывавшій отъ меня берега Болгаріи, начиналъ уже разсѣиваться. Я неперпѣливо желалъ видѣть сію чуждую землю, и любопытно смонрѣлъ, какъ въ далекѣ—по букетъ зелени выказывался вдругъ изъ-за маповаго облака, то каменный утѣсъ медленно сбрасывалъ съ себя это зыбучее покрывало и драпировался его серебряной дымкою. Проглянуло солнце. Это солнце старинной Мизіи! какъ теплы, какъ благодатны лучи его! какъ жива, какъ прозрачна лазурь сего поэпического неба!

Плодоносная Добруджа была въ глазахъ моихъ, Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что такъ нынѣшніе географы называютъ всю эту необозримую равнину, которая простирается отъ Силистріи и Шумли вдоль береговъ Дуная и Чернаго Моря вплоть до самаго Аидоса.

Ученый переводчикъ Гаджи-Халфы довольно основательно производить названіе Добруджи отъ мизійскаго *Доврикеоса* (*Δοβριχεος*), о коемъ Халькондиль не разъ упоминаетъ въ своей лѣтописи. По словамъ Г. Гаммера — безчисленные стада коровъ и барановъ гуляютъ тамъ вмѣстѣ съ табунами кошей по пучнымъ, холмистымъ пажитямъ. Жители (большею частію Татары, раздѣленные, какъ замѣчаетъ Мальте-Брюнъ, на двѣ орды: *Ораки* и *Оружбеты*), свято соблюдаютъ гостепріимство, заповѣданное Кораномъ. — Богатые, подобно древнимъ Скиѳамъ, дарами пчель и овецъ своихъ, опцы семействъ оспориваютъ другъ у друга честь пріютить странника, и въ продолженіе трехъ сутокъ безъ всякой мзды угощаютъ его. Всѣ эти замѣчанія сообщаю я вамъ прежде времени потому, что весьма плохо надѣюсь удостовѣриться лично въ истинѣ оныхъ: съ прошлаго 1828 года статистика здѣшнихъ странъ едва ли опчаси не измѣнилась противъ прежняго.

«Эти горы, теперь споль голыя» — сказалъ мнѣ капишанъ — «были до нынѣшней войны покрыты густыми фруктовыми садами; а эти огромныя груды каменьевъ, которыя мелькаютъ въ далекѣ передъ нами — кто повѣритъ, что они составляли цвѣтущія селеція, кото-

рыя были столь еще недавно одушевлены ихъ обитателями! Видите ли вы эпопѣ полукруглый, вдавшійся въ море угпесъ?» — продолжалъ капитанъ — «онъ называется Капо-Калакріею. На вершинѣ онаго находятся развалины старой крѣпости, съ многочисленными памятниками Венеціянскаго владычества.»

Название *Capo Calacria* (мысль Калакрія) отзывается дѣйствительно Венеціею: а потому, если вѣрить, что мѣсто сіе въ самомъ дѣлѣ принадлежало сей могущественной республикѣ, то должно полагать, что она основала на ономъ свое владычество по раздѣленіи областей Восточной Имперіи между Венеціянами и Французами въ 1204 году, послѣ взятія Константинополя Крестоносцами, бѣгства Алексія Дуки (проименованнаго Мурзуфломъ) и возведенія на престолъ Восточной Имперіи Балдуина, Графа Фландрскаго. Лѣбо и другіе историки говорятъ, что, въ слѣдствіе сего раздѣла, Венеціане взяли между прочимъ на свою часть почти всѣ приморскія мѣста имперіи отъ восточныхъ береговъ Адриатическаго Моря до береговъ Эвксинскаго Понпа; но если Калакрія находилась въ числѣ сихъ приобретеній, то изъ сего ясно видно, что Левъ св. Марка проникъ съ этой стороны еще глубже въ нѣдра Восточной Имперіи.

Для ученыхъ Калакрія несравненно любопытнѣе сего по остаткамъ древности, сохранившимся на вершинѣ оной. Г. адмиралъ Грейгъ говорилъ мнѣ, что онъ нашель тамъ два куска мрамора съ древними греческими надписями. Ни одинъ изъ древнихъ историковъ и географовъ не упоминаеть, сколько мнѣ извѣстно, о существованіи какого-либо поселенія на семъ мѣстѣ: слѣдовательно, находка адмирала должна быть тѣмъ драгоценнѣе для ученаго свѣта.

«Отъ Калакріи до Коварны» — продолжалъ Капитанъ — «не болѣе 9-ти миль; за нею Бальчикъ, и потомъ, Варна.» — Скорѣе же, скорѣе въ Варну! — возразилъ я; но уснувшій вѣперъ едва двигалъ насъ съ мѣста.

27го мы уже слышали гулъ варнской заревой пушки, и должны были снова бросить якорь миляхъ въ 8-ми отъ сей крѣпости. На другой день—поже безвѣтріе. Варна была уже въ глазахъ моихъ, и какъ будіио смѣялась надъ нашимъ безсиліемъ приблизиться къ ея пристани. Терпѣніе мое наконецъ испощилось. Капитанъ намекнулъ о своемъ барказѣ, и я, обрадованный симъ предложеніемъ, просилъ въ ту же минуту спустить оный. Черезъ четверть часа, восемь весель уже разсѣкало подомной послушныя воды.

Сначала легкой боковой вѣтеръ поокруглилъ немного поднятый нами парусъ; но черезъ нѣсколько минутъ онъ утихъ совершенно, и вскорѣ плаваніе на однихъ веслахъ надоѣло неперпѣливымъ гребцамъ моимъ. Приблизясь, въ слѣдствіе того, почти къ самому берегу, они вдругъ прыгнули всѣ въ воду, и привязавъ къ барказу довольно длинныя веревки, начали тянуть его на себѣ по морю, какъ по суху. Видя своихъ спутниковъ по поясъ въ водѣ, я сначала убѣждалъ ихъ не дѣлать подобныхъ глупостей; но получа въ отвѣтъ одно только: «Niente, niente, Signore!» — сопровождаемое громкимъ смѣхомъ и молодечествомъ, странникъ вашъ, подвигался такимъ образомъ препокойно впередъ, какъ Нептунъ, везомый Триптонами.

Послѣ довольно долгой и столь забавной навигаціи, мы вошли наконецъ въ заливъ Варнскій. Я съ восхищеніемъ смопрѣлъ на берега, которые въ этомъ мѣстѣ необыкновенно прелестны. Дикіе утесы, и цвѣтущая зелень, бѣгущіе съ горъ фонтаны, и это голубое, необозримое море, составляютъ здѣсь очаровательную смѣсь природы романтической съ нѣжною буколическою природою. — Морскія чудовища выставляли изъ воды свои странные морды, рѣзвясь и плескаясь вдалекѣ

передъ нами. Огромная чугунная пушка валялась на берегу, полусокрытая пескомъ и свиснувшимъ съ горъ кустарникомъ. Я выѣхалъ изъ ледянаго царства зимы, и черезъ семь дней очутился въ странѣ, обогащенной всѣми дарами весны благодапной.

Часа черезъ два амфитеатръ бѣлыхъ, издали довольно красивыхъ домиковъ, съ красными черепичными кровлями и горизонтомъ зеленѣющихъ позади горъ, предсавился, какъ прекрасная панорама, глазамъ моимъ. Два или три минарета возвышались надъ массою строеній. Издали мнѣ все казалось такъ ново, пестро и разнообразно, что я почти не замѣтилъ, какъ проплывъ между рядами стоящихъ въ гавани купеческихъ судовъ, мы приспали наконецъ около 12-ти часовъ къ сѣвернымъ воротамъ Варны. Тамъ, прежде всего, увидѣлъ я дюжины полторы воспочныхъ прачекъ, да толпу мирно-шалившихъ мальчиковъ; попомъ—русская пушка выглянула вдругъ изъ своей амбразуры; русскій штыкъ сверкнулъ на покапости высокаго парапета; попомъ—невольное ура! вырвалось изъ моего сердца, когда нашъ черный двуглавый Орелъ принялъ меня подъ широкія крылья свои, мощно разпростершыя надъ стѣнами покоренной крѣпости.

Вамъ извѣстно, что эпопъ громовержущій Орель владѣеть впервые красавицей — Варной. Еще во время войны 1773 года графъ Румянцевъ покушался взять сію крѣпость, и въ слѣдствіе того, опдѣлилъ изъ-подъ Силисп-ріи два корпуса противъ оной; но тогда эпо смѣлое покушеніе не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году эпопъ же полководецъ, обошедъ позицію Визиря Мехмеда-Оглу; спалъ между его лагеремъ и Варною — жишницею Константинополя и войскъ опшоманскихъ. Суліпанъ Абдуль-Гамидъ, испрашенный споль пагубнымъ для нихъ собышемъ, предложилъ Рускимъ миръ, который и заключенъ при Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году. По разбитіи Верховнаго Визиря Юсуфа-Паши въ 1791-мъ, князь Рѣпинъ спалъ вновь угрожать Варнѣ; но посредничество Англіи и Пруссіи, встревоженныхъ ураганомъ французской революціи, спасло и на эпопъ разъ сію крѣпость. Въ 1810^{мъ} году, по взятіи Базарджика и плѣненіи Сераскира Пеливана-Паши, споль извѣстнаго своими военными дарованіями, Варна была почти цѣлый годъ обложена Рускими. Блокада сія снята, между прочимъ, какъ и всѣ предыдущія, при знаменишомъ Кутузовѣ, смѣнившемъ въ 1814^{мъ} графа Каменскаго. Наконецъ 29 Сентября, прошлаго 1828 года,

полки наши, предводительствуемые генераломъ графомъ Воронцовымъ, сорвали Општоманскую Луну въ присутствіи своего Императора съ бастіоновъ разстрѣлянной Варны.— Важный, огромный шагъ къ Византіи! Не изъмагнитали ли скованъ былъ древній щипъ, повѣщенный Олегомъ на вратахъ града Констанцинова? . . . . .

Вступивъ въ городъ, я съ перваго взгляда подумалъ, что перенесенъ въ сказочный міръ Шехеразады, въ эпопѣю вѣчно занимательный Багдадъ, столицу могущественнаго Халифата. Правду сказать—ни одинъ правовѣрный не встрѣтился со мною, но чалмоносные Болгары, Армяне и Греки, мелькавшіе въ темныхъ и чрезвычайно тѣсныхъ улицахъ, но перспрѣющіеся въ открытыхъ лавкахъ азійскіе повары, но эти смуглыя лица, эпопѣ чуждый языкъ и одежда, не разрушали очарованія до встрѣчи съ первымъ русскимъ солдатомъ. Я спросилъ его о квартирѣ генерала Г., и услужливый гренадеръ взялся быть проводникомъ моимъ. Послѣ довольно долгаго путешествія по тысячѣ перепутанныхъ улицъ и переулковъ, онъ вошелъ наконецъ на тѣсный дворъ, и остановясь передъ чистымъ деревяннымъ домикомъ сказалъ: «Вопъ квартира военначальствующаго.»

Генераль принялъ меня въ небольшой, но довольно опрятной комнашкѣ. Веселый видъ и убранство оной могутъ въ военное время, и особенно въ Турціи, назваться наслажденіемъ истинно - аристократическимъ. Узнавъ цѣль моего прибытія въ Варну, генераль показалъ мнѣ, между прочимъ, нѣсколько медалей собранныхъ имъ въ сей крѣпости. Большая часть оныхъ принадлежатъ Риму и Восточной Имперіи; медалей древней Греціи, я замѣтилъ весьма не много. Между сими послѣдними серебряныя монеты Испроса попадались мнѣ въ наибольшемъ количествѣ. На мое замѣчаніе, что мы находимся въ странѣ классической, генераль отвѣтствовалъ: «Правда; но война не наперстница Археологіи: вамъ конечно покажется страннымъ, что эти драгоценныя мраморы, которые могли существовать въ турецкой Варнѣ, употреблены уже въроятно, вмѣстѣ съ другими каменьями, на поправленіе нашей крѣпости. Чтоже касается до сокровищъ нумисматическихъ, то Варна была сначала довольно богата ими; но должно полагать, что всѣ сіи драгоценности приобретены въ то же время разными частными лицами. Вы къ намъ нѣсколько поздно приѣхали.»

За всѣмъ тѣмъ, трудно описатьъ, съ ка-
кимъ радушіемъ почтенный генераль Г. при-
нялъ меня. До пріисканія себѣ квартиры, я
остановился у Г. г. его адъютантовъ, от-
куда и пишу сіи строки. Но довольно. Чув-
ствую, что

Le secret d'ennuyer est celui de tout dire,

и не взирая на то, намѣренъ, нѣсколько по-
осмотрѣвшись, сообщить вамъ о Варнѣ все,
что почту достойнымъ вашего вниманія. —
Прощайте.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Е м у ж е.

Варна, 4 Апрѣля.

Вопшь уже болѣе недѣли, какъ я обитаю въ Варнѣ; скипаюсь посреди развалинь, хлопочу о медаляхъ, о кускахъ древняго мрамора; — живу и бесѣдую съ мершвою природою. Судьба, судьба!—Около прехъ лѣтъ шому назадъ, когда величавая Нева видѣла насъ вмѣспѣ на роскошныхъ берегахъ своихъ, какой кудесникъ могъ бы увѣришь меня, что черезъ нѣсколько времени песокъ съ могилы злополучнаго Владислава засыплеть спроки письма сего!

Я уже сказалъ вамъ, что съ палубы корабля, Варна и ея окрестности представляють каршину споль очаровательную, но вмѣспѣ споль спранную и неопредѣленную, что для

изображенія оной вѣжныя краски Авзоніи должны, кажется, непременно войти въ сочешаніе съ яркимъ колоритомъ Востока. Городъ и крѣпость построены на легкой покапоспи, образуемой склоненіемъ горъ, зеленѣющихъ сугубымъ оплохомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ Варны: съ южной и сѣверной. Западная часть крѣпости смотрится въ зеркало Девнинскаго Лимана, а восточная сползаетъ повелипельнымъ рубежемъ надъ необозримою равниною моря, коего волны съ шумомъ и грозною покорносцію умирають у ногъ доселѣ неприступной твердыни. Съ этой стороны толстыя стѣны крѣпости чрезвычайно потерпѣли отъ посылкъ нашей артиллеріи: широкіе проломы и обильныя груды каменье въ громко говорятъ о мѣткости русскихъ пушекъ. Въ сей-то разспрѣлянной оградѣ перстрѣпъ обширный амфитеатръ домовъ и мечетей, фруктовыхъ садовъ, мраморныхъ фонтановъ и свѣжихъ, повсемѣстныхъ развалинь. Надъ симъ-то разнообразнымъ хаосомъ высокіе минареты возносятъ свои серебристые куполы, окованные яркobleщущими листами полированной жести или олова. Внутренность города представляеть Европейцу картину еще болѣе необыкновенную: дома обращены окнами на дворъ, дворы закрыты

густою зеленью. Улицы столь тѣсны, что едва ли три человека могутъ рядомъ проходить свободно, а строенія такъ сжаты, что въ самый полдень свѣтъ борется съ тѣнью между рядами сихъ однообразныхъ стѣнъ, непроницаемыхъ для любопытнаго спранника, непроницаемыхъ для любопытства черноокой восточной красавицы. . . . Не думайте, между тѣмъ, чтобы Варна была вездѣ такъ темна и однообразна; трудно напроривъ изобразить эту очаровательную поспешность, съ кою здѣшнее великолѣпное солнце выходитъ изъ пещеры сихъ безполковыхъ, перепутанныхъ улицъ. Спановясь мало по малу краснѣе и явственнѣе на углахъ перекрестныхъ строеній, оно сосредоточиваетъ все золото жаркихъ лучей своихъ на просторѣ небольшихъ площадокъ, посреди коихъ уединенный мраморный фонтанъ журчитъ обыкновенно подъ тѣнью орѣховыхъ, шелковичныхъ и разныхъ другихъ деревьевъ. Эти фонтаны попадаются здѣсь почти на каждомъ шагу; возглавія ихъ испещрены кудреватými восточными надписями. Считаю за лишнее говорить, какъ отраднa холодная струя сихъ прекрасныхъ водоемовъ во время помпешельныхъ жаровъ долгаго болгарскаго лѣта. Не взирая на сіе поясненіе, вы по моему описанію можете быть

заклучише, что Варна мертвый, безцвѣт-
ный городъ: напропивъ. Взгляните на эту
узкую, кривую, но безконечную улицу: какой
шумъ! какая суешливість! Вотъ лавка съ
косметическими товарами. Воспока, вотъ
другая съ благовоной *халвою*, съ плодами,
съ разными Цареградскими лакомствами. Тамъ
пестрѣются шелковыя издѣлія роскошнаго
Стамбула; здѣсь дымится кофе въ малейшихъ
синихъ чашечкахъ, вставленныхъ въ серебря-
ныя, сдѣланныя на подобіе вазъ блюдечки, а не въ
далекъ алѣетъ *шербетъ ароматный*. Мастер-
ская портнаго, лавка пирожника, булочника, съ
засученными по шею рукавами — все это на-
ружу, все открыто; улица изукрашена, такъ
сказать, картинами изъ *Тысята и одной ноги*.
Смѣсь лицъ и нарядовъ представляеть зрѣ-
лище не менѣе любопытное. Вотъ Турокъ (плѣн-
ный разумѣется) съ гордымъ, угрюмымъ
челомъ и важною поступью; вотъ Армянинъ
смуглый и молчаливый; вотъ Болгаръ съ
шурою невыразительностью лица и тяжелою
машинальностію движеній; вотъ Грекъ, на-
онецъ, быспрый и проворный, съ разбѣгающи-
мися глазами и съ хипрой, двусмысленной
физиогноміей. Нарядъ шурецкій вамъ извѣ-
стенъ; одѣяніе здѣшнихъ Болгаръ, Армянъ
и Грековъ почти во всемъ подобно ему. Одна

только чалма опличаетъ гяура опъ право-
вѣрнаго : сей послѣдній пользуется исключи-
тельнымъ правомъ обвивать ее бѣлою или
зеленою тканью. Армяне, и Греки употребля-
ютъ для сего шали, бѣльшею частію чернаго
цвѣта, а Болгары носятъ круглыя бараньи
ярилки, подобныя недавнимъ шапочкамъ на-
шихъ *fashionables*. — Посреди сей азійской
толпы вы встрѣчаете также немало оспап-
ковъ Израиля и множество фигуръ европей-
скихъ : русскихъ, французскихъ, испальян-
скихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ; солдапъ, шки-
перовъ, мапросовъ и чеспныхъ, общеплез-
ныхъ маркипанповъ. Кспапи о сихъ послѣд-
нихъ : на здѣшнихъ вывѣскахъ вы имѣете
удовольствіе читать, не только : *Hôtel d' O-*
dessa, Hôtel de * * * и проч., но даже : *Martin,*
cave française; Fendrig, magasin de draps et
pouveautés etc., etc. . Златое, чудесное изоб-
иліе! Здѣсь въ особенності симпатія его къ
карману ничѣмъ не успуцитъ постоянному вле-
ченію магнитной стрѣлки къ Сѣверному полюсу.

Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что турецкіе
жители (бѣльшая частъ здѣшняго народонасе-
ленія) оставили Варну въ слѣдствіе капиту-
ляціи 27го Сентября. Мѣспю ихъ занимаютъ
каждый день греческіе и болгарскіе эмигранты,
бѣгущіе сюда толпами изъ окрестныхъ турец-

кихъ городовъ и селеній. Вотъ, кажется, достапачная причина невозможности сообщитъ вамъ удовлетворительныя свѣдѣнія о Варнѣ; а потому, все, что касается сего важнаго предмета, должно къ сожалѣнію состоятъ въ одномъ повтореніи тѣхъ гадательныхъ подробностей, которыя для читающаго міра не будутъ уже конечно новостію.

Барна находится подъ 43° 10' С. широты и подъ 25° 40' долг. . Знаменитая крѣпость сія была издревле извѣстна и своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, и важностію своей торговли. Въ сихъ отношеніяхъ она и теперь можетъ назваться первымъ приморскимъ городомъ въ Болгаріи, будучи также транзитнымъ мѣстомъ всѣхъ вообще товаровъ, идущихъ изъ сей провинціи и Валахіи въ Константинополь и обратно. Барна заключаетъ, или, какъ говорятъ, заключала въ себѣ до послѣдней осады около 4,000 домовъ и до 26,000 жителей. Языкъ турецкій есть ихъ господствующее нарѣчіе. За исключеніемъ Севастопольскаго и Сизопольскаго портовъ, здѣшняя пристань считается единственною на Черномъ Морѣ. Настоящая промышленность жителей состоить въ снабженіи Константинополя и окрестныхъ мѣстъ разными съѣстными потребностями.

Здѣсь кромѣ весьма небольшого количества ословъ и буйволовъ, я не видалъ почти никакихъ животныхъ. Лошади, овцы и другой домашній скотъ сдѣлался, по словамъ жителей, добычею Турокъ, во время осады крѣпости. Я насчиталъ въ Варнѣ пять или шесть мечетей, кромѣ тѣхъ, кои превращены въ прахъ нашими пушками, и отыскалъ не менѣе сего церквей христіанскихъ. Я говорю отыскалъ, ибо фанатизмъ правовѣрныхъ сравнивалъ ихъ съ кровлями другихъ строеній. Двѣ только церкви, по видимому древнѣйшія въ Варнѣ, возносятъ остатки своихъ готическихъ колоколенъ надъ окружающими ихъ домами. Одна изъ нихъ служила, какъ говорятъ, Туркамъ наблюдательною башнею во время послѣдней осады: она избита нашими ядрами. Я вошелъ во внутренность церкви: прахъ и заустѣніе! На стѣнахъ, между тѣмъ, замѣтны еще образы святыхъ, писанные по шпукатуркѣ; но повѣрите ли: слѣпое неистовство Оптомановъ обратило даже и на эти нѣмыя изображенія дикіе порывы своей безсильной ярости: въ одномъ мѣстѣ—выколонные глаза, въ другомъ—ликъ искаженный! . . . Впрочемъ, здѣсь и непронупые христіанскіе храмы представляютъ повсюду печальный видъ нищеты и разрушенія. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ сло-

вахъ изображеніе здѣшней греческой церкви: почти всѣ онѣ построены посреди широкихъ дворовъ, окруженныхъ сѣрыми каменными заборами и усѣянныхъ надгробными мраморами. Подобно костямъ, плѣвающимъ на равнинѣ старой битвы, эти унылые памятники мелькаютъ повсюду изъ-за высокой травы и наводятъ на душу, мертвымъ отблескомъ холодной бѣлизны своей, самыя печальныя размышленія. Внутренность храма нисколько ихъ не разсѣиваетъ. Тѣсный, сумрачный, обнаженный, онъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной собираются мужчины, въ другой—женщины. Тусклый свѣтъ лампы прелещетъ на темныхъ краскахъ и на угасшей позолотѣ иконъ, современныхъ по крайней мѣрѣ царствованію послѣднихъ Палеологовъ; а на полу и часпо даже на стѣнахъ, вы встрѣчаете вдланный обломокъ мраморнаго барельефа съ языческою надписью . . . . Греки и Римляне, Архонты и Кесари, Язычники и Христиане—вѣка смѣшались въ семь безмолвномъ хаосѣ яркія черты бытія ихъ—и слѣды онаго еще живы здѣсь!—Каждая церковь охраняется обыкновенно одною старою опшельницею, которая и обитаетъ тушь же, посреди развалинъ. Эта же самая Сивилла служитъ единственнымъ *тутероне* набожности и любопытству.

Здѣшніе христіане имѣють двухъ архипастырей: это митрополиты греческій и армянскій. Надѣясь обогатиться отъ нихъ какими нибудь свѣденіями относительно моихъ изысканій, я посѣтилъ того и другаго. Съ первымъ познакомился я у вечерни въ соборной церкви. По окончаніи службы, на спросъ мой о митрополитѣ, миѣ указали бѣднаго, немощнаго спарца: я подошелъ къ нему; но въ ту же минуту густая толпа окружила насъ. Напрасно мой драгоманъ началъ объясненіе; тысяча голосовъ, тысяча языковъ испорченныхъ русскихъ, болгарскихъ, греческихъ, хотѣло пособлять ему. Это вавилонское многоязычіе сопровождало насъ вплоть до митрополитова дома. Машинальнымъ движеніемъ руки пригласилъ онъ меня войти въ комнату; но и сія плотина не удержала наводненія. Впрочемъ почтенный первосвященникъ взиралъ на эту гурьбу съ необыкновеннымъ равнодушіемъ, какъ человекъ, по видимому освоенный съ подобными посѣщеніями. И такъ — народъ съ шумомъ ринулся вслѣдъ за нами; каждый хотѣлъ говорить, каждый кричалъ, толпился, безъ церемоніи набивалъ и раскуривалъ свою трубку. Съ неизъяснимымъ трудомъ почтенный митрополитъ добился наконецъ возможности объяснить миѣ, что

милорды и нглезы, посѣщающіе съ давнихъ поръ страну сію, вывезли изъ оной вѣроятно всѣ до- спомятності. Бѣдный старикъ! какое сравне- ніе съ европейскими прелатами, живыми порп- ретами столь извѣснаго оригинала, который,

. . . . . muni d'un déjeuner

Dormant d'un léger somme, attendait le diner.

. . . . .

Son menton sur son sein descend à double étage;

Et son corps ramassé dans sa courte grosseur,

Fait gémir les coussins sous sa molle épaisseur.

Митрополишь армянскій пользуется, по видимому, гораздо мѣньшею народностію, не- жели первосвященникъ греческій. Онъ при- нялъ меня въ присуствіи двухъ только слу- жипелей своей церкви, угостилъ вареньемъ, кофеемъ, трубкою, и предложилъ проводника для обзрѣнія армянскихъ храмовъ. Все это хорошо; но пишина уединенной Арменіи по- двинула меня къ главной цѣли моего посѣще- нія столь же близко, какъ и эта безполковая кущерьма, коею шумная Греція угостила меня.

Чтобы довершитъ сей безцвѣпный, но вѣрвый очеркъ Варны, мнѣ остаеися по- казать вамъ внутренность здѣшняго дома. По занимаемой мною кварпирѣ, вы можете нѣкоторымъ образомъ судитъ вообще объ изяществѣ туреческаго зодчества.

На другой день по прибытіи моемъ въ Варну, мнѣ отвели квартиру въ бѣдномъ греческомъ домикѣ, тѣсномъ, полуразрушенномъ, но по сосѣдству съ квартирою генерала Г., болѣе другихъ для меня удобномъ. Одинъ изъ адъютанповъ генерала ввелъ меня по тѣсной и чрезвычайно крутой лѣстницѣ на узкіе помосты, или на открытую галерею, если вамъ угодно почтись симъ названіемъ нѣсколько доспокъ, разложенныхъ во всю длину внутренней стѣны дома. На томъ и на другомъ концѣ сей галереи устроено по одному жилью. — Хозяева, упомянутые безпрестаннымъ постоемъ, были, какъ вы можете предсказать себѣ, не совсѣмъ рады новому постояльцу. Подушки, образовавшія диванъ вокругъ всей комнаты, и украшавшія оную вмѣсто ковровъ рогожки, были вынесены. — «Вопль запусібніе!» воскликнулъ я, вступивъ въ сію скудную обитель. — «Что въ сравненіи съ нимъ эта сердечная пустоша, мучительница нѣкоторыхъ изъ нашихъ поэтовъ, спранниковъ въ домѣ родительскомъ, Чайльдъ-Гарольдовъ въ какомъ-нибудь полку или канцеляріи!» — Выбѣленное мѣломъ жильё обращено окнами на дворъ, разбитыя стекла заклеены бумагою, и свѣтъ проникаетъ въ комнату только чрезъ дверь и безчисленныя скважины

стѣнь, пошолка и глинянаго пола, полупревращеннаго въ прахъ летугій. Близъ двери возвышается наметъ огромнаго камня, который служитъ только для разведенія огня, но почти нисколько не согрѣваетъ комнаты, ибо трубы турецкихъ печей никогда не закрываются, подобно нашимъ. Водворясь въ сей великолѣпной обитали, я прежде всего принялся хлопотать о мебелированіи оной. Вскорѣ старый изувѣченный столъ, подобный и цвѣтомъ и формою закопченному Пиѳійскому преножнику, двѣ скамейки и кровать украсили чертоги мои. На столѣ разложилъ я свои книги, бумаги и проч., а стѣны украсилъ картинами Болгаріи и Румиліи, которыя привезъ съ собою:

Познакомивъ васъ такимъ образомъ съ предметами неодушевленными, я долженъ также сказать нѣсколько словъ о живой мебели моей квартиры: въ семъ качествѣ прошу васъ полюбить моего хозяина. Не взирая на рѣшительное свое отвращеніе къ постояльцамъ, онъ не замедлилъ посѣпить меня. Помѣщаясь подъ наметомъ камня и раскуривъ безъ дальнихъ околичностей свою трубку, эпопъ добрякъ зашѣялъ со мною самую дружескую конференцію. Я говорилъ по-русски, онъ—по-турецки и по-гречески. Много ли мы понимали одинъ другаго—объ этомъ ни

слова: довольно того, что прополковавъ болѣе часу, мы распались самыми добрыми пріятелями. Подобная словоохотливость есть впрочемъ исключеніе изъ общаго правила въ Варнѣ, гдѣ нравы хрисціанскихъ жителей, подчиненные споль долгому вліянію турецкихъ обычаевъ, приняли всѣ опшѣнки этой дикой суровости, которая всегда и вездѣ была отличительною чертою оппоманскаго характера. Безпрестанныя мои прогулки по Варнѣ знакомятъ меня каждый день болѣе и болѣе съ ея неприсипупной угрюмостью — «Есть-ли у тебя *антики*?» спрашиваете вы у купца, сидящаго съ поджапыми ногами во глубинѣ своей лавки, и окруженнаго густыми облаками табачнаго дыму. — Легкое уклоненіе головы или лаконическое: «*Юкъ!*» (нѣтъ), произнесенное съ холодною важностію и съ опвращеннымъ въ шу же минути лицомъ, есть единспвенный опвѣтъ его въ знакъ оприцанія. Въ случаѣ упвердительнаго опвѣта, *автоматъ* начинаешъ мало-по-малу приходитъ въ движеніе; глупая улыбка появляешся на устахъ его; кожаный мѣшокъ развязывается иногда цѣлыя полчаса; и наконецъ—множесство различныхъ монешъ: старыхъ палеровъ, флориновъ и часто нашихъ полновѣсныхъ Павловскихъ грошей и копѣекъ, сыплешся передъ вами на споль

вмѣстѣ съ драгоцѣнными медалями Греціи. Въ эту минуту вся фізіогномія нумисмата оживляется быстройю переменною: жажда корысти спановится главнымъ ея выраженіемъ; глаза, дополѣ почти неподвижные, начинаютъ разбѣгаться во всѣ стороны, какъ будто спрашась согласія съ движеніями и словами честнаго спекулятора. Благодѣтельная нить Аріадны необходима въ лабиринтѣ слѣдующихъ за симъ тонкостей. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о достоинствѣ своего товара, купецъ подстерегаетъ всѣ ваши движенія, и если замѣтитъ, что вниманіе ваше обращено въ особенности на какую-либо монету, то вы можете быть увѣрены, что грозное: 800 или 1000 левовъ, подобно внезапному электрическому удару ополкнетъ васъ опъ оной. Разгадавъ наконецъ сію важную тайну, я рѣшился посвящать всѣ наружные знаки моего восторга и удивленія старымъ грошамъ и копѣйкамъ. Такимъ только образомъ удалось мнѣ купить до сихъ поръ нѣсколько древнихъ монетъ и медалей, изъ коихъ нѣкоторыя кажутся мнѣ драгоцѣнными; но пора обратиться къ главному предмету моего путешествія и сказать вамъ нѣсколько словъ о сдѣланныхъ мною по сіе время открытіяхъ.

Генераль Р., главноначальствующій въ здѣшней крѣпости, подтвердилъ мнѣ объясненныя генераломъ Г. трудности обогатиться какими-либо открытіями въ Варнѣ. О Кюстенджи и о Мангаліи онъ говорилъ также, какъ о мѣстахъ опустошенныхъ и, сверхъ того, оставленныхъ бѣдными ихъ жителями. По его мнѣнію мнѣ должно было немедленно ѣхать за Балканы, чтобы въ покоренномъ недавно Сизополѣ заспать предполагаемыя слѣды древней Аполлоніи, пока армейскія гарпіи не успѣли еще поглотить послѣднихъ остатковъ ея; но Варна была главною цѣлію моихъ изысканій; желаніе доказатьъ жестокость сей крѣпости съ древней Одессою, лежало у меня пуще всего на сердцѣ: и я, кажется, не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; но за то—сколько заботъ, сколько хлопотъ—смѣшныхъ, досадныхъ, иногда почти совсѣмъ нестерпимыхъ!

За недоспапкомъ пособій болѣе существенныхъ, я надѣялся руководствоваться въ моихъ изысканіяхъ по крайней мѣрѣ изустными преданіями жителей — шемными, разногласными, но живыми отголосками вѣковъ, завѣщавшихъ споль мало скрыжальямъ бытописанія; но я сказалъ уже, что коренные пуземцы разсѣяны, а пришельцы, водворившіеся въ русской Варнѣ, не могли ни въ какомъ отно-

шенія, отвѣчаютъ удовлетворительно на мои распросы. За всѣмъ тѣмъ, время и непоколебимая воля—какихъ чудесъ не творятъ они! Но прежде, нежели обращу ваше вниманіе на сдѣланныя мною отккрытія, да позволено будетъ робкому *неофиту* коснуться слегка, мимоходомъ, и какъ необходимаго только приложенія къ смиреннымъ его изысканіямъ, этой сумрачной, двадцати-вѣковой завѣсы, изъподъ коей нынѣшніе антикваріи выводятъ свои тускляя ипотезы о существованіи древней Одессы. Въ семъ случаѣ я виѣняю себѣ между прочимъ въ обязанность объявить, что ученое руководство Г. Бларамберга, почтеннаго моего вожака въ дедалѣ Археологіи, есть главный источникъ предлагаемой компиляціи.

Милезейскіе переселенцы, одушевившіе берега Эвксина около середины VII вѣка до нашей эры своими богатыми поселеніями, были по словамъ Схимна Хіосскаго и безыменнаго автора Перипла по Черному Морю; основателями древней Одессы (*ΟΔΗΣΣΟΣ*). Созданіе сего города относится, по сказанію означенныхъ писателей, ко временамъ мидійскаго царя Астіага, дѣда Кирова, ш. е. къ эпохѣ, протекавшей между 594 и 559 годами до Р. Х.. Названіе Одессы не требуетъ, кажется, дальнихъ этимологическихъ изысканій: оно безъ со-

миѣнія происходитъ отъ имени Одиссея (Улисса) и такимъ образомъ служишь доказательствомъ того уваженія, которое жители береговъ Эвксина сохранили къ памяти великаго царя-мореплавателя.

Пять городовъ, процвѣтавшихъ, какъ я сказывалъ уже, на западномъ берегу Чернаго Моря, составили между собою торговый союзъ, представляющій вѣчно подобное коммерческой федераціи новѣйшей Ганзы. По миѣнію Г. Б. это древнее пятисоюзіе было составлено слѣдующимъ образомъ: Томисъ, Каллатія, Одиссошь, Месемврія и Аполлонія; или даже изъ городовъ менѣе отдаленныхъ отъ Одессы, предполагаемаго средоточія союза, какъ то: Крины или Діонисополь, Навдохось и проч.

« Во всѣхъ мѣстахъ, » говоритъ одинъ изъ « нашихъ антикваріевъ, « куда проникли неутомимые переселенцы милезійскіе, торговля « и промышленность укоренились въ продолженіи весьма немногихъ лѣтъ. Одесса и Томисъ « въ Мизіи; Испрополисъ, Анхіало и многіе « другіе города и порты во Эракіи начали « производить выгодный торгъ, не только « съ кореннымъ своимъ опечествомъ, Милетомъ, славнымъ городомъ въ Іоніи, но даже « со многими приморскими колоніями Таврическаго Херсониса. »

Древніа медали Пяписоюзія (médailles antonomes) показывають, что города, составившіе оное, имѣли сначала собственное народное правленіе; по завоеваніи же Мизіи и Фракіи Римлянами, автономія сихъ городовъ подчинилась, по видимому, вліянію Императорскихъ Намѣстниковъ, и съ тѣхъ поръ медали Пяписоюзія представляють изображенія Кесарей. Императорскія медали Одессы показывають, что колонія сія находилась еще въ цвѣтущемъ состояніи при Императорѣ Гордіанѣ Піѣ, т. е., около половины III вѣка; послѣ же царствованія Филиппа Аравіяннина (около 250 года) ни одинъ изъ извѣстныхъ нумизматическихъ кабинетовъ не представляетъ намъ, по словамъ Г. Б., медалей греческихъ поселеній, процвѣтавшихъ между Аполлонією и Ольвією на берегахъ Чернаго Моря, Римское владычество, изгладивъ всю эту роскошь ума, вкуса и промышленности, которыми Греція, общая мать просвѣщеннаго человѣчества, озарила міръ европейскій, было равнымъ образомъ неблагопріятно и ея Черноморскимъ поселеніямъ. Правда, что въ царствованіе Антониновъ, Мизія и Фракія поражались еще яркимъ отблескомъ прежняго своего благоденствія, но Императоръ Домиціанъ былъ уже, какъ извѣстно, данникомъ

Децебала, царя Дакійскаго. Одно мѣсто въ Діонѣ Риторѣ, писавшемъ въ царствованіе Траяна, свидѣтельствуетъ, какъ замѣчаетъ Г. Б., что за 150 лѣтъ передъ тѣмъ, всѣ Греческія колоніи, существовавшія на берегахъ Эвксина, отъ Ольвіи до Аполлоніи во Фракіи, были опустошены Гетами, и что съ этой эпохи большая часть оныхъ утратила невозвратно прежнее свое благосостояніе; что разсѣянные обитатели покинули частію навсегда свои жилища; но что выгодное мѣстоположеніе Одессы, Томиса, Каллапіи и проч. предохранило ихъ по-видимому отъ сего конечнаго бѣдствія, и если не возвратило сіи колоніи къ прежнему, цвѣтущему ихъ состоянію, то по крайней мѣрѣ доставило имъ средства возобновить обороты выгодной промышленности.

При Императорѣ Филиппѣ Аравіянинѣ въ 249 году, и Требоніи Галлѣ въ 252, Готы, переходившіе уже нѣсколько разъ Дунай, опустошили снова Мизію и Фракію. Тогда вѣроятно во второй и послѣдній разъ была разрушена Одесса, вмѣстѣ съ другими греческими колоніями, процвѣтавшими на берегахъ Эвксинскаго Понта. Правда, что Аммианъ Марцеллинъ и другіе позднѣйшіе писатели упоминаютъ о нѣкоторыхъ изъ сихъ

поселеній; но нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Г. Б., что въ то время они были уже опустошены, или по крайней мѣрѣ оставлены ихъ обитателями.

Совершенное опустошеніе Мизіи и Фракіи начинается конечно съ наслѣдниковъ великаго Константина. Мирный договоръ, купленный Θεодосіемъ II, проименованнымъ младшимъ, у Апиллы, *бига Божія*, былъ подписанъ въ 442 году въ самой Варѣ. Съ эгихъ поръ нищета и разрушеніе воцарились въ сихъ прекрасныхъ странахъ. Гражданскія междоусобія и свирѣпство Варваровъ: Гунновъ, Алановъ, Гепидовъ и множества другихъ кочевыхъ народовъ, хлынувшихъ изъ Верхней Азіи на нашу часть свѣта, наводнили кровію и покрыли развалинами очаровательныя долины Мизіи и Фракіи. Съ сего времени слава забыла эгошь благословенный край, прекрасную опчизну чудесь и героевъ; съ сего времени одно минувшее сіяеть во мракѣ его ничтожныхъ лѣтописей, и только неиспощимое сокровище воспоминаній волнуешь душу на священныхъ могилахъ Мизіи и классической Фракіи.

Событія, слѣдовавшія за паденіемъ Воспочной Имперіи; торжество Луны оппоманской; побѣды Амурапа I-го, покорившаго сіи богатыя страны въ 1365 году и окончательное

завоеваніе оныхъ его наслѣдниками, суть общошпельства, чуждыя моему предмету: а пошому, я пройду въ молчаніи надъ этимъ вѣковымъ потокомъ слезъ и крови. Не стану даже искапъ царственнѣй урны злополучнаго Владислава: она разбита временемъ; она исчезла, вмѣстѣ съ безчисленными обломками урнъ неизвѣстныхъ! . . . — Спѣшу бросить послѣдній взглядъ на мѣстность Варны, чтобы сдѣланными мною открытіями подкрѣпить мнѣніе о тожествѣ сей крѣпости съ древней Одессою.

Кедринъ, византійскій писатель, въ своей исторіи Болгаръ говоритъ: что во время перваго своего нашествія на Оракію въ 678 году, варвары сіи приспали къ Варнѣ близъ Одиссоса, и нашли это мѣсто весьма хорошо укрѣпленнымъ. Лѣбо, повѣствуя о семъ же событіи, равнымъ образомъ замѣчаетъ, что по отступленіи арміи Императора Ираклія, Болгары овладѣли Варною близъ Одиссоса и проч.

« Перевороты, которые испытала недавно
« большая часть земли, занимаемой нынѣ Вар-
« ною, » говоритъ Г. Б: « не открыли никакихъ
« остатковъ древности. Это обстоятельство,
« вмѣстѣ съ словами приведеннаго нами пи-
« сателя (Кедрина), помѣщающаго Варну близъ

« Одессы, а не на самомъ мѣстѣ, гдѣ нахо-
« дился сей городъ, не позволяють сказать
« ничего вѣрнаго о положеніи онаго. Предметъ
« сей могутъ объяснить одни только новѣй-
« шія открытія, плоды изслѣдованій или даръ
« случая. До сихъ же поръ все, относящееся
« къ оному будетъ гадательнымъ. »

Тщательное обозрѣніе Варны и ближайшихъ
ея окрестностей не открыло мнѣ ни малѣй-
шихъ слѣдовъ другаго города; но 7 кусковъ
древняго мрамора, найденныхъ мною внутри
самой Варны, разоблачаютъ, кажется, впол-
нѣ предметъ, коего объясненіе предостав-
лялъ Г. Б. дару случая или усиліямъ новѣй-
шихъ изслѣдованій. Пять изъ сихъ памят-
никовъ древности суть, по моему мнѣнію,
надгробные мраморы. Два изъ нихъ украшены
барельефами, три другихъ барельефами и гре-
ческими надписями; о послѣднихъ же двухъ—я
не смѣю и заикнуться до желаемаго подтвержде-
нія моихъ догадокъ изъ Одессы. Скажу только,
что на этихъ двухъ обломкахъ основываюся
всѣ мои надежды. Оба они представляютъ по
нѣскольку широкъ греческихъ надписей, весьма
хорошо сохранившихся. Одинъ изъ сихъ мрамо-
ровъ кажется мнѣ остаткомъ великолѣпнаго
пьедестала. Огромная величина онаго заспа-
сены думать.... но еще разъ—до разрѣшенія мо-

ихъ высокопарныхъ предположеній, я не смѣю сказать болѣе ни слова о семъ предметѣ.

Не взирая на всѣ мои усилія въ отношеніи къ отккрытіямъ нумисматическимъ, я не могъ собрать здѣсь по сіе время болѣе 13-ти монетъ и медалей; но если качество можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть предпочтено количеству, то я ни мало не колеблюсь обратиться ваше вниманіе на археологическое достоинство моего пріобрѣтенія. Изъ числа купленныхъ мною монетъ, древнія медали (*médailles autonomes*) Анхіала, Томиса, Каллапії и Одессы, кажущаяся мнѣ въ особенности достойными взгляда и разбора почтенныхъ *адептовъ* Археологіи; что же касается до меня, то смиренный *профанъ* можетъ только пожелать симъ господамъ счастливыхъ успѣховъ въ ихъ ученыхъ трудахъ надъ сдѣланными ими отккрытіями.

Говоря о здѣшнихъ строеніяхъ, я не сказала до сихъ поръ ничего о цитадели, возвышающейся близъ сѣверныхъ воротъ Варны, потому, что не хотѣлъ отдѣлять отъ общаго очерка отккрытыхъ и замѣченныхъ мною памятниковъ древности, того изъ остатковъ оной, который болѣе всѣхъ другихъ пощаженъ рукою неумолимаго времени и еще возвышается, какъ единственный мавзолей надъ моги-

лою древней Одессы. Въ самомъ дѣлѣ, прохаживаясь по этой ветхой цитадели, взирая на странную наружность, на спиль массивнаго ея поспроенія, вы невольно переноситесь мыслями въ тѣ далекія времена, когда могучіе Киклопы созидали города изъ отпоргнутыхъ ими утесовъ. Отдѣленная отъ пристани однѣми только стѣнами нынѣшней крѣпости, эта цитадель была конечно до основанія оныхъ единственнымъ оплотомъ греческаго города; Акрополисомъ древней Одессы. Стѣны сей крѣпости испещрены обломками мраморныхъ карнизовъ, великолѣпныхъ капителей и разныхъ другихъ украшеній изящнаго греческаго зодчества. Желая имѣть образчикъ онаго, я приказалъ вынуть для себя одинъ изъ таковыхъ обломковъ. Пускай нынѣшній рѣзецъ поспудится надъ изображеніемъ эпихъ лавровыхъ лисьевъ, которые только что не колышутся на древнемъ мраморѣ. Находящійся въ другой части города провалъ, почитается жилищемъ входомъ въ древнія Варнскія Катакомбы; нынѣ наружное отверстіе онаго обращено въ жертвенникъ богини Клоацины, а попому миѣ было невозможно удостовѣриться въ истинѣ сего преданія.

Вотъ вамъ подробный дневникъ странника— длинный, скучный, цесносный, если хоши-

те; но—*scusate*, *Signore*! — болпливость моя происходитъ единственно отъ желанія подѣлиться съ вами избыткомъ эпихъ живыхъ впечатлѣній, коими новость чувствъ, новость мыслей и яркая разнообразность предметовъ освѣжили мою душу. Сравнивая мирную одноцвѣтностъ вашей жизни въ столицѣ съ пестрою здѣшняго моего существованія, вы конечно воскликните: «*Nonne eggant!* когда чужое небо, чужая земля и лепучій прахъ эпихъ глиняныхъ половъ, кошорый встрѣчаетъ меня въ убогихъ лачужкахъ Турціи, — когда всѣ тревоги эпои бездомной жизни вырвуть изъ моего сердца хопя невольный вздохъ о золотомъ спокойствіи родины?» — Поспойте! знаете ли, почему эпои бродячій бытъ дороже мнѣ всѣхъ вашихъ . . . . но оставимъ это. Скажу только: что съ досчатого крыльца моего я вижу съ одной стороны роскошную пелену моря, усѣянаго судами; съ другой — люблюсь разноцвѣтною панорамою Варны. Посреди моего двора цвѣтеть юное мирповое дерево, у забора пестрѣетъ огородъ и небольшой цвѣтникъ, а за воротами шумитъ фонтанъ подъ склономъ огромной *плакуей* ивы. Здѣсь въ каждомъ домѣ воспитываютъ не нѣскольку паръ лѣсныхъ горлицъ. Ихъ непрерывное воркованье какъ похоже

на мечтательное сѣтованіе любви безнадежной, что сливаясь съ говоромъ фоншана, съ шрепетаніемъ моей мирпы, и словомъ, со всѣми окружающими меня предметами, оно ежеминутно переноситъ душу на могилу юной Зюлейки, шуда,

Гдѣ шакъ опрадно слезы лющся,

Часы шакъ сладосшно несущся,

И шакъ не шягосшна печаль . . . .

Но живѣйшее подобіе очаровательной подруги Селимовой, еспь конечно романпическая Деспина, моя чепырнадцати-лѣпняя хозяйка.—Сначала она шолько украдкою сшопрѣла на приѣзжаго европейца, попомъ мы познакомились. Однажды я спросилъ Деспину: спрашно ли ей было, когда Рускіе спрѣляли въ Варну?—«*Хаиръ!*» опвѣчала она—«*пекъ еинды: бомъ! бомъ! бомъ! — пекъ еинды!*» (нѣтъ! эшо прекрасно: бомъ! бомъ! бомъ! прекрасно, прекрасно!). Эшопъ азіапскій нарядъ, эша пламенная красота Востока, эша юная, безпечная жизнь наконецъ, кошорая шакъ радосшно кипитъ и выражаешся въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи прекрасной Гречанки—все эшо шакъ ново, шакъ обворожипельно для чело-

вѣка, коего душа хранишь громкій опголо-
сокъ для извѣснаго Лафоншенева спиха :

Il me faut du nouveau , n'en fut-il plus au monde.

*Сердце обмираетъ при взглядѣ на эту необъ-
яснкую эпистолю ; но дѣло сдѣлано : пеняйте
сами на себя , если увлеченный яркою смѣсю
всякой всячины, я пересступилъ за черту вашего
желанія видѣть каждый мой шагъ въ Турціи.
Поклонъ спранника вамъ и всѣмъ вашимъ. —
Прощайте.*

ПИСЬМО ТРЕТІЕ

ЕМУ ЖЕ.

Варна, 14 Апрѣля.

«Неупомимый путешественникъ!» — воскликнете вы безъ сомнѣнія, развернувъ письмо сіе: — «Вопшь уже болѣе двадцати дней, какъ неодолимый сплинъ примчалъ его въ Турцію — и можно ли представить себѣ, что онъ до сихъ поръ все еще нѣжится на одномъ мѣстѣ! Ужь не думаетъ ли онъ поселить своихъ боговъ-Пенаповъ въ Варнѣ, въ хижинѣ молодой черноокой Деспины; не думаетъ ли сдѣлаться для ней ипомошнимъ Туркомъ, Грекомъ, Болгаромъ, жить единственно для своей воспочной прелести — и съ нею, и для ней одной забыть все на свѣтѣ? — Ба! вопшь эшо, на примѣръ, было бы ужъ изъ рукъ вонъ.» — Конечно; но какое мнѣ дѣло до вашего ба! — Де-

спина способна не шутя возбудить на минуту подобныя *фанаберии*: она такъ свѣжа, такъ нова, такъ ласкова; жалобы горлицъ ея такъ очаровательны; прелепаніе ея мирты такъ заманчиво, говоръ здѣшнихъ фонпановъ такъ привѣпливъ и усладителенъ; но за всѣмъ тѣмъ—я ли виновата, что даже красота Деспины, этой юной, воспощной лиліи, разсѣяла на одинъ только мигъ мою вѣчную зѣвоту?—Теперь опять скучно; опять хочется чего нибудь новенькаго: слѣдовательно—вы видите, что совсѣмъ не то чувство, которое называютъ *нѣжною сердечною томностію*, удерживаетъ меня до сихъ поръ въ Варшѣ.

Задигъ былъ, какъ говорятъ, одаренъ рѣдкою способностію выводить изъ самыхъ темныхъ и по видимому вовсе ничтожныхъ признаковъ—заключенія чрезвычайно важныя: сомнѣваюсь, между тѣмъ, чтобы эта чудесная способность могла быть всегда полезна ему на спезѣ археологическихъ изысканій въ такомъ мѣстѣ, гдѣ слабыя черты минувшаго на каждомъ шагу прерваны, иногда совсѣмъ изглажены, или сокрыты отъ глазъ изыскателя пуземнымъ невѣжествомъ, корыстолюбіемъ, всего же чаще—спеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ особаго рода. . . . Къ этому надобно прибавить вѣчную ковар-

ность надежды: вы знаете, какъ увлекашеляны ея обѣщанія; какъ раздражительно эти обманы, которые подобно причудамъ жеманной любовницы, не говорятъ: ни да, ни нѣтъ, и обманувъ сегодня, открываютъ сердцу перспективу завтрашняго благополучія. Такъ почто кокетничала со мною до сихъ поръ моя милая Археологія: манила, обѣщала — и почти ничѣмъ не увѣщала моего долготерпѣнія, со времени отсылки къ вамъ послѣдняго моего письма изъ Варны.

Умалчивая о вещахъ, недостойныхъ всего вашего вниманія, я долженъ, между прочимъ, сказать нѣсколько словъ еще о двухъ кускахъ древняго мрамора, открытыхъ мною на дняхъ въ здѣшнемъ городѣ. Одинъ изъ нихъ есть; кажется, приношеніе, сдѣланное богу врачеванія по обѣту за изцѣленіе отъ болѣзни; ибо барельефъ представляетъ Эскулапа и Гигею, богиню здравія съ ритонъ въ рукѣ, а за нею младенца и двухъ женщинъ. Сіе предположеніе, кажется мнѣ, прочимъ правдоподобіе, что надпись, находящаяся внизу барельефа, заключающа въ себѣ имена двухъ супруговъ и слова: *ΧΑΙΡΕΤΕ* (радуйтесь)! Этого памятника древности отысканъ въ погребѣ одного Грека, между старыми бочками и бутылками, я нашелъ его покрытымъ запекшеюся кровію:

какое именно животное было шупъ зарѣзано — мнѣ неизвѣстно; но зная дешевизну человѣческихъ головъ въ Турціи, я бы ни мало не удивился, если бь узналъ, что эта кровь принадлежала какому нибудь попомку Резуса или великаго Замолксиса. Другой кусокъ мрамора есть разбитый барельефъ, сохранившій только верхнюю часть фигуры одного изъ Діоскуровъ. Голова Тиндарида покрыта *пилеусомъ*; онъ держитъ за поводъ лошадь, коей также уцѣлѣла одна только голова и часть шеи.

Надобно замѣтить, что здѣшніе жители скрываютъ часто не изъ одного корыстолюбія извѣстные и въ особенности принадлежащіе имъ оспапки древности. Вѣра въ шайнспвенное могущество палисмановъ возвышаетъ нередко въ ихъ понятіи самый ничтожный обломокъ мрамора надъ всѣми сокровищами великаго Пади-Шаха; нужно только, чтобы этотъ обломокъ имѣлъ честь называться старымъ, писанымъ камнемъ — (*παλαιὰ πέτρα, πέτρα γραμμαίνη*). Такъ точно цѣнилъ свою драгоценность пракпирщикъ, обладатель одного изъ сихъ мраморовъ. Мнѣ допробно было все мое краснорѣчіе для увѣренія этой высокой души въ томъ, что отсутствіе *писаного* камня не только не похититъ, но даже

усугубити и утвердити милость Божию въ спѣнахъ его госпепримной харчевни. Такимъ же образомъ другой добрякъ объявилъ мнѣ, что въ спѣнахъ здѣшней цитадели заложень какой-то диковинный писанный мраморъ, и что онъ конечно указаль бы мнѣ отъ всей души это сокровище, если бы не былъ увѣренъ въ неминуемомъ разрушеніи цитадели въ ту самую мину, когда писанный камень будеть вынутъ изъ спѣнь ея. Такъ самъ митрополитъ наконецъ — соглашался благословити меня какимъ-то ничтожнымъ барельефомъ не иначе, какъ за 500 піаспровъ, утверждая, что сила сего металлическаго талисмана, была одна въ состояніи замѣнитъ спасительное вліяніе мраморнаго:

Всѣ эти фарсы, сами по себѣ ничего незначащіе, проливаютьъ, между тѣмъ, если не ошибаюсь, нѣкоторый свѣтъ на настоящій характеръ народа, обезображенный до такой степени алчностію къ корысти и малодушнымъ суевѣріемъ — неизбѣжными послѣдствіями столь долгаго оцѣпенѣнія духа, омраченнаго отсутствіемъ нравственной жизни, изнемогшаго подъ бременемъ вѣковой неволи. Переносясь мыслями въ счастливыя времена древняго Милета и обращая ихъ потомъ на здѣшнихъ переселенцевъ благословенной Іоніи, вы

невольно восклицаете: и это-то соплеменники Фалесовъ и Анаксимандровъ, наследники просвѣщенія, вкуса и роскоши Аѳинъ іонійскихъ! Пускай философы толкуютъ послѣ сего о высшемъ, таинственномъ предназначеніи чело-вѣка въ здѣшнемъ мірѣ: «*время сдѣлало одинъ шагъ*» — и глухое варварство возсѣло на обломкахъ чело-вѣческой образованности!

Исторгаясь по временамъ изъ холодныхъ объятій Археологіи, я нахожу неизъяснимое удовольствіе скипаться безъ всякой цѣли по темнымъ и перепутаннымъ улицамъ Варны; всего же болѣе люблю бродить по здѣшней пристани — глубокой, обширной, способной для помѣщенія не только купеческихъ, но даже большихъ военныхъ судовъ. Напомнивъ вамъ о подвигахъ нашей Черноморской эскадры во время послѣдней осады Варны, я полагаю, что превосходство ея пристани не требуетъ доказательствъ болѣе убѣдительныхъ. Кромѣ множества различныхъ выгодъ, доставленныхъ намъ покореніемъ сей знаменитой крѣпости, обладаніе оною кажется мнѣ важнѣе всего потому, что находясь въ средогночіи нынѣшняго театра войны, она служитъ самымъ естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ вообще съѣстныхъ и военныхъ потребностей, привозимыхъ изъ Одессы для глав-

ной дѣйствующей арміи. — Какъ жива эта безконечная дѣятельность, которая кипитъ при выгрузкѣ судовъ, опягченныхъ дарами Россіи, заботливой о благосостояніи ея воиновъ! Какъ разнообразны эѣ толпы азіатскія и европейскія, которыя съ дѣломъ или безъ дѣла пестрѣютъ здѣсь почти въ каждое время дня, курятъ шабакъ, пьютъ свой восточный кофе, или изгибаются подъ тяжестью поновѣсныхъ кулей съ русскими сухарями! Многіе путешественники весьма справедливо замѣчаютъ, что нынѣшніе Греки, утративъ великія качества предковъ своихъ, сохранили вполнѣ эту аѣинскую болтливостъ и легковѣріе, которыя хитрый Филиппъ умѣлъ сполько разъ обращать въ свою пользу. Къ сему наслѣдію должно также прибавить эту странную любовь къ чудесному, которая отражается въ поэтической Миѣологіи древнихъ Эллиновъ, съ тою только разницею, что радужный колоритъ сихъ блестящихъ вымысловъ не существуетъ болѣе для ихъ очерствѣлыхъ потомковъ. Повѣрите ли, что всѣ магнетическія бредни Гофмана, черная комната г-жи Радклифъ и чудесныя чудеса гудесъ включительно, суть ничто въ сравненіи съ этими уродливыми преданіями, которыя существуютъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ окре-

спныхъ монастырей и развалинъ? Внимая лѣлѣпостямъ сей словесной фантасмагоріи, я каждый разъ воображалъ себѣ, что едва ли бѣлпливый геній Шехеразады былъ бы въ со-спояніи предохранить голову этой *умной, утешной* дѣвушки отъ сабли ревниваго Шахріара, если бы ему было извѣстно существованіе здѣшней приспани и шаланпѣ ѣкипающихся по ней сказочниковъ. Я, съ своѣй спорѣны из-влекъ изъ онаго только то, что бѣольшая часть здѣшнихъ окрестностей достойна въ самомъ дѣлѣ немедленнаго обзрѣнія. Подобное предпріятіе прѣбовало бы конечно посипеннаго, или, какъ говорипся, методическаго исполненія, но узнавъ, что бродячія толпы шурецкихъ мародѣровъ и шайки болгарскихъ разбойниковъ не имѣютъ ровно никакого уваженія къ нашему *методизму*, я рѣшился пуспипсья съ самаго начала въ монастырь Св. Констанпина, лежащій на Бальчикской дорогѣ, верспахъ въ 40-ши отъ Варны.

Генераль Г. снабдилъ меня для сей поѣздки двумя конвойными казаками и собственнымъ своимъ переводчикомъ. Вмѣстѣ съ этимъ народомъ привязался ко мнѣ одинъ изъ сихъ безчисленныхъ вампировъ, которые съ самаго вступленія нашихъ войскъ въ Турцію, объявили себя армейскими антикваріями и ша-

кимъ образомъ высосали послѣднюю кровь изъ жилъ древней Мизіи, въ надеждѣ продавать ее цѣною золота по возвращеніи въ глубину своихъ родимыхъ губерній.

7го сего мѣсяца я зарядилъ карпечью свои турецкіе пистолеты, подпоясалъ свой старый дагестанскій кинжалъ, и вскочивъ на пригопвленную для меня казачью лошадь доскакалъ большимъ гадомъ къ сѣвернымъ воротамъ Варны. До сихъ поръ все для меня, шло довольно благополучно; но едва успѣлъ я опавить за собою послѣдній ровъ крѣпости, какъ вдругъ мой доморощенный анпикварій, преобразившійся изъ смиреннаго пѣхотинца, въ лихаго, красиваго всадника à la Sancho Pança, началъ голосомъ провинціальнаго актера неокончаемую повѣсть о послѣдней осадѣ Варны, сопровождая эту прошлогоднюю хроникку ежеминутнымъ указаніемъ мѣстъ, прославленныхъ подвигами нашихъ воиновъ. — «Вотъ здѣсь, надъ эшимъ ровомъ,» воскликнулъ онъ, «была устроена наша брешъ-батарея; подъ прикрытіемъ оной, храбрые наши сапёры проводили мину для взорванія крѣпостнаго вала. — Работы сіи производились подъ безпрестаннымъ огнемъ непріятельской артиллеріи. — Позади этой брешъ-батареи пшались траншеи, изъ коихъ храбрые 13-й и 14-й егер-

скіе полки ударили 25-го Сентября на крѣпость и первые овладѣли приморскимъ бастіономъ, который и получилъ послѣ сего названіе *царскаго*.—Вотъ на этой равнинѣ,» продолжала моя живая реляція, «были расположены наши главные силы, и съ этой стороны напискъ русскихъ штыковъ былъ убійственнѣе; громъ осадныхъ орудій ужаснѣе и разрушительнѣе.»—Словесная мельница!—думалъ я:—громъ пушекъ, напискъ штыковъ и всѣ повѣспвуемые побою ужасы, суть конечно ничто въ сравненіи съ неугомонностію этаго болтливаго демона, который играетъ языкомъ твоимъ. М. Г!—сказалъ я попомъ, обратясь къ моему повѣспвовапелю: безъ сомнѣнія ничто не можетъ быть любопытнѣе всѣхъ сихъ подробностей; но согласишесь, что бѣльшая часть оныхъ должна быть извѣспна еще изъ прошлогоднихъ газетъ всѣмъ и каждому въ крещеной и некрещеной Европѣ.—«Разумѣпся!» возразилъ онъ, и въ тотъ же мигъ погрузился снова въ пучину сихъ жестокихъ подробностей. Дѣлапъ было нечего: я пришпорилъ доискаго бѣгуна своего, и черезъ минупу очутился одинъ, на лонѣ новой, доселѣ миѣ незнакомой природы. Узкая дорожка тянулась передо мною по серебряной, по золотой лентой между высокихъ холмовъ, разбросанныхъ въ дикомъ,

но плѣнительномъ безпорядкѣ по лѣвому берегу моря, и уже одѣтыхъ яркою пеленою травы и кустарника, уже увѣнчанныхъ зелеными букетами миртовъ, терновника и разныхъ другихъ растеній. Мѣстами, семьи распустившихся черешень, дикихъ яблонь, грушевыхъ и персиковыхъ деревьевъ распворяли воздухъ своимъ ароматическимъ запахомъ и неожиданно прерывали однообразную перспективу зелени, качая бѣдые и розовые цвѣты свои вокругъ сихъ огромныхъ холмовъ, первыхъ ступеней древняго Гемуса. Иногда удивительный фонтанъ выглядывалъ изъ-подъ навѣса огромнаго грецкаго орѣшника, и сверкая, подобно расплеченному серебру, въ промежуткахъ темнозеленыхъ листьевъ его, сливалъ медленное свое журчаніе съ ихъ томнымъ, усыпительнымъ говоромъ. Я останавливался передъ каждымъ изъ сихъ фонтановъ и съ любопытствомъ разсматривалъ испещряющія ихъ воспочныя надписи, жалѣя и досадуя, что не могъ постигнуть пайнаго, вѣроятно поэпического ихъ смысла. Какъ знашь: можетъ быть какой нибудь новый Саади завѣщалъ сему безошвѣтному мрамору задумчивые звуки своего упоительнаго вдохновенія? можетъ быть...— Спихи Ширазскаго Трубадура опозвались въ эпошъ мигъ подобно голосу давноминувшей

печали во глубинѣ моего взволнованнаго сердца: «Такъ!» воскликнулъ я: «многіе подобно мнѣ видѣли сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, другіе отстранствуютъ далеке!» Въ самомъ дѣлѣ, ничто равншельнѣе сихъ словъ не могло опноситься къ предиспамъ, окружавшимъ меня въ эту минуту. Озирая окрестность, я повсюду встрѣчалъ свѣжія могильныя насыпи, и каждый шагъ коня моего оппечатывался на рыхлой землѣ ихъ. «Этотъ курганъ» — думалъ я, подѣзжая къ нѣкоторымъ изъ нихъ — «онъ возвышается надъ могилою Рускаго, обагрившаго своею кровію сію чуждую землю!» Простой деревянный крестъ, полусокрытый густою зеленью и окруженный околками огромныхъ турецкихъ бомбъ и ядеръ — вопъ единственный мавзолей, указующій мѣсто послѣдняго успокоенія нашихъ воиновъ. Признаюсь ли вамъ, что оглядываясь на прошлые дни свои, я опъ души завидовалъ участи храбрыхъ, достигшихъ здѣсь вѣришшаго изъ своихъ назначеній; я думалъ: что въ жизни, коей минувшее есть ничто иное, какъ глухая спезя, поросшая плевеломъ и колючимъ терновникомъ; настоящее — тяжелое странствіе безъ всякой видимой цѣли и мучительная борьба съ собственнымъ своимъ сердцемъ; а будущее. . . «Ваше благородіе!

Ваше благородіе!» воскликнулъ въ эту минуту позади меня грубый, *стендорскій* голосъ; я оглянулся, и увидѣлъ одного изъ конвойныхъ казаковъ своихъ: «помилуйте, В. Б.» продолжалъ онъ — «да вы, Богъ знаетъ куда заѣхали! неужели вамъ неизвѣстно, съ какими огромными ушами выѣхалъ изъ Бальчика нашъ казакъ Ефремовъ, и какимъ безухимъ явился онъ въ Варну? Они, проклятые (т. е. Турки) повсюду разсыпаны; и имъ, *сарварама*, погод только и надобно, чтобы въдесятеромъ напастъ на одного нашего!» Почувствовавъ всю силу замѣчанія столь убѣдительнаго, я поспѣшилъ возвратиться на свою настоящую дорогу, отъ коей въ самомъ дѣлѣ слишкомъ далеко уклонился влѣво, во время своихъ поэтико-философическихъ размышленій.

Спутники ожидали меня близъ небольшого хлѣбнаго поля, огороженнаго низкимъ плетнемъ и покрытаго блѣднозеленымъ ковромъ пощаго, какъ будто изнемогающаго посѣва. Беспорядочная смѣсь холмовъ и деревьевъ, густаго кустарника и гремучихъ горныхъ ключей образовала богатую раму вокругъ сей скудной картины. Нѣсколько паръ буйволовъ бродило близъ обвалившагося плетня и спокойно жевало сочную траву, копорая какъ будто для того только цвѣла вокругъ сей бѣд-

ной нивы, чтобы опшѣнить красою своей богатой расшпелности нѣжную, истинно-материнскую любовь природы къ безсловеснымъ чадамъ ея, отъ этой суровой холодности, кошорую она обнаруживаетъ здѣсь къ чело-вѣку. Такъ! одинъ только онъ можетъ назваться эгоу божественную природу своей непріязненной матихой; но кто же виновать въ помъ? — Цвѣ-пущія долины Мизіи служатъ съ незапамят-ныхъ временъ большою дорогою и обширнымъ поприщемъ его кровожадности. Не проникая въ темную глубину вѣковъ баснословныхъ, не говоря о безпрестанныхъ побоищахъ племень еракійскихъ, кельпскихъ и разныхъ другихъ изверженій таинственной древности, взгля-немъ на сокрушительные попоки Варваровъ, коими неизмѣримыя степи Азіи наводнили почву нашей Европы. — «Тамъ,» говоритъ Мальпё—Брюнъ, «плосколицый Сармапъ вил-ся на легкомъ конѣ своемъ вокругъ тяжелыхъ легионовъ римскихъ; такъ безобразный Гуннъ преслѣдовалъ разсѣянные остатки Готтовъ; тамъ Печенѣги, Авары, Кумане и множество другихъ народовъ испребляли другъ друга и попеременно основывали свое кратковремен-ное владычество.» — Плодоносныя долины Ми-зіи были вѣчнымъ, и какъ будто условлен-нымъ театромъ, на которомъ разыгрывались

сія кровавая драмы. Не нужно слѣдовать за ними по порядку; не нужно доходить систематически до войнъ современныхъ; спойте заглянуть въ лѣтописи Восточной Имперіи; спойте только представите себѣ вѣковую борьбу Болгаръ съ наслѣдниками Великаго Константина, чтобы привести умъ свой въ несостояніе разрѣшить: какимъ образомъ это любимое урочище смерти не превращено до сихъ поръ въ одну безжизненную спелъ споль долгою чредою испребленія, споль постояннымъ упорствомъ человѣческаго несповства!... Но обратимся къ моимъ буйволамъ, или лучше сказать, познакомимся съ несравненнымъ паспухомъ ихъ. Онъ беззаботно лежалъ у плетня и напѣвалъ дикимъ, суровымъ, но не совсѣмъ непріятнымъ голосомъ какую-то странную — то веселую, то заунывную пѣсню. Чуткій спражь небольшого стада его воспрѣпилъ насъ издалека своимъ пронзительнымъ лаемъ; но прѣздъ нашъ, по видимому, ни сколько не попревожилъ *автомата*. Онъ продолжалъ лежать и шпнуть свою пѣсню, какъ будто не замѣчая, или не желая замѣшить, друзья или недруги окружили его въ такомъ мѣспѣ, гдѣ почти каждый мигъ грозитъ неосторожному вѣрною, и часто мучительною смертію. «*Банабагъ! банабагъ!*»

завричалъ мой переводчикъ—и лѣнивый пашухъ, какъ будища пробудясь отъ глубокаго сна, началъ мало-по-малу приходить въ движеніе, привсталъ—и медленно сдвинулъ съ глазъ свою кудрявую шапку. Аплетическія нерпы лица его, незаренныя ни одной искрою внутренней жизни и, такъ сказать, опуманенныя хаосомъ какого-то грубаго безстрастія; темнобронзовый цвѣтъ его обнаженной груди, полстая сѣрая куртка, выложенная по краямъ голубой пеевмой и снурками—все сіе, въ совокупности съ бараньей ярмолкой, представило мнѣ одну изъ эпѣхъ массивныхъ болгарскихъ фигуръ, которыя напоминають гораздо менѣе о прекрасномъ пастырѣ дарданійскомъ, нежели о какомъ нибудь горномъ пашухѣ, сподъ живописномъ съ бродячимъ стадомъ его, посреди дикихъ утесовъ альпійскихъ, или на скалахъ сумрачной Каледоніи. «Сколько часовъ до Константиновскаго монастыря?» спросилъ у буколическаго Волгара мой черезъ чуръ драматическій переводчикъ. — «Полшора,» — отвѣчалъ пашухъ, и въ ту же минуту угрюмый лобъ его сокрылся по прежнему во глубину неисповѣдимой ярмолки. «Сколько?» повторишь переводчикъ. — «Полшора,» — пробормоталъ Болгаръ, и лѣнивая голова его упала снова

на землю: «Бышь не можешъ;» продолжалъ неугомонный драгоманъ: «мы уже такъ давно ъдемъ!» Паспухъ затянулъ свою прерванную пѣсню; неудовлетворенная болтливость переводчика разразилась надъ нимъ громовыми проклятіями; а я поскакалъ впередъ, убѣдясь въ совершенной невозможности добиться какого нибудь шолку, касательно выбора лучшей, или ближайшей дороги:

Тѣ же холмы; тѣ же фонтаны, тѣ же кувшины и деревья мелькали передо мною, съ тою только разницею, что иногда лѣсная чаща раздвигалась внезапно на лѣвой сторонѣ дороги и представляла глазамъ моимъ далекія высопы, усѣяныя однообразными, и какъ будто обдѣланными камнями. Огромныя груды ихъ были кромѣ сего разсыпаны такимъ образомъ, что возбуждали невольную мысль о развалинахъ какого нибудь стариннаго зданія. Знаю, что подобныя догадки могутъ бышь сочтены грезами воображенія, слишкомъ горячо заняшаго своимъ предметомъ; но съ другой стороны, не должно, кажется, забывать и того, что я говорю о странѣ вѣковыхъ развалинъ.—Слѣды ея древняго населенія еще не совсѣмъ изглажены, и сколько остатковъ онаго сокрыто еще отъ скамелъ нашей европейской Археологіи! — Вскорѣ дорога крупно

поворошила на право; деревья сдѣлались рѣже—и монастырь Св. Константина открылся передо мною во глубинѣ зеленой лощины, примыкающей къ скаламъ утесистаго морскаго берега.

Что сказать вамъ объ этой бѣдной обители? — И на ея убогихъ стѣнахъ печать вѣковаго разрушенія поражаетъ прежде всего взоръ вашъ. Ея низкая, почернѣлая опъ времени и во многихъ мѣстахъ обрушенная ограда, сложена подобно заборамъ варнскихъ церквей изъ безчисленныхъ каменныхъ обломковъ. Взирая на пеструю разнородность ихъ, какой нибудь натуралистъ могъ бы конечно указать вамъ всѣ признаки постепеннаго образованія минераловъ. Пospная монашеская фигура встрѣпила меня со всѣмъ подобострастіемъ воспючнаго невольника у воротъ монастырскихъ, и поклонясь до земли, бросилась предупредить казака, подошедшаго взять мою лошадь. Крыльцо гостепрїимнаго брата было уже обспавлено подушками; бѣдныя рогожки покрывали полъ онаго. Мы сѣли. Добрый монахъ исчезъ, и чрезъ минупу возврапился, опягченный *каймакомъ*, шворогомъ и сметаню. За нимъ слѣдоваль маленькій Болгарь, неся также нѣсколько блюдь съ оливоми, сельдереемъ и съ новымъ запасомъ многоразличной сметаны; деревянная баклаж-

ка вина заключила эти гастрономическія приготовления. — «Садись, садись, отецъ мой!» повторялъ я безпрестанно своему раболѣпному Амфипріону; но онъ кланялся до земли съ приложенными ко лбу руками; попіомъ складывалъ ихъ крестомъ на желудкѣ, и попутивъ глаза въ землю, оставался неподвиженъ, подобно мраморному изваянію Гарпократа. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о какомъ нибудь маленькомъ турецкомъ пиранѣ владѣла въ это время всѣми умственными способностями одревенѣлаго инока. Онъ остался единственнѣйшимъ монашескимъ существомъ въ здѣшней общинѣ: вся прочая братія разбѣжалась во время варнской осады. Проглопивъ изъ любопытства чашку турецкаго кофе, т. е. кофейной гущи безъ сахара, я отправился въ сопровожденіи анахорета взглянуть на монастырскія достопримѣчательности. Храмъ Св. Константина Великаго поочто также убогъ, сумраченъ, тѣсенъ, какъ и всѣ варнскія церкви. Неугасаемая лампада пылится день и ночь передъ образомъ перваго Христіанскаго Императора. Я поклонился ему и зажегъ свѣчу, толщиною въ цѣлый рубль, передъ его святою иконою. Эта набожная торопливость подѣйствовала споль сильно на моего инока, что выходя изъ церкви, онъ не только

получилъ употребленіе языка, но указалъ мнѣ даже брошенный въ углу кусокъ мрамора съ барельефомъ и греческою надписью; говоря, что въ ихъ монастырѣ находилось недавно еще три или четыре такихъ обломка. Эпепіъ уцѣлѣвшій остатокъ совершенно подобенъ надгробнымъ мраморамъ, найденнымъ мною въ Варнѣ. Какимъ образомъ всѣ сіи памятники древности зашли въ монастырь Св. Константина, тогда какъ все въ немъ являетъ недавность существованія — объяснить, можетъ быть, тѣ, кои болѣе моего посвящены въ таинства Археологіи; я же последовалъ въ эту минуту безъ всякихъ ученыхъ предположеній за своимъ безцѣннымъ опшельникомъ; предложившимъ мнѣ посмотреть другой писанный мраморъ, брошенный близъ соединенныхъ развалинъ монастыря Св. Іоанна.

Напрасно спалъ бы я искать красокъ для изображенія этой волшебной природы, которая очаровывала меня на каждомъ шагу, во время сей вѣхитипельной прогулки. Разбросанные по берегу обломки каменныхъ громадъ — явные слѣды стариннаго землетрясенія; фантастическая дикость приморскихъ скалъ; шумные порывы волнъ, бѣгущихъ издалека на исполинскія спѣны ихъ, и оплеща-

ющихъ клубами серебряной пыли опъ ихъ гранишныхъ панцырей; свѣжая горная вѣпка, препещущая надъ неукропимой спихією; говорливый фонпанъ, орошающій крупными слезами ея изумрудные листья; пестрая пелена земли; ясная лазурь восточнаго неба; живописныя группы холмовъ и деревьевъ . . . Не пріударить-ли по спрунамъ своей забытой гипары? — Впрочемъ, вамъ извѣстно, какъ вялы цвѣшы простой описательной поэзи въ глазахъ нашего премудраго вѣка.

Опъ пышнаго убора сей несравненной природы вниманіе ваше отвлекается нерѣдко и здѣсь грудами поэтическихъ развалинь. Тамъ — обнаженный квадрапъ повалившихся каменныхъ спѣнь; тамъ — длинный параллелограммъ другаго, сокрушеннаго временемъ зданія . . . Въ нихъ сердце человѣческое не пожалѣло бы, можешъ бышь, вдохнуть часшь собственной жизни своей для сравненія временъ пропекшихъ съ настоящимъ; но какой археологъ можешъ опредѣлительно сказать: кому или чему принадлежали нѣкогда сіи разсѣянныя оспашки давноминувшаго? — Сколько городовъ, процвѣтавшихъ по словамъ Справона, на сихъ самыхъ мѣспахъ, исчезло даже до сего знаменишаго географа! Приливъ и опливъ разноплеменнаго человѣчеспива; рука времени, су-

дорожныя измѣненія міра физическаго. . . Такъ на примѣръ — «большая часть Визоны» говоритъ Справонъ — «погложена землетрясеніемъ.» Не знаю, эштопъ ли самый городъ, процвѣпавшій, по сказанію греческаго географа между Аполлоніею и Каллапіею, названъ въ древнихъ карпахъ Д'Анвилля Вузіумъ и поставленъ насупротивъ самаго Діонисополя; но если сіе гадательное предположеніе заключаетъ въ себѣ хотя искру правдоподобія, то какъ знаешь, не оспапки ли древней Визоны представлялись мнѣ въ хаосѣ сихъ безобразныхъ развалинъ: ибо древній Діонисополь или Крины существовалъ по мнѣнію Г. г. Лапоріъ-дю-Тайля и Корая, французскихъ переводчиковъ Справона, на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, и слѣдовательно не далѣе, какъ въ 20-ти верстахъ отъ Констанпиновской обители. Кспапи о Кринахъ. Испорики повѣспвуютъ, что море, выступившее въ 544-мъ году изъ береговъ своихъ, поглотило сей городъ и разлилось по окрестностямъ до самаго Одессуса. По собраннымъ мною на мѣстѣ свѣденіямъ оказалось, что, не добзжая до Бальчика, нѣсколько лѣвъѣ сего города, существуетъ деревня, которая извѣстна здѣсь подъ именемъ *Экрена*. Мнѣ кажется, что сіе послѣднее названіе звучитъ довольно явствен-

но древними Кринами; сверхъ того, Г. Будищевъ, означивъ на морской картѣ своей только испочники сего мѣста, называетъ оное *Криницею*; я же, съ своей стороны, узналъ, что *Экрена* есть довольно большая деревня, которая до нынѣшней войны была обитаема Турками, а теперь заселена Болгарами. Впрочемъ, какъ бы то ни было—Бальчикъ и *Экрена* находятся въ столь близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что ученые Г. г. Лапортъ дю-Тайль и Корай не сдѣлали почти никакого промаха, предположивъ существованіе древняго Діонисополя на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, тогда какъ всѣ означенные доводы заставляютъ, кажется, не безъ нѣкоторой основательности думать о тождествѣ пурецкаго селенія *Экрена* съ древними *Кринами*.

Монастырь Св. Іоанна есть не иное что, какъ небольшая груда каменьевъ, закрытыхъ густою древесною чащею, а писанный мраморъ, обѣщанный мнѣ достопочтеннымъ инокомъ—какъ бы думали, какимъ открытіемъ обогатилъ онъ меня?—Чудесный камень сей можетъ конечно украсить всякую мосповую, но едвали годится для какого бы то ни было Музея. На вопросъ мой: почему премудрый анахоретъ почитаетъ его стариннымъ; рѣд-

кимъ, диковиннымъ, онъ отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія дорогой камень сей принадлежитъ временамъ глубочайшей древности: ибо, поступивъ пому назадъ болѣе 25-ти лѣтъ въ монастырь Св. Константина, онъ съ пѣхъ самыхъ поръ помнитъ это сокровище все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

На дальнѣйшіе разспросы мои объ окрестностяхъ, опшельникъ указалъ пальцемъ на синѣющійся вдаль лѣсъ, и объявилъ, что не болѣе 5-ти верстъ отъ морскаго берега, и не далѣе 9-ти отъ монастыря Константиновскаго, сущесвуютъ огромныя развалины старой греческой обители. Болгары называютъ ее *Гаукою*; Грекамъ же и Туркамъ она вообще извѣстна подъ именемъ *Алиджи* — (пестраго) *Монастыря*. Тамъ, по словамъ честнаго анахорета, — не только цѣлые Музеи драгоценныхъ антиковъ и рѣдкостей, но даже богатства болѣе сущесвенныя: всѣ чудеса мечтательнаго Эльдорадо ожидаютъ предприимчиваго, который бы рѣшился на перекоръ всеобщей трусости, порышся въ семъ ужасномъ мѣстѣ. «Какая же опасность? какія же сокровища?» воскликнулъ я, взволнованный любопытствомъ. — «Старые люди говорятъ,» продолжалъ монахъ, «что эта чудесная обитель основана на развалинахъ *Элинскаго Фи-*

хиллополл; что слухъ о старинныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ его непроницаемыхъ подземельяхъ, разгорячилъ однажды воображеніе какого-то инока до того, что онъ рѣшился непременно удостовѣриться собственными своими глазами въ истинѣ преданія; что на сей конецъ безстрашный монахъ спустился ночью одинъ съ погашеннымъ фонаремъ во глубину подземелья, и прошедъ лабиринтъ онаго, увидѣлъ...» Но какъ изобразить вамъ всю неопредѣленность сего фантастическаго видѣнія?—Изуродуйте, если хотите, нѣсколько сценъ изъ того, что Томасъ Муръ повѣствуетъ о таинствахъ древнихъ Египтянъ, прибавьте къ сему нѣсколько чудесъ изъ очарованной пещеры Аладиновой и обставьте всю эпу смѣсь нѣсколькими дюжинами древнихъ Ларвъ и воспочныхъ Гулей:—вопъ черповскій хаосъ, который окружилъ любопытнаго инока, при входѣ въ сокровенную глубину языческаго подземелья.—Подобныя бредни составляютъ конечно поэтическое достояніе всякаго младенческаго или состарѣннаго вѣковымъ варварствомъ народа; но развязка этой любопытной экспедиціи кажется мнѣ вовсе оригинальною: вопъ она. Послѣ долгихъ поисковъ, товарищи сего новаго Агамеда нашли его безъ чувствъ у отверстія проклятой пещеры.

Выраженіе блѣднаго лица его предспавляло самую спранную смѣсь ужаснаго съ уморительнымъ; борода спрадальца, разобранная на безконечное множество плешковъ, скрученныхъ на подобіе тонкой сахарной бичевки, была всунута въ ноздри злополучнаго искащеля приключеній; но за то въ глубокихъ карманахъ его найденъ цѣлой четверикъ золотыхъ и серебряныхъ *антиковъ*, а въ списнутыхъ кулакахъ нѣсколько дорогихъ шалисмановъ. Пришедъ въ себя, онъ повѣдалъ удивленной братіи свои неслыханныя похождения и проч.

«Трудно въ самомъ дѣлѣ предспавить себѣ происшествіе, столь спранное и вмѣстѣ столь удивительное;» сказала я моему рассказчику: «но почему же вы полагаете основаніе *Аладжи-Монастыря* на развалинахъ *Эллинскаго Филиппополя*?» — «Такъ толкуютъ старые люди,» — отвѣчалъ онъ. Пропивъ подобнаго авпоритета говоришь безъ сомнѣнія нечего; но мнѣ кажется, что едва ли преданіе дѣдовъ яснѣе безмолвія внуковъ о семъ любопытномъ предметѣ. Вамъ конечно извѣстно затрудненіе *Виргиліевыхъ* исполкователей объяснить слѣдующихъ два стиха изъ 1-ой книги *Георгикъ*:

Ergo inter sese paribus concurrere telis

Romanos acies iterum videre Philippi.

Монахъ Ларю испощаетъ для сего весь ученый запасъ свой; но его длинные комменгаріи кажутся темными и вовсе неесущественными неупомимому аббату Делилю; — спрашивается: ясны ли его собственные доводы? — Не знаю; но будучи вовсе не намѣренъ сличать ученыхъ мнѣній о разномѣстномъ существованіи двухъ древнихъ городовъ Филипповъ (Philippes), и еще менѣе разсуждать о томъ изъ нихъ, близъ коего Юлій Кесарь рѣшилъ судьбу погдашняго міра, я позволяю себѣ замѣтить только то, что судя по границамъ, опредѣляемымъ Делилемъ Македоніи, во время Римскаго владычества, т. е. до протяженію оной къ востоку до береговъ Нестуса (нынѣшняго Кара-су, или Местю), должно конечно полагать существованіе еракійскаго Филиппа — города столь знаменитаго кровавымъ торжествомъ Тріумвировъ — на рубежѣ сихъ двухъ областей, и слѣдовательно, на мѣстѣ нынѣшней пурецкой деревни Филибе, находящейся въ 35-ти верстахъ отъ Ямболи. Изъ всѣхъ сихъ предположеній явствуетъ, что преданія здѣшнихъ старцевъ о существованіи *Эллинскаго Филиппополя* на мѣстѣ ихъ дивнаго

Аладжи—Монастыря не заслуживаетъ никакого дѣльнаго опроверженія; но такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то не сходство ли названія древнихъ Кринъ (Діонисополя) съ *Кренидами*, т. е. градомъ источниковъ, первоначальнымъ именемъ древняго еракійскаго Филиппа, смѣшало въ ихъ понятіи сей славный городъ съ мѣстомъ, находящимся, какъ я сказалъ уже, въ столь близкомъ разстояніи отъ нынѣшней деревни ихъ *Экрене*. Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вы простите мнѣ это неумѣстное отступленіе. Увлечшись преждевременными разсужденіями о мѣстѣ, увѣковѣченномъ пораженіемъ Брута и Кассія, я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нисколько не опчаяваюсь въ возможности про- скакать по равнинѣ, на коей за осмнадцать вѣковъ передъ симъ погибли послѣдніе Римляне.

Часы мои показывали уже 7, когда, возвращаясь въ монастырь Св. Константина, мы сѣли на лошадей и пустились обратно въ Варну. Карпина окрестностей представилась мнѣ на этотъ разъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Густыя облака тянулись огромными темно-голубыми массаами по безпредѣльности вечерѣвшаго неба. Колоссальные клубы ихъ спускались то стройными, то разсѣянными слоя-

ми къ землѣ, драпировали лѣсистыя вершины холмовъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ другъ на друга и придавали имъ видъ волкановъ, дымящихся предъ сокрушительнымъ изверженіемъ. Вся эта смѣсь возбудила невольную мысль о первобытномъ хаосѣ; но декорация перемѣнилась, когда пестрая Варна представилась глазамъ моимъ. Западавшее солнце мелькнуло у подножія отдаленныхъ горъ, за противоположнымъ берегомъ залива. Темная туча висѣла надъ нимъ подобно необъятному покрывалу; одинъ только лучъ пяннулся необозримымъ краснымъ пухомъ по морскому проспекту. Корабельныя мачты, окруженныя его пурпуровымъ полусвѣтомъ, казались исполинскими факелами, догорающими въ торжественномъ сумракѣ сей великолѣпной картины.

Вы можете быть спросите: какое новое зло или благополучіе удерживало меня до сихъ поръ здѣсь, по возвращеніи изъ Конспантинской обители.—Ѣду, my dear; на этой же недѣлѣ пускаюсь въ дальнѣйшій пупъ... Проклятая надежда вымолилъ необходимое военное прикрытие для обозрѣнія — чего бы вы думали? . . . *Страшнаго Аладжи—Монастыря* съ его заколдованными пещерами, приковывала меня до сихъ поръ къ несносной, варварской,

отвращительной Варяѣ—и безъ сомнѣнія г. г. черти подѣлились бы со мною своими подземными сокровищами, если бы прибывшій вчера по бальчикской дорогѣ транспортъ, не привезъ сюда десятерыхъ пионеровъ, конхъ носы и уши показались слишкомъ длинными доиспрѣчавшимъ ихъ рабамъ великаго Падишаха. Будучи совершенно доволенъ настоящею пропорціею сихъ двухъ членовъ своихъ, я рассудилъ за благо сберегать ихъ до самой послѣдней крайности. Правду сказать, трудно поручиться за число и вѣжливостъ ухорѣзовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ предстоящихъ мнѣ путешествій; но — *«advienne que pourra»* — говаривалъ маленькій Кларъ, нашъ общій пріятель.

Окончивъ это несвязное посланіе, я долго думалъ о средствахъ выбросить весь лишній вздоръ, который за грѣхи мои разсыпанъ полными пригоршнями по его безполковымъ страницамъ; но это новая Египетская работа; а вамъ извѣстно, какъ крута неодолимая лѣнь моя. И такъ — уничтожьте, сожгите, если угодно, все распечатывая эту огромную эпистолау. Впрочемъ, въ слѣдующемъ письмѣ я употреблю всѣ силы заключить свою праздную словоохотливостъ въ предѣлахъ одного только почтоваго листка; постараюсь

предначертать себѣ планъ болѣе правильный
и вооружусь дѣльною строгостію къ своему
непокорному слогу. Вѣрьте сему; надѣйтесь
и — прощайте.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Г. А. Римскому-Корсакову.

Гебеджи, 22го Апрѣля.

Вась ли, поклонникъ этой необъятной могилы, надъ копорою пѣни Сципіоновъ и Павловъ Эмилиевъ, носясь въ шуманѣ вѣковъ, говоряшь сердцу о древней столицѣ міра; сѣтують о ея погибшемъ величіи, или ушѣшающа всеобщимъ, неизбѣжнымъ жребіемъ царствъ и народовъ, начертаннымъ на ея краснорѣчивыхъ развалинахъ; вась ли, говорю я, могъ бы заняшь однообразный рассказъ объ эпихъ скудныхъ мраморахъ съ ихъ полуизглаженными надписями и барельефами, объ эпѣхъ медаляхъ, покрытыхъ священою для анпикваріевъ зеленью и безцѣнныхъ только въ глазахъ сихъ достопочтенныхъ собирапелей вѣковыхъ грибовъ и полушекъ? — Нѣтъ! лучи Генія, горящіе въ чертахъ живошвореннаго

мрамора; невыразимыя муки Лаокооновы и цѣлый міръ изящнаго еще не умерли въ памяти вашего сердца. — Вы видѣли Пантеонъ; вы посѣщали мастерскую Кановы и. . . . Боже мой! можно ли сомнѣваться, что послѣ всего этого ваше воображеніе было бы не слишкомъ очаровано безцвѣпнымъ описаніемъ диковинокъ, обрѣпленныхъ мною посреди азійской Варны. — Но если я до сихъ поръ не рѣшался возмущать ими вашихъ ипаліанскихъ воспоминаній, то теперь не спашусь ни мало перенести мечты ваши изъ-подъ лавра, осѣняющаго могилу Манпуанскаго Лебедя, на очарованныя долины древняго Гемуса.

Давнымъ-давно мнѣ было уже тѣсно въ стѣнахъ полуразбитой Варны; давнымъ-давно душа моя

..... рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей;

но сначала—коварная прелестница Археологія удерживала меня крѣпко-на-крѣпко въ своихъ пыльныхъ объятіяхъ; потомъ — наступленіе страстной недѣли внушило моей совѣсти благую мысль очистишь покаяніемъ душу, чтобы въ случаѣ встрѣчи и неравнаго бою съ неверными, умереть по крайней мѣрѣ пря-

жизнь Христианиномъ подь остріемъ прокля-
таго япагана; но въ епорону балогурство!
Походная церковь, воздвигнутая генераломъ
Г. на одной изъ площадей Варнскихъ, есть
въ самомъ дѣлѣ, прогашельный символъ крош-
каго христіанскаго благочесшїя. Ея убогій жес-
тяный крестъ льетъ равнымъ образомъ свѣп-
лые лучи свои на могилы Рускихъ и Општо-
мановъ; примиренныхъ смертію и прїятельски
перемѣшанныхъ другъ съ другомъ за симъ
последнимъ рубежемъ всякаго человѣческаго
разногласїя. Я по испитїѣ не знаю, съ чѣмъ
сравнить эту набожную спремипельность, съ
коею наши воины полпились передо мной во-
кругъ священнаго алшаря, алкая небесной пищи
и опраднаго облегченїя отъ тайныхъ тягос-
шей жизни. — Вамъ безъ сомнѣнїя извѣстно,
какими красками божеспвенный пѣвецъ Іеруса-
лима изобразилъ высокую смѣсь гордаго воен-
наго мужеспва съ этимъ благочеспивымъ сми-
ренїемъ, которое наполняло душу Кресто-
носцевъ, попиравшихъ обнаженными стопа-
ми землю, орошенную кровїю Искупителя. Не
знаю, оправедливо ли сравненїе; но смѣю увѣ-
рить васъ, что предспоявшая мнѣ картина
сливалаобъ поминутно въ моемъ воображенїи съ
этой разпительной сценою. — Ежечасная бли-
зость смерти, опдаленность отъ родины,

воспоминаніе о милыхъ сердцу, покинутыхъ можетъ быть на вѣки — воспоминаніе, столь естественное въ эту священную мину — согласитесь, что едва ли прогашельная простота подобнаго зрѣлища уступитъ всему блеску вашихъ великолѣпныхъ сподичныхъ процессій.— Бьюсь также объ закладъ, что благовѣстъ къ заупринѣ Св. Пасхи заспалъ насъ со всѣмъ въ различныхъ занятіяхъ: — я въ это время читалъ *Фауста*, и какъ нарочно попалъ на то мѣсто, гдѣ безпокойный Докпоръ, умиленный подобными звуками, роняетъ изъ рукъ чашу съ роковою оправою. Слѣдующіе за симъ стихи усугубили странную тревогу души моею:

Was sucht ihr, mächtig und gelind,
Ihr Himmelstöne mich am Staube? и проч.

Оспашокъ сего дивнаго монолога довершилъ ея неизъяснимое волненіе, проникнувъ, подобно голосу собственныхъ чувствъ, въ сокровенные изгибы моего сердца. Я громко прочелъ:

Sonst stürzte sich der Himmelsliebe Kuss
Auf mich herab, in ernstem Sabbathstille;
Da klang so ahnungsvoU des Glockentones Fülle,

Und ein Gebeth war brünstiger Genuss. . . .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Diess Lied verkündete der Jugend muntre Spiele,
 Der Frühlingsfeyer freyes Glück... и проч. и проч.

Голова моя пылала; я бросилъ съ досадою книгу и пошелъ къ зауприѣ. . . . Вы безъ сомнѣнія имѣете полное право назвасть неумѣстнымъ этакъ странный поворотъ разсказа, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ, съ прямого пути его; но согласитесь, что для васъ, домождовъ, даже самыя обыкновенныя мысли и приключенія спранныка бывають рѣдко не занимательны. Причина тому—ихъ совершенное несходство со всѣмъ тѣмъ, что порождается однообразіемъ вашего едва текущаго существованія. Такъ, на примѣръ, въ то время какъ вы, вспрѣпивъ *свѣтлый праздникъ* въ кругу своихъ домашнихъ *Пенатовъ*, гошовились, вѣроятно, на офиціальную прогулку подъ качели—я наслаждался бурнымъ ожиданіемъ неприятели, замыслившаго, какъ пронесся слухъ, воспользовавшись мнимой безпечностью нашихъ въ первый день Пасхи. Генераль Г., больной на-

канунѣ, расхаживалъ уже по комнапѣ, когда я посѣтилъ его послѣ заупрени, и на вопросъ мой: въ самомъ ли дѣлѣ будупъ къ намъ незваные гости?—опвѣчалъ: «Милоспи просимъ! мы гоповы приняшь ихъ.» Между пѣмъ, опправленный для рекогносцировки адъютанпъ донесъ, что Турки дѣйствительно перешли въ это упро Камчикъ, схвапили съ передовыхъ нашихъ посповъ одного казака, опрѣзали ему голову, и похипивъ 'десятокъ найденныхъ при немъ сребрениковъ, возвращились на противоположную сторону. — Передъ вечеромъ генераль Г. пригласилъ меня прогулять-ся съ собою въ лагерь, расположенный на южной сторонѣ крѣпоспи. Вы, знакомые съ весною благословенной Авзоніи, вы конечно не опвергнете эпой таинственной симпатіи, которая существуетъ между природою и внутренней жизнию человека: а потому, я смѣло позволяю себѣ назвапъ неизъяснимымъ это волшебное наслажденіе, которое наполняло мою душу при видѣ Варны и ея живописныхъ окрестностей, столь обворожительныхъ въ настоящее время года, столь разноцвѣтныхъ въ соединеніи съ эпой воспочной пестропою, которая мелькаетъ теперь новымъ блескомъ на разнообразныхъ толпахъ народа, страстнаго охотника до всякихъ праздничныхъ игрищъ

и удовольствій. Громъ военной музыки и голосъ родимыхъ пѣсень оторвали мое воображеніе отъ картинъ радужнаго Воспока; когда русскіе шапры представились глазамъ моимъ, подобно бѣлому спаду, разсѣянному по коври муравчиной пажити. Не стану говорить вамъ о впечатлѣніяхъ, почерпнутыхъ моимъ сердцемъ въ шумномъ воинскомъ станѣ, гдѣ все — и « *не одна во полѣ дороженька* », и « *ты нашъ сельскій пѣтухъ* » переносили мою душу — то подъ соломенную кровлю уединенной русской хижины, то на гладкую *питерскую* дорогу, по коей нѣкогда, въ ясную морозную ночь, залепная пройка мчала вихремъ мои лубочные пошевни, и гдѣ однозвучный гулъ валдайскаго колокольчика или заунывная мелодія ямской пѣсни, говорили моему сердцу о священной спарицѣ нашего опечества. Черезъ нѣсколько дней, совсѣмъ другія воспоминанія волновали мечты мои: очарованный взоръ мой любовался уже картинами древней, *холмистой* Мизіи.

24-го пекущаго мѣсяца я возложилъ на себя вновь свои брачныя доспѣхи и около 3-хъ часовъ послѣ обѣда потянулся на пошею казачей клячѣ къ западнымъ воропамъ Варны. — « *Въ Римѣ живи по-римски* » — говоришь пословица; а пошому мудрено ли, что и я находясь въ Турціи, рѣшился на эшопъ разъ обезьянись

благоразумный фатализмъ оппоманскій. Не взирая на многочисленныя непріятельскія партіи, мелькающія по временамъ въ промежуткахъ нашей операціонной линіи отъ Проводъ до Варны, два шолько казака и мой неустрашимый *La Fleur*, живой арсеналь, съ огромной венгерской саблею у бедра, съ предлиннымъ арнауцкимъ ружьемъ и коропкимъ карабиномъ за плечами, съ черкесскимъ кинжаломъ, шурецкимъ япаганомъ и нѣсколькими парами шульскихъ пистолеповъ у пояса — составили всю мою свиту. Встрѣченныя нами у воротъ крѣпости похороны, показались моимъ спутникамъ знакомъ гибельнаго предзнаменованія; а дикіе надгробные мраморы, расположенные стоймя на могилахъ спараго *гумнаго кладбища*, наполнили и мое воображеніе самыми черными думами, мелькнувъ на правой сторонѣ дороги, подобно мшистымъ пнямъ вырубленнаго встарину лѣса. Синяя пелена моря оспалась позади меня; я ѣхалъ берегомъ его Лимана, называемаго здѣсь — по Варнскимъ, по Девнинскимъ. Сначала ровная, гладкая какъ распянутое полопно дорога — привела мнѣ на мысли нашъ звонкій петербургскій шоссе; но вскорѣ, свѣжесль и живописная красота болгарской природы, изгладили его изъ моей памяти. Душа весны встрѣтила

меня на сихъ роскошныхъ долинахъ и какъ будто поздравила съ оправданнымъ избавленіемъ отъ спѣнь Варны, душной, нечистой, обширной могилы столькихъ тысячъ воиновъ. Мало-по-малу все мое существованіе слилось съ эпою волшебной природою; и только тяжелый скрипъ артиллерійскихъ обозовъ, свѣтлая мѣдь пушекъ, русскіе мундиры и шому подобные эпизоды прерывали на минуту созерцательное состояніе души моею, мелькая вдалекѣ изъ-за кудрявой зелени кустарника, цвѣтущаго по обѣимъ сторонамъ дороги. Малые Балканы, начиная отсюда подымаются выше и выше къ Юго-Западу, кажутся издали обтянутыми пышнымъ яркозеленымъ бархатомъ. Огромныя фруктовыя деревья образуютъ и здѣсь—то густыя аллеи, то темныя бесѣдки, или рѣдкими свѣтлозелеными рощами тянутся по горному скату. И здѣсь, почти черезъ каждыя три версты, говорливый фонтанъ приглашаетъ васъ освѣжиться своею спуденою влагою.—Вамъ конечно знакомо сочиненіе генерала Андреосси о водоемахъ или *бендахъ* константинопольскихъ. Это сочиненіе и еще болѣе подробности извѣстнаго ориенталиста Г. Гаммера, почерпнутыя изъ описаній турецкаго автора Челеби-Заде, могутъ удовлетворить волю въ вашему любо-

пышству о семъ предметѣ.—Спрасть Турокъ воздвигасть повсюду подобныя водохранилища, есть, по словамъ жителей, дѣло истиннаго благочестія—дѣло, столь же священное, какъ эти религіозныя приношенія, коими наши праотцы обогащали церкви и монастыри, прославленные чудотворствомъ. Холмистая почва Болгаріи, и слѣдовательно изобиліе горныхъ ключей способствують наиболѣе сему благому обычаю. — Черезъ нѣсколько минутъ казаки поворожили вправо съ дороги — и я увидѣлъ передъ собою довольно огромное каменное строеніе, съ небольшими круглыми башнями по угламъ и съ разными другими украшеніями феодальной Европы. Таковая архитектура побудила меня мимоходомъ замѣтить, что мысль о пропущеніи готическаго зодчества, занятаго Крестоносцами на Востокѣ, есть ипохеза не вовсе неосновательная. « Это бывшая турецкая гостиница (ханъ), а теперь нашъ казачій припиръ » — сказалъ мнѣ одинъ изъ Донцовъ, прибавя, что въ этомъ мѣстѣ мнѣ должно непременно смѣнить ихъ. На дворѣ строенія нашель я десятка два казачьихъ лошадей, изъ коихъ нѣкоторые были привязаны къ вогнутымъ въ землю пикамъ, осѣдланы, взнузданы и словомъ — ежеминутно готовы въ походъ и

на битву. Черезъ четверть часа свѣжіе кони стянули уже весь мой вьюкъ живой и бездушный, вмѣспѣ съ собственной моей особою, далѣе.

Чѣмъ больше подвигался я впередъ, тѣмъ живѣе и привлекательнѣе становилась природа, тѣмъ ярче и роскошнѣе казалась мнѣ эта необыкновенная распительность, столь богатая красотою формъ и удивительнымъ разнообразіемъ цвѣтновъ и окрасковъ. Нѣжная апрѣльская лазурь восточнаго неба; синія волны Лимана, сверкающія сквозь пышный кустарникъ своего излучистаго берега; живописныя группы холмовъ, увѣнчанныхъ вѣковыми деревьями; муравчатые ковры долинъ, лежащихъ въ глубокомъ безмолвіи посреди румяной ограды скалъ. . . — но какъ изобразить вамъ эту легкую, нечувствительную поспешность красокъ, посредствомъ коей всѣ сіи разнообразныя части сливаются въ одно восхитительное цѣлое! Повѣрите ли, что самыя елѣды войны—каменные остатки турецкихъ деревень, разбросанные по сторонамъ дороги, не только не разногласятъ, но составляютъ даже единственную гармонію съ задумчивой красотою природы, говоря сердцу о своемъ столь еще не давнемъ существованіи. Иногда — узкая пропихка, отдѣляясь прямымъ

угломъ опъ дороги, шянешя излучисной черпою къ развалинамъ, бѣлѣющейя вдалекѣ хижины; иногда — узорчатая пелена луговъ, освобождаясъ опъ висящихъ надъ нею утесовъ, принимаетъ видъ зеленаго риспалища; пес-пырые, опоясывающіе ее косогоры, кажутся издали террасами великолѣпнаго англійскаго парка: дивные образцы представляются на каждомъ шагу подражанію самаго прихотли-ваго искусства.

Верстахъ въ трехъ опъ Гебеджи пересѣ-кается Лиманъ, соединяемый съ Чернымъ Мо-ремъ почти у самыхъ стѣнъ Варны небольшо-шой рѣчкою, называемой именемъ сей крѣпо-сти. Въ этомъ мѣстѣ устроена приспань для сгруженія запасовъ, привозимыхъ изъ Варны для войскъ, расположенныхъ опъ Ге-беджи до Проводъ, т. е. до конца нашей операціонной линіи въ этой часпи Болгаріи. Отсюда дорога круто поворачиваетъ на пра-во, и извиваясь у подошвы сѣверныхъ горъ, шянешя небольшою поляною къ закрытому кустами Гебеджинскому редупу. Надгробный, вѣроятно русскій крестъ, желтѣющійся по-среди оной, поразилъ меня въ особеноспи какимъ-то опраднымъ сліяніемъ смерти съ тихой, меланхолической красопой сего мѣста. — Какой странникъ не положилъ бы

здѣсь своего посоха, какой скипалець не позавидоваль бы счаспливцу, коего пріюпъ долженъ бытъ споль безмяпеженъ въ нѣдрахъ сей живописной могилы! — Но между тѣмъ, донской Буцефаль мой не стоялъ на мѣстѣ, и черезъ нѣсколько минушь передовая спража остановила уже меня у воропъ грознаго Гебеджинскаго укрѣпленія.

Съ перваго взгляда эптопъ редупъ показался бы вамъ какимъ нибудь мирнымъ селеніемъ, разбросаннымъ во глубинѣ зеленой лощины, у подошвы разнообразной цѣпи горъ, поднимающихся необозримымъ амфитеатромъ къ Воспоку и Западу. Синее Девнинское озеро, сверкающее во глубинѣ сей буколической картины, выполняеть послѣднее пребываніе самаго взыскашельнаго пейзажиста. Другой взглядъ на Гебеджинское укрѣпленіе представляетъ вамъ эпу нѣжную, Клодь-Лореневскую природу въ яркомъ сліяніи съ живой лагерной пестрою Горация Вернета. Низкія, устроенныя въ чешыре ряда землянки — прошлогоднія квартиры зимовавшаго здѣсь полка — принимаюпъ видъ деревни, одушевленной шумнымъ волненіемъ войска; а хлопотливая суена вокругъ маркипанпскихъ обозовъ проливаетъ на эпу деревню базрный блескъ какого-нибудь великороссійскаго праздника. Та-

ковое сходство поражаетъ ваше вниманіе до шѣхъ поръ, пока воропа редута не затворились за вами. Тамъ — грозныя челюсти пушекъ, направленныхъ на окрестность изъ всѣхъ угловъ укрѣпленія, ряды блѣднозеленыхъ артиллерійскихъ ящиковъ, свѣтлыя пирамиды ружій, цѣлыя системы желѣзныхъ звѣздъ, образуемыхъ грудями штыковъ, споль яркихъ при блескѣ заходящаго солнца — и эшотъ глухой барабанный грохотъ, и эшотъ рѣзкое, пронзительное завыванье трескучей трубы, и всѣ сіи подспрекапельныя орудія смерти, наполняютъ ваше сердце кипящимъ упоеніемъ эшой огромной правли, которую человекъ называетъ сраженіемъ.

Полковникъ Л., начальникъ редута, узнавъ о предметѣ моего путешесствія, показалъ мнѣ пять бронзовыхъ медалей, найденныхъ солдатами въ землѣ, при укрѣпленіи сосѣдней деревни Девно. Двѣ изъ нихъ греческія: одна принадлежитъ древней Одессѣ, другая Ольвіи; остальныя при — римскія. Въ Гебеджи не найдено, по увѣренію полковника Л. ничего подобнаго; но за то — предметы гораздо болѣе любопытныя ожидали меня, по его словамъ, въ окрестностяхъ здѣшняго редута. Наступленіе ночи заставило насъ, къ сожалѣнію, опдожить до слѣдующаго дня обзорѣніе оныхъ.

Послѣ веселаго военнаго ужина я, безъ сомнѣнія, не былъ нисколько расположенъ любоваться красою окрестностей, осребренныхъ вовсе не сѣвсною луною. Занятый новоспѣю своего лагернаго ночлега, древною Мизією, войною, меня окружавшею, я съ несказаннымъ удовольствіемъ водворился на эту ночь въ палаткѣ полковника Л. и поснѣшилъ бросить на бумагу все, что до сихъ поръ находится въ эпосѣ посланія. Вскорѣ поспомъ — война, Мизія, археологія, смѣшались мало-помалу въ умѣ моемъ: одолѣваемый сномъ и усалоспѣю, я завернулся въ свою косманую бурку — и только грохотъ заревоы пушки прервалъ на другой день мое желѣзное усыпленіе.

Если бы я не былъ увѣренъ, что поэзія въ прозѣ есть тоже самое, что великанъ въ дѣтскомъ нарядѣ, то конечно призналъ бы себя въ совершенной невозможности воздержаться отъ безкончнаго описанія ушра, вспыхнувшаго яркимъ золотымъ пожаромъ надъ пеленою эшихъ серебристыхъ тумановъ, которые драпировали горизонтъ окрестныхъ горъ и мало-по-малу открыли глазамъ моимъ всю роскошь ихъ разноцвѣтнаго одѣянія. Едва ошупительный вѣперъ вылепалъ изъ глубины рощей, напоенный ихъ бальзамическимъ запахомъ; права блистала крупной ро-

сою; окрестность красовалась этой мощной, первобытной юностью, которую мы воображаемъ на землѣ, освѣженной водами всемірнаго попопа. Около 7-ми часовъ мы сѣли на лошадей и пустились въ походъ подъ прикрытіемъ довольно значительнаго пѣшаго и казачьяго конвоя. Два — при офицера, приславшіе къ полковнику Л. увеличили собою число нашихъ спутниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ я очутился вновь на вчерашнемъ пути своемъ изъ Варны. Проѣхавъ версты три по сему направленію, мы достигли почти той самой пристани, о которой я упомянулъ въ началѣ письма сего. Насупротивъ оной — глухая, сжапаная кустами пропинка, взбѣгая съ холма на холмъ, свернула вдругъ передъ нами въ густопу непроницаемой древесной чащи. По ней углубились мы въ эпошъ зеленый лабиринтъ, и принужденные подвигаться по одиначкѣ впередъ, были почти на каждомъ шагу останавливаемы обломками дикихъ каменныхъ утесовъ, загромождавшихъ нашу мучительную дорогу. Эта дорога, сперва покрытая высокой травой, начала вскорѣ освобождаться отъ зеленой пелены своей и мало-помалу превратилась въ степь совершенно голую и песчаную. Въ иныхъ мѣстахъ она расширялась между опускающимъ обѣ ея сторо-

ны кустарникомъ, и казалась вымощеннойю огромными каменными плитами, довольно вѣро- ятными признаками древней дороги римской. Пробѣхавъ версты двѣ—три такимъ образомъ, я вдругъ увидѣлъ передъ собою небольшую песчаную площадку и на ней — шесть сѣрова- тыхъ каменныхъ колоннъ, возвышающихся симметрически на прямой чертѣ другъ подлѣ друга. Громкое восклицаніе было при семъ видѣ первымъ знакомъ моего невольнаго уди- вленія; но полковникъ Л. не далъ мнѣ времени довершить изліяніе онаго. Пробѣхавъ съ равно- душнымъ молчаніемъ мимо сего любопыт- наго мѣста, онъ опять углубился въ лѣсную чашу. Я безмолвно подвинулся за нимъ еще сажень на двѣсти впередъ, и вдругъ остано- вилъ вновь свою лошадь. Обширная перспек- тива колоннъ, подобныхъ тѣмъ, кои оста- лись позади насъ, удесятирила мое прежнее удивленіе. Мелькая изъ-за пышной занавѣсы кустарника, начавшаго примѣтнымъ образомъ рѣдѣть въ этомъ мѣстѣ, огромныя массы сихъ необыкновенныхъ колоннъ предстали гла- замъ моимъ въ полномъ блескѣ самыхъ ве- ликолѣпныхъ древнихъ развалинъ.

Трудно передать вамъ въ одну минуту цѣ- лый рой мыслей, догадокъ, впечатлѣній, воз- буждаемыхъ въ сердцѣ сими колоссальными

оспапками давно миувшаго; но начиная говорить о Гебеджинскихъ развалинахъ, я прежде всего изъявлю свое глубокое сожалѣніе, что не Кювье, не Гумбольдтъ, не Блументбахъ, или который нибудь изъ сихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ природы находился передъ ними на моемъ мѣстѣ: они были бы конечно въ состояніи обогатить сокровищницу Физики или Археологіи какимъ нибудь новымъ чудомъ древняго историческаго или естественнаго міра.— Я же, оглашенный въ шайнствахъ той и другой науки, что могу представить на судъ ихъ, кромѣ общихъ, поверхностныхъ и вовсе непочныхъ свѣдѣній о предметѣ, достойномъ, по моему мнѣнію, полнаго участія просвѣщенной Европы!

Обширная площадь развертывается передъ вами при выѣздѣ изъ глубины окружающаго ее со всѣхъ сторонъ лѣса. На этой площади, пересѣкаемой въ нѣсколькихъ мѣстахъ высокимъ кустарникомъ, громады сихъ исполинскихъ колоннъ шянушя, или лучше сказашь, разсыпаны по пространству болѣе трехъ верстъ. Я говорю разсыпаны, ибо въ расположеніи оныхъ не замѣтно ни порядка, ни обыкновенной архитектурной послѣдовательности. Цѣлыя тысячи сихъ чудесныхъ колоннъ поражаютъ васъ самыми странными формами.

Въ иныхъ мѣстахъ—онѣ возвышаются совершенно правильными цилиндрами; въ другихъ—предспавляюпъ видъ башни, обрушенной пирамиды, усѣченнаго конуса; иныя дѣлаются къ низу шолще и кажупся опоясанными широкими карнизами. Есть возвышенія, на коихъ нѣсколько подобныхъ столбовъ такъ густо составлено, что заставляюпъ небольшимъ образомъ думать объ остаткѣ древняго портика. Внутренность нѣкоторыхъ изъ нихъ пуста и наполнена сѣрою песчанною массою. Я положилъ въ карманъ небольшой кусокъ сей массы; но будучи не въ состояніи обогатиться однимъ изъ сихъ огромныхъ обломковъ, кои находились въ составѣ самыхъ колоннъ, предспавляю нашимъ Бронньярамъ опредѣлить, если возможно, по моимъ очеркамъ, родъ дикаго ноздревапаго камня, образующаго оныя. На эпошъ конецъ, я между прочимъ, замѣчу имъ, что камень сей показался мнѣ ни сколько не мягче самага швердаго мрамора: онъ съ ипрудомъ успупаетъ ударамъ молотка, нѣсколько разъ повпореннымъ, Полковникъ Л. приказалъ по моей просьбѣ опрывать одну изъ цилиндрическихъ колоннъ меньшаго размѣра. Часпъ нашихъ конвойныхъ солдатъ и въ шомъ числѣ нѣсколько піонеровъ съ заступами и лопатами принялись за работу. Гром-

кія восклицанія: «найдемъ кладъ! найдемъ урну съ золотыми медалями!» — раздавались ежеминутно вокругъ откапываемой колонны. Черезъ нѣсколько времени она была отрыта слишкомъ на сажень; но углубляясь столь же правильнымъ цилиндромъ въ землю, заспавила насъ по всѣмъ признакамъ заключить, что до подземнаго ея основанія было еще слишкомъ далеко. На эпошъ разъ не возможно было сдѣлать ничего больше; п. Л. далъ мнѣ слово продолжать въ слѣдующіе дни откапыванье колонны и обѣщаль сообщить на возвращеніи пущи моему въ Варну слѣдствіе сей любопытной работы.

Вопшъ къ сожалѣнію все, что я могу сказать о сихъ необыкновенныхъ развалинахъ. Совершенное отсутствіе капителей, правильныхъ карнизовъ и разныхъ другихъ украшеній зодчества уничтожаетъ, по крайней мѣрѣ для меня, всякую возможность разсуждать объ архитектурномъ орднѣ, по которому бы можно было загадывать о началѣ сихъ исполинскихъ развалинъ. Я называю ихъ исполинскими, ибо діаметръ самой тонкой изъ вымѣренныхъ мною колоннъ, заключаетъ въ себѣ около $4\frac{1}{2}$ футовъ. — Какіе люди должны были создать этими колоссальными оспакновъ! Огромный размѣръ ихъ приводитъ вамъ не-

вольнымъ образомъ на память этѣ геогно-
стическія ипопезы, въ коихъ толкуешся о
допошопномъ мірѣ и о гигантахъ, населяв-
шихъ его первобытную поверхность. Если
бы ученые ируды Кювье, Палласовъ, Blumenба-
ховъ не опровергли мечтаній блаженнаго Авгу-
стина, Кирхера и всѣхъ сихъ натуралистовъ,
коимъ представлялись великаны, рожденные
сынами боговъ отъ дочерей человѣческихъ;
если бы опытъ, говорю я, не уничтожилъ
этѣхъ баснословныхъ легендъ, кои раздались
впрочемъ изъ колыбели всего человѣчества —
то, вспоминая объ Омировыхъ соплеменникахъ
Полифема; я бы нисколько не поколебался ви-
дѣть въ *Гебеджинскихъ развалинахъ* осуществ-
леніе древнихъ мифовъ объ изобрѣпленномъ
Киклопами зодчествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, взи-
рая на массивную огромность сихъ великолѣп-
ныхъ развалинъ, вы бы невольнымъ образомъ
подумали, что стѣны старинныхъ городовъ
Тиринеа и Микены, созданныя, по словамъ
Павзанія, изъ взгроможденныхъ другъ на дру-
га утесовъ; древніе памятники Арголиды;
оспапки строеній, замѣченные Г. Каспелла-
номъ близъ Наполи-ди-Мальвазіи и всѣ сіи
зданія, кои Эврипидъ, Справонъ, Павзаній
и другіе писатели древности приписываютъ
одноглазымъ работникамъ Вулкана — принад-

лежатъ въ одному разряду съ великолѣпными колоннами Гебеджинскими.—Но, говоря объ ихъ искусственномъ происхожденіи, я между тѣмъ долженъ признаться, что все сіе далеко недостаточно для объясненія *человѣческой* цѣли сихъ несмѣльныхъ колоннъ, сколько же симметрическихъ, сколько необыкновенныхъ, почти вездѣ однообразныхъ, но разсѣянныхъ по пространству, превосходящему всякій размѣръ зданій *человѣческихъ*. Неужели сіи великолѣпныя громады суть не что иное, какъ массы *проспыхъ базальтическихъ* обломковъ?— Неужели эта разительная правильность формъ и пропорцій есть одна только прихоть природы, обманывающей *человѣка* столь совершеннымъ подражаніемъ искусству, въ странѣ, населенной памятниками древности, и роями славныхъ историческихъ воспоминаній? Въ семъ послѣднемъ случаѣ, ученые исполкователи природы, прилагающъ конечно къ подобнымъ феноменамъ свою любопытную гипотезу о существованіи *нѣмыхъ свидѣтелей* сихъ неизвѣстныхъ, огромныхъ перевороповъ, предъ коими исчезаютъ всѣ измѣненія нашего шара, произведенныя людьми, ураганами, вулканическими изверженіями, морскими разливами и тому подобными судорогами органическаго міра. Я не знаю, что такое *эти базаль-*

мисленія колонны, кои служатъ основаніемъ старинному замку Шпальпену, находящемуся верстахъ въ 20-ти къ Восноку отъ Дрездена; на имѣю равнымъ образомъ никакого понятія о цѣли сихъ *Металлеслазъ* и *Среднихъ горъ* (*Ertz - und Mittel-Gebirge*), кои отдѣляютъ Сѣверо-Западную Богемію отъ Саксонскихъ владѣній. Вершины этихъ увѣнчаны, по словамъ путешественниковъ, рядами безчисленныхъ пикувъ, гдѣ базальтъ въ видѣ огромныхъ призматическихъ колоннъ свидѣтельствуетъ объ упомянутыхъ мною переворотахъ. — «По всюду печальные скелеты горъ» — говорили Мальпё-Брюнъ — «подкрѣпляютъ вполнѣ такое предположеніе.» Стоунхенгъ въ Англіи; Грейффенштейнъ въ Саксоніи; утесы Свинъ-Феенейскіе въ Кипрѣ; множество огромныхъ обломковъ среди перуанскихъ Кордильеръ и наконецъ — эти знаменитые камни Карнакскіе, кои столь долго почидали однимъ изъ главнѣйшихъ Друидическихъ капищъ — суть конечно самыя любопытныя памятники сихъ необъяснимыхъ физическихъ измѣненій; но признаюсь, что изъ всѣхъ подобныхъ обломковъ я бы наиболѣе желалъ видѣть лабиринтъ этихъ чудесныхъ скалъ, кои возвышаются въ Сѣверо-Восточной Богеміи, между передовыми отраслями *Судетскъ* или *Горъ Дислоани-*

скихъ (*Riesengebirge*). — Вы безъ сомнѣнія оп-гадаете, что я говорю о дедалѣ сихъ живописныхъ утесовъ, кои близъ Адлерсбаха представляють, по увѣренію очевидцевъ, дивное зрѣлище великолѣпныхъ естественныхъ развалинъ. Личный, сравнительный взглядъ на оныя утвердилъ бы можетъ быть шапкость моего мнѣнія о *Гебеджинскихъ* остаткахъ. Судя по описаніямъ — та и другая картина представляеть въ нѣкоторыхъ чертахъ сходство довольно разительное. — Несравненно бѣльшимъ единствомъ формъ и правильностью пропорцій отличаются колонны *Гебеджинскія*, но почти на такомъ же пространствѣ разсѣяны естественныя *Адлерсбахскія* пирамиды. Та же физіогномія окресной природы, тѣ же кусты и деревья, смѣшивающіе густую зелень свою съ массами сихъ пепловидныхъ развалинъ; топъ же ручей, журчащій по ихъ повалившимся обломкамъ; одинаковое сосѣдство горъ, отличаящихся впрочемъ другъ отъ друга тѣмъ, что близъ *Адлерсбаха*, лабиринтъ дикихъ, утесистыхъ скалъ составляеть, ели вѣришь путешественникамъ, часть самыхъ развалинъ, между тѣмъ, какъ колонны *Гебеджинскія* не имѣють, по видимому, никакого сродства съ перспективою этихъ лѣсистыхъ холмовъ, кои окружають равнину, занимаемую

ихъ массаи. Мальтё-Брюнъ утверждаетъ, что *Адлерсбахскіе* обломки суть очевидные остатки горы, коей части менѣе твердыя обрушились и унесены попоками: сомнѣваюсь, чтобы подобное предположеніе могло быть приложено къ чудеснымъ *Гебеджинскимъ* развалинамъ. — Но пора кончить эту премудрую диссертацію; чувствую, что я слишкомъ долго полковалъ вовсе не о своемъ предметѣ; не сомнѣваюсь также, чтобы какойнибудь изъ сихъ избранныхъ наперсниковъ природы не очеркнулъ его въ нѣсколькихъ словахъ гораздо удовлетворительнѣе. Я высказалъ все, что лежало на сердцѣ; обнаружилъ множество предположеній спиранныхъ и вѣроятно ошибочныхъ; но опъ сего-по самаго многословія и зависить можетъ быть вѣрный приговоръ феномену — въ археологическомъ, въ естественномъ, или въ какомъ бы-то ни было отношеніи — истинно замѣчательному. — И такъ, предоставляя предметъ сей суду и оцѣнкѣ записныхъ ученыхъ, спѣшу показать вамъ его въ другомъ, менѣе шускломъ для меня зеркалѣ.

Muoiono le città, muoiono i regni,

Sopre i fasti e le pompe arena ed erba;

E l'uom d'esser mortal par che si sdegni?

Вотъ стихи, которые были не одну сотню разъ чувствованы, повпорены, декламированы: сомнѣваюсь, между тѣмъ, чтобы ихъ досадная истина не пробуждалась въ какомъ бы-то ни было сердцѣ, при каждой новой картинѣ ничтожества, попирающаго остатки бѣднаго человѣческаго могущества. На возвратномъ пути своемъ въ Варну, я постараюсь ввѣрить карандашу какого-нибудь военнаго Тайлора окончательный абрисъ колоннъ Гебеджинскихъ, но если: прибѣгну къ единственному средству для яснаго изображенія эпихъ необыкновенныхъ формъ, цвѣтовъ и оплѣнковъ, коихъ разнообразіе неуловимо для самой высокой живописи языка человѣческаго. — До сихъ же поръ, попробую представить вамъ крапкѣй *и* много впечатлѣній, врѣзавшихся въ мою душу, при видѣ сихъ исполинскихъ столбовъ, разсѣянныхъ подобно чудеснымъ мечпамъ Байрона въ печальномъ; но очаровательномъ безпорядкѣ. Одни едва мелькающъ сквозь чащу густаго кустарника, другіе возвышающъ во всей наготѣ своего пасмурнаго величія и поражающъ взоръ вашъ этимъ мертвымъ, поблекшимъ *цвѣтомъ въковъ*, который долженъ безъ сомнѣнія занимать, главное мѣсто на палитрѣ краснорѣчивой исторической живописи. Тамъ — повалившаяся

колонна лежишь, какъ спящій Сатурнъ, на коврѣ юной зелени: ласковый плющъ обви- ваешь ее; сѣдой мохъ препенетъ на язвахъ, коими рука вѣковъ покрыла сей памятникъ давно-минувшаго, между шѣмъ, какъ выгла- дывающій изъ подъ земли осипатокъ его слу- жишь огромною вазою мирповымъ и перно- вымъ вѣпкамъ, множеству дикихъ цвѣтовъ и распеній. Благословенная природа, какъ бы желая замѣнить своей собственной роскошью чудеса изглаженнаго можетъ быть временемъ искусства, водворилась повсюду посреди сихъ безмолвныхъ черпоговъ праха и разрушенія. Вездѣ, съ заботливостію нѣжной матери, она разнообразишь свои невинныя украшенія: въ одномъ мѣстѣ пропягиваетъ свѣжую гир- лянду между двумя склонившимися въ паденью колоннами; въ другомъ — спавишь стройные тополи на мѣсто столбовъ, опрокинутыхъ временемъ. Тамъ — юная виноградная лоза вѣ- тся извилистою змѣею до самаго возглавія уцѣлѣвшей болѣе другихъ громады; здѣсь — дикая акація пресмыкается у ея обширнаго подножія и покрывая его своими атласными лиспьями, рисуется, подобно драгоценной мозаической работѣ, на сумрачной бѣлизнѣ размешанныхъ повсюду развалинъ. Мершвое запустѣніе воцарилось на сихъ безобразныхъ

обломкахъ : ни малѣйшій звукъ , ни малѣйшій шорохъ не прерываетъ ихъ угрюмаго молчанія ; или нѣтъ ! рѣзвая изумрудная ящерица , теперь единственныи обитатель мѣста , гдѣ можетъ быть нѣкогда кипѣла жизнь и шумная человѣческая дѣятельность , выгнувъ на минушу изъ глубокимъ расщелинѣ бѣжитъ отъ любовитнаго спранника , и шумя въ высокой травѣ , прячется между грудой новыхъ обломковъ .

Всѣ ощущенія сердца , всѣ опшѣнки впечатлѣній были уже столь хорошо высказаны , раздроблены , аналитированы ; душа человѣческая сорвавъ мало-по-малу эту темную завѣсу , которая покрывала ей тайныя муки и радости , оприказалась въ зеркалѣ столь опшративельномъ ; но всею болѣе — мишура и румяна нашихъ пшпическихъ разносчиковъ , продаваемые цѣлыми пудами за неподдѣльныя розы и золото , освоили насъ до такой степени съ шарлатанствомъ этихъ микроскопическихъ Рене , Чайльдъ-Гарольдовъ , Фаустовъ , что теперь порывы самаго чистаго энтузіасма , изліяніе самой законной печали , едва ли не кажутся намъ чѣмъ-то подобнымъ сему каррикатурному вооруженію ; подъ коимъ герой Ламанскій сокрылъ бриліантовый блескъ древняго рыцарства . Я не имѣю нужды хвалиться идеаль-

нымъ разочарованіемъ: вы знаете; какъ легко мое минувшее; какъ цвѣписто настоящее; какъ свѣпла и просторна моя бѣдная будущность. . . . — а попому, вамъ ли буду я говорить объ электрическомъ сочувствіи души своей съ этими дивными обломками чего-то огромнаго, прекраснаго, поэпическаго! — Я машинально слѣдовала за прихотливимъ бѣгомъ ручья, лепечущаго посреди развалинъ. Становясь съ каждымъ шагомъ уже и извилистѣе, онъ мало-по-малу принялъ видъ тонкой жемчужной нитки, и наконецъ совершенно пропала въ пестрой густотѣ кустарника, завладѣвшаго полуизсякшимъ русломъ его. Красивые листья пуховника, душистаго дрока и мѣлкаго лиловаго цѣломудренника выславляли опшуда свои разноцвѣпныя маковки, и подражая излучинамъ поперявшагося между ними ручья, рисовались на землѣ, подобно другому, созданному изъ цвѣповъ потоку. Слабый ропотъ струи, переливающейся во мракѣ сихъ разнообразныхъ кустарниковъ, напоминалъ одинъ о ничтожномъ оснапкѣ воды, неуловимой для жажды, пожиравшей меня въ эту минуту. Лучи полдневнаго солнца, пылая вертикально надъ моею головою, возбуждали въ изсохшемъ горлѣ моемъ смертельную зависть къ баснословной способности этихъ привиле-

гированныхъ омерзшихъ, коихъ нервное потрясеніе угадываешь шумъ и прохладу подземныхъ иешочниковъ; предспавыте же свѣтъ мое удовольствіе; когда оглянувшись назадъ, я увидѣлъ за собою вѣкъ своихъ спутниковъ и получилъ приглашеніе напиться у текущаго не вдалеѣ фонтана. Мы оставили развалины позади; себя и опять углубились въ лабиринтъ древесной чащи. Черезъ нѣсколько минутъ гармоническое журчанье воды послышалось передъ нами въ густотѣ лѣса. Подвинувшись еще на нѣсколько шаговъ впередъ, я увидѣлъ . . . . . но повѣрите ли, что картина подобная садамъ Дамасской очаровательницы или даже Мильпонову изображенію эдема застала въ мигъ передо мною всѣ красоты живописной природы, кои до сихъ поръ были когда нибудь предметомъ моего удивленія.

Амфишепръ живой, непроницаемой зелени, сросшейся на подобіе обрушенной сверху арки; со всѣхъ сторонъ окружилъ меня. Вглубиѣ этой зелени, цвѣты распустившихся яблонь, душистыхъ трупъ, черешень, персиковъ и абрикосовыхъ деревьевъ, горящій повсюду яркими рубиновыми и амазными искрами. Непроницаемая бесѣдка изъ кудряваго виноградника; букеты юныхъ миртовъ, иди-

кія, загложія аллеи изъ колоссальныхъ орѣшниковъ, мохнатыхъ буковъ, шелковичныхъ и разныхъ другихъ деревьевъ, пересѣкаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ лебодышюй журавчатый лугъ, кинушій роскошнымъ ковромъ посреди сего натуральнаго китайскаго сада. Съ одной стороны два фонтана, пошпавленные у скапа зеленыхъ горъ параллельно другъ противъ друга, журчатъ подъ тѣнью липушхъ ивъ и вирамидальныхъ шополей; два мраморные резервуара льютъ на размѣшанные въкрувъ камень ихъ холодныя слезы, которыя—по пропадаютъ, по вновь показываються, тянутъ по травѣ драгоцѣнной брилліаншовой ниткою и наконецъ—исчезаютъ въ густошпѣ лѣса. Древніе сады Алкиноевы были, по сказанію Омира, украшены двумя шочно такими же фонтанами. Насупрошпвъ сего романшпческаго мѣста горизонтъ болѣе свободный открываеиця вдругъ передъ вами; лѣшпый амфитѣатръ горъ: скала надъ скалою, зелень надъ зеленью ограничивають орѣшкы шпорошъ ошарованный взоръ вашъ. Если бы можно было предпологать, что природа, шпременная созданию сосѣднихъ колоннъ, не измѣвила еще до сихъ поръ своего обраа; то рошп окружашщія фонтаны, могли бы безъ сомнѣшя быть почтены великошпными садами, принадлежавши-

ми древнимъ храмамъ, или обширному городу, коего колонны сіи суть развалины.

« Не пора ли подумашь объ обѣдѣ ? » сказалъ одинъ изъ офицеровъ, прогуливаясь вокругъ своей лошади. — Ни мало ! — отвѣчалъ я ; но между тѣмъ большая часть приѣхавшихъ со мною желудковъ очень умильно поглядывала на солнце, коего огненный шаръ перекашился уже давнымъ-давно за-полдень. Красные лучи его проникали облически въ прохладную темноту рощей, и отраженные ихъ изумрудною зеленью, преломлялись тонкими золотыми оспрѣлами на живомъ кристаллѣ фонтановъ, окруженныхъ всѣми радужными цвѣтами призмъ. Какая-то неопредѣленная гармонія вылетала изъ глубины лѣса. Полные чудныхъ мифологическихъ воспоминаній, вы бы подумали, что хороводъ незримыхъ Дріадъ, до прежнему пляшетъ, и сливается звучные голоса свои съ шрепещомъ посвященныхъ имъ сѣней. Если мечпы, наполняющія душу передъ хаосомъ сосѣднихъ развалинъ, снюль же унылы, смутны и колоссальны, какъ груды эпихъ величавыхъ обломковъ, то философическое спокойствіе здѣшной природы — поэзія одной изъ сихъ *виргиліевскихъ* долинъ — объясняютъ вамъ въ полной мѣрѣ скуку придворныхъ благъ, и послѣднее желаніе *поумнѣшаго* на минуту пѣвца Георгикъ :

..... O' quī mi gelidis in vallibus Hœmi
Sistat, et ingenti ramorum protegat umbrâ!

Я разсѣяннo блуждалъ между деревьями, и кто знаетъ, куда бы забрелъ наконецъ, если бы полковникъ Л. не закричалъ мнѣ, что какая нибудь шурецкая пуля, вырвавшись вдругъ изъ-за куста, можетъ въ одну минуту и весьма невѣжливо прервать мечпы мои. Шумящій не вдалекѣ отъ фонтановъ орѣшникъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе: онъ возвышается отдѣльно отъ другихъ деревьевъ, и можетъ по всей справедливости назваться паптріархальнымъ царемъ ихъ. Какой-нибудь артистъ изъ достославнаго *Rocher de Cancale* угостилъ бы, кажется, подъяго навѣсомъ дюжины при записныхъ Эпикурейцевъ всѣми сокровищами французской кухни своей.—Я не могъ расшататься съ симъ обворожительнымъ мѣстомъ; шѣ, кои съ Гёшевымъ рыбакомъ бывали очарованы разказами Наяды о благотворной прохладѣ воды во время зноя полуденнаго, поймутъ можетъ быть это пайное могущество, которое приковывало меня къ фонтанамъ, возбуждая безпрестанное желаніе умываться и глотать безъ всякой жажды холодную спирюю ихъ. Всѣ сіи проволочки выводили изъ терпѣнія моихъ спущ-

никовъ. Дѣлать было нечего: я рѣшился ѣхать съ ними обѣдать; но, покидая долину, въ копорой желалъ бы остаться на всю жизнь свою, упорствовалъ въ исполненіи этихъ мѣлочныхъ обрядовъ, кои Шапобріанъ вмѣняетъ въ обязанность всякому благочестивому путешественнику. Въ семь намѣреній я извлекъ персидскій кинжалъ свой и начерпиль оспрымъ концемъ онаго свое имя на мраморномъ возглавіи одного изъ фонтановъ; потомъ наполнилъ шляпу его животворною влагою и совершилъ въ честь Генія сего мѣста, *Genio loci*, свое скудное, но усердное возліяніе. Благословенная Дріада, подарившая мнѣ на память нѣсколько листковъ съ широкошумнаго своего орѣшника, получила послѣдній прощальный поклонъ мой. Проѣзжая мимо развалинь, я былъ бы не утѣшенъ, если бы не имѣлъ надежды увидѣть ихъ снова въ непродолжительномъ времени. Мы возвратились въ редушь къ довольно поздней прарапезѣ; но и та, какъ на зло моимъ гастрономамъ, была еще вовсе не приготовлена. Пользуясь этимъ промежуткомъ, я прислонился къ одному изъ пушечныхъ лафетовъ, и продолжалъ на ономъ письме сіе. Послѣ обѣда оно было уже совсѣмъ дописано, и около пяти часовъ я простился съ полковникомъ Л., получивъ подтвержденіе

его обѣта: продолжитъ начатое опкапыванье колонны. Одинъ только казакъ, взятый болѣе для указанія дороги, нежели для вооруженнаго прикрытія, поѣхалъ со мною въ Девно.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

БРАТУ А. Л. ГР. ТЕПЛЯКОВУ.

Девно, 24-го Апрѣля.

Какъ жаль, что вы не принадлежите къ числу эгихъ благоклонныхъ друзей-читателей, кои отъ души довольствуются одной любопытней исторіей обѣдовъ, ужиновъ, ночлеговъ и тому подобныхъ приключеній словоохотнаго спранныка! Зачѣмъ, *conpro di Basso!* зачѣмъ придерживатся строгаго мнѣнія пѣхъ, кои настоятельно требуютъ, чтобы путешествія относились къ Географіи, къ Этнографіи, къ Статистикѣ, и прочо въ такой же силѣ, какъ очерки какихъ нибудь частныхъ записокъ къ Исторіи времени, о коемъ идетъ дѣло?—Мнѣ пропавъ этого говорить безъ сомнѣнія нечего; прошу только замѣнить, что между пѣхъ, какъ Г. астрономы толкуютъ о явномъ различіи между двумя Сатурновыми

кольцами и опъ души снабжающъ насъ самы-
ми вѣрными *итинерерами* для прогулки по
спранамъ звѣзднымъ и солнечнымъ — почти
вся внутренность древней Эракии, земли без-
смертныхъ дѣлъ и дивныхъ, неиспоцимыхъ
воспоминаній, естъ до сихъ еще поръ *terra in-*
cognita для нашей просвѣщенной Европы. Кро-
мѣ того, путешествие по спранѣ, вымящен-
ной въ настоящее время ураганомъ огромной
эмиграціи, озаренной единымъ свѣпильни-
комъ русскихъ и турецкихъ толги, имѣетъ,
кажется, ужъ по одной эпой причинѣ нѣко-
шорое право на участіе и снисходительность
разсудительнаго чипашеля.

Отъ Гебеджинскаго до Девнинскаго редупа
считается около 40-ти верспъ. Поздно
послѣ обѣда выѣхаль я изъ перваго, и не взи-
рая на то, знойный болгарскій вечеръ па-
лилъ меня пуще великороссійскаго полдня.
Спутниками моими были на эпотъ разъ одинъ
только пупеводитель—Донецъ, да живой арсе-
наль, слуга мой. Мы проѣхали по тому са-
мому мѣсту, гдѣ за годъ передъ симъ цвѣло
живописное Гебеджинское селеніе, теперь разо-
бранное, по выраженію одного изъ нашихъ
спранспвующихъ вишязей. Большая часть до-
роги, ведущей въ Девно, можетъ по справед-
ливости назваться продолженіемъ пути ошъ.

Варны до Гебеджи, но вскорѣ амфитеатръ колоссовъ балканскихъ начинается выше и выше по направленію къ Праводамъ. Лазурное Девнинское озеро развертывается у подошвы горъ, почти при самомъ выѣздѣ изъ Гебеджинскаго редуша. Издали—оно сверкаетъ подобно яркой вороненой стали въ изумрудной оправѣ береговъ своихъ. Еще далѣе—тысяча серебристыхъ излучинъ разбѣгается по ковру зеленой долины и подобно алмазной цѣпи обвивается ее у подножія лиловыхъ скалъ, на краю подернутаго радужной дымкою небо-склона. Узкій путь тянется надъ сей лазурною скапертью по карнизу лѣсистыхъ горъ, разрисованныхъ яркими узорами весны, увѣнчанныхъ исполинскими фруктовыми деревьями и тысячью эпихъ песпрыхъ цвѣповъ и кустарниковъ, кои шоль живописно сочетаваютъ свою темную, свѣплую, золопистую расписельность съ рубинами ягодъ, благоухающихъ надъ зеркальной поверхностью озера. И здѣсь *неминуемые* фонтаны, выбѣгая изъ глубины кудрявыхъ роць, льются по скапу горъ, подобно крупнымъ слезамъ, по заключеннымъ въ яркозеленый бархатъ персямъ красавицы. Верспъ 6 — 7 проѣхаль я такимъ образомъ; милая прелестъ природы, какъ будто перешла въ мою душу; въ это время ей было

такъ легко , такъ весело: она ровно ни о чемъ не думала ! вскорѣ попомъ дорога отдѣлилась отъ озера почти на версту вправо ; въ этомъ мѣстѣ игривая рѣчка Девно , прибѣжавъ изъ нѣдръ Сѣверо - Западныхъ горъ , бросается въ объятія голубаго Лимана — и обширная песчаная равнина развертывается вдругъ передъ вами . Какая печальная противоположность между сей желтой , безжизненной пеленой и ея роскошною рамою ! Стая огромныхъ орловъ , завидя насъ издалека , тяжело поднялась на воздухъ , и остатки опирагипельнаго праздника — размешанные повсюду кости людей и животныхъ — представились вдругъ нашимъ взорамъ . Сердце мое содрогнулось : равнина старой битвы была , по всему видимому , въ очахъ моихъ . Подобно доброму князю Руслану , я остановилъ передъ нею коня своего ; грустные думы пѣсни-ли грудь мою ; вмѣстѣ съ храбрымъ кievскихъ вицяземъ , душа моя невольно воскликнула :

О поле , поле , кто тебя

Усыялъ мершвыми косями ?

Чей борзый конь тебя топшаль

Въ послѣдній часъ кровавой битвы ,

Кто на тебѣ со славой палъ ,

Чьи небо слышало молитвы ,

Почшо-же, поле, смолкло ты,

И поросло правой забвенья?...

Пошомъ, comme de raison,

Временъ ошъ вѣчной шемношы

Быть можетъ, нѣшь и мнѣ спасенья!...

Полный эпой, несносной истины, я не шу-
тя утопаль нѣсколькo минутъ въ океанѣ пош-
лыхъ думъ о славѣ и ничтожествѣ человѣчес-
комъ. Къ счастію вслѣдъ за симъ праги-ко-
мическій снпхъ дѣда—Сумарокова очень кста-
ши облеснуль мечпы мои:

«Когда умру—засну; засну—и буду спашь.»

Громкій смѣхъ, акомпанеманъ сей упѣши-
тельной апофѳегмы, вырвался изъ груди мо-
ей, и преполновѣсный ударъ плечью прибо-
дриль вмигъ моего злапогриваго Рабикина,
копорый, повѣся свою скопскую голову, какъ
будто обезьянилъ мои философическія раз-
мышленія о суешахъ міра сего. «Вопъ Дев-
нинскій лагерь!», — воскликнуль, галопируя
подлѣ меня мой Донецъ путеводный. Новый,
подобный первому силлогизмъ раздался по
ребрамъ моего четвероногаго философа, и
черезъ нѣсколькo минутъ шапры чепырехъ

пѣхотныхъ полковъ, огражденные со стороны Праводъ двумя сильными редушами, были уже въ глазахъ моихъ.

Мы остановились у палатки полковника Е., который въ продолженіе всей прошлогодней зимы занимался съ командуемымъ имъ полкомъ укрѣпленіемъ сего мѣста. Еще въ Варнѣ, слухъ о множествѣ медалей, найденныхъ во время сихъ инженерныхъ работъ, возбудилъ во мнѣ непреодолимую симпатію къ доблестному 38-му егерскому полку и въ особенности къ его археологическому предводителю. Этого храбрый вождь встрѣпилъ меня изъявленіемъ искренней готовности *участвовать* въ моихъ розыскахъ, и смѣясь изо всей мочи, озарялъ ежеминутно посулы свои фосфоромъ эпѣхъ милыхъ острошъ, кои, какъ вамъ извѣстно, споль очаровательны въ устахъ нашихъ армейскихъ каламбуристовъ. Показывая оставшіяся у него медали, онъ безпрестанно подшучивалъ надъ цѣлью моего прибытія въ Девно, восклицая, что я слишкомъ поздно къ нему *явился*. «Изъ числа найденныхъ мною *антиковъ*» — сказалъ онъ — «большая часть предсавлена при *рапортѣ* бригадному командиру, множество роздано офицерамъ, множество послано женѣ въ * * * * *скую губернію.» — Вскорѣ попомъ, достопочтен-

ный анпикварій сей оставилъ меня одного , надъ кучею разныхъ монетъ и медалей. Черезъ минушу я уже слышалъ его *стенторскій* голосъ, уже видѣлъ воинственное тѣло и душу его на конѣ, предъ марширующимъ за нимъ *легиономъ*.

Разсматривая брошенные передо мною *антики*, я, посреди цѣлой груды оныхъ, замѣшилъ только 3—4 медали греческихъ. Все остальное принадлежитъ императорскому Риму съ примѣсомъ ничтожныхъ монетъ Византійской Имперіи и Государствъ Среднихъ Временъ Европы. Это обспоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, о коихъ я вскорѣ буду говорить вамъ, проливаетъ, кажется, довольно яркій цвѣтъ правдоподобія на ученое мнѣніе Г. Бларамберга, касательно существованія древняго Маркіанополя на семъ самомъ мѣстѣ.

Вечеромъ, цѣлый *Пандемоніумъ* полковой знати собрался въ палаткѣ полковника Е. . Громкіе крики, полубезсмертныя воспоминанія, забавныя пророчества, бурныя пренія о много-различныхъ шайныхъ полковаго ученья, выправки солдатъ *et caetera*, раздавались ежеминутно вокругъ меня, вмѣстѣ съ яркими звуками пуншевыхъ спакановъ, непрерывнымъ хохотомъ и лаемъ борзыхъ собакъ, на-

слаждавшихся, по видимому, въ кругу сей веселой толпы, равною съ двуногими неприужденностью. Вамъ извѣстно, что—подобно доброму Бугенвиллеву священнику — «монахъ во Франціи, я дикарь въ Опаипи.» — Посреди спремнинъ кавказскихъ я, напри-мѣръ, сшрѣлялъ и скакался съ удалыми своими кунаками шочно такъ же, какъ нѣкогда сшрѣлялъ и скакался съ графомъ С. и англоманомъ К.. Съ Шамхаломъ Тарковскимъ пянуль его поганый *тхирь* споль же безошчетно, сколько вспарину анализировалъ каждую румяную слезинку *du dive Oeil de Perdrix* съ Пантагрюэлемъ К—мъ. Передъ *фонтаномъ слезъ* — опврапипельный Крымскій *шшлыкъ* соблазнялъ меня пуще всѣхъ чудесь Да—ой гаспрономи. Передъ Болгаркой Деспиной мое: «северемъ *гюзель кызъ*—пылало несравненно жарче всѣхъ Доратовскихъ мадригаловъ, рассыпаемыхъ бывало передъ какой нибудь чопорной полу-Француженкой. Словомъ, въ раззолоченной петербургской гостиней, я бывалъ гостемъ, споль же несноснымъ, какъ и всякой другой, и признаюсь ли вамъ, что передъ яркимъ бивачнымъ огнемъ, подъ занавѣсой открышаго неба, на жесткомъ казачьемъ сѣдлѣ подъ головою, или даже одинъ, въ своихъ огромныхъ съ загнутой спинкою креслахъ (рузумѣется

не здѣсь, а въ Одессѣ), я чувствую себя тысячу и одинъ разъ умнѣе и довольнѣе цѣлымъ свѣтомъ, нежели въ шолпѣ блистательныхъ лгу (вы конечно помните послѣднее Гуливерово спранствіе), представителей его и моихъ глупостей. Что въ самомъ дѣлѣ мнѣ, спраннику изъ племени *простосердечныхъ*, подобно Гурону Фернейскаго красная, — что мнѣ, говорю я, до вашихъ князей А. Б. В., до графовъ Г. Д. Е., до генераловъ Ж. З. И.! Изъ всего этого вы, слѣдовательно, можете заключить, что и на сей разъ я бы конечно не поспѣсивилъ превратиться доупра въ какого нибудь удалца 38-го егерскаго полка, если бы жестокая головная боль не нахмурила прошивъ воли чела моего. Я вышелъ изъ пиршественной палатки и нѣсколько минутъ любовался мерцаніемъ болгарскаго мѣсяца. Томно и вмѣстѣ поржественно рассыпалъ онъ перловые лучи свои надъ городомъ бѣлыхъ шапровъ, надъ свѣтлою мѣдью пушекъ, надъ пирамидами ружей, коихъ штыки казались вылитыми изъ чистаго полированного серебра съ узорчатою насѣчкою. Хотѣлось бы мнѣ, ради себя самого и ради своей искренней филантропіи, прогуляться вмѣстѣ съ царевичемъ Астольфомъ въ чудотворную лунную лабораторію; но гдѣ же бы-

ло взять ишиогрифа? и пошому, возвращаясь къ своей разгульной шолпѣ, я въ ту же минушу раздѣлся и легъ въ постель. Повременные звуки, оглушительные крики, не переспавали вырываться изъ густыхъ облаковъ табачнаго дыму, и довольно долго и довольно мучительно преслѣдовали послѣднія минушы моего бдѣнія; но за всѣмъ шѣмъ, благодатный сонъ воспоржествовалъ надъ всѣми спихіями сей пропивоборспвовавшей сумяпицы.

На другой день все мое утро прошекло въ бесполезныхъ сборахъ для обозрѣнія здѣшнихъ окрестностей. Каждую минушу мой задушевный хозяинъ приказывалъ сѣдлашь лошадей, и каждую минушу находилъ какойнибудь новый предлогъ для отсрочки нашей поѣздки. Видя совершенную невозможность извлечь изъ него, по крайней мѣрѣ въ это утро, чтонибудь пупное, я рѣшилъ воспользоваться симъ тяжкимъ бездѣйствиємъ для посѣщенія генерала Р., прибывшаго ночью изъ Праводъ въ Девно. Трудно изобразить вамъ участіе, коимъ сей привѣпливый Генераль почпилъ цѣль моего пупешествія. Получивъ отъ него приглашеніе къ обѣду и вмѣстѣ съ онымъ *открытый ордеръ*, для оказанія моимъ розыскамъ нужныхъ пособій въ расположеніи войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ кор-

пусовъ, я поспѣшилъ возвратиться къ своему полковнику, съ швердымъ намѣреніемъ склонить его наконецъ, во чтобы-то ни стало, къ совмѣстному обозрѣнію здѣшнихъ рѣдкостей. На этотъ разъ мнѣ къ счастью удалось кое-какъ посадить его на лошадь.

Прежде всего пустились мы взглянуть на древнюю мраморную плиту, брошенную, по словамъ полковника Е., позади здѣшняго лагеря. Галопируя въ этомъ намѣреніи, переѣхали мы быструю рѣчку Девно по каменному, довольно красивому мосту, ведущему на дорогу въ Праводы, и проскакавъ сажень 200 прямо по сему направленію, свернули потомъ нѣсколько вправо. Черезъ минуту небольшой полуизсякшей фонтанъ представился вдругъ моимъ взорамъ. Довольно огромный четверугольный камень валялся въ самомъ дѣлѣ, поверженный у его подножія. Множество дикихъ растений вилось по сему историческому мрамору и почти совсѣмъ покрывало его своей разноцвѣтной завѣсою. Я нетерпѣливо сорвалъ эту паутину годось и съ несказаннымъ удовольствіемъ прочелъ Лапинскую, какъ нельзя лучше сохранившуюся надпись съ греческимъ подъ оною переводомъ. Имѣя, какъ вы увидите, довольно доспапочныя причины поручить вашему особенному вниманію открытіе столь

Допуская возможность сего предположенія, какія чувства не пробуждаются въ сердцѣ при воспоминаніи о семъ знаменишомъ городѣ!— Римляне, Греки, Болгары, безконечность разноплеменныхъ варваровъ, и наконецъ нашъ орелъ-Свяпославъ, развивающъ здѣсь передъ вами длинный свитокъ своей славы и доблеспей, своихъ торжествъ и униженія!

Не взирая на недостатокъ историческихъ свѣденій о безсмертномъ походѣ Траяновомъ противъ Децебала, царя Дакійскаго — свѣденій, почерпнушихъ бѣльшею частію изъ сокращеній испорика Діона и встрѣчамыхъ, между прочимъ, въ старинномъ путешествіи графа де Марсильи — вамъ безъ сомнѣнія извѣсны по крайней мѣрѣ главныя черты блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ Траяномъ надъ грозою предшественника его Домиціана. Послѣ второй и послѣдней войны, стоившей жизни неукротимому Децебалу, Траянъ украсилъ Мизію и Фракію устройствомъ дорогъ и мостовъ, созданіемъ и возобновленіемъ городовъ, изъ числа коихъ историки въ особенности упоминающъ о Никополисѣ или градѣ побѣды, о Платинополѣ и наконецъ — о *Маркіанополѣ*. Два послѣднихъ названы такимъ образомъ въ честь Платины и Маркіаны, супруги и сестры Траяно-

выхъ. Вскорѣ послѣ того Маркіанополь сдѣлался митрополіей Нижней Мизіи. Во времена Восточной Имперіи городъ сей былъ, по видимому, довольно хорошо укрѣпленъ и весьма значительенъ въ тогдашнемъ военномъ отношеніи; даже легіонамъ Римскимъ служилъ онъ надежнымъ оплотомъ и лучшимъ сборнымъ мѣстомъ въ продолженіе ихъ безконечныхъ браней съ варварами. Такъ напри- мѣръ, въ 377-мъ году, Императоръ Валенсъ опустивъ послѣ кровавой бѣдвы съ Готтами, зашворился съ войскомъ своимъ въ Маркіанополь, за оградю коего потоки сихъ варваровъ не осмѣлились больше, по словамъ историковъ, превозить его. Въ 679-мъ году, по окончательномъ завоеваніи Мизіи, Болгары учредили столицу основанной ими державы въ древнемъ Маркіанополь, и съ тѣхъ поръ городъ сей спалъ называться въ византійскихъ лѣтописяхъ великимъ Переяславомъ или Перелавомъ *ἡ μεγαλὴ Περθλαβα*. Въ 976-мъ году наконецъ, мужественный Свято-славъ, вооруженный Императоромъ Никифоромъ противъ Болгаръ, сроднилъ насъ, Рускихъ, съ Траяновымъ Маркіанополемъ. «Удовлетворивъ мести Грековъ» — говоритъ Карамзинъ — «богатый добычей, гордый славою, Князь російскій началъ властвовать въ

древней Мизіи..... и жиль весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ. » — Попомокъ Адамовъ, и слѣдовапельно — не Жидъ, не Тапаринъ, а просто-на-просто смиренный членъ всего человѣческаго семейства, я между тѣмъ самъ не понимаю, отъ чего душа моя такъ радостно вспоминала, что и русская спаль оппечаталась въ сихъ самыхъ мѣстахъ на груди Византіи, наслѣдницы громкаго, державнаго Рима, что и Кіевскіе Варвары дѣлили сокровища Кесарей на пиру народовъ, за упокой древней вселенской Монархіи.

Надъ симъ саркофагомъ спараго и колыбелью новаго міра, какъ невольны думы о неисповѣдимой цѣли Провидѣнія, смѣняющаго народъ народомъ, нравы нравами; создающаго новыя царства на мѣстѣ тѣхъ, кои въ свое время были спольже богаты гордостію, добромъ, зломъ, славою, уничиженіемъ! Къ чему всѣ эти перевороты? Къ чему, замѣнь ослѣпительнаго Рима, жалкая Византійская Имперія? Къ чему, на послѣдокъ, эшопъ грозный, опустошительный ураганъ Варваровъ?

Хопитель знашь, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,

Какъ лавы огненной пошоки? —
 Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
 Къ богашымъ нивамъ и лугамъ
 По вѣтру саванъ свой дешучій
 Мчашъ саранчи голодной шучи! —
 Спросите молвію, куда она лешись,
 Откуда ураганъ крушительный бѣжишь,
 Зачѣмъ кочуешь валъ ревучій! —
 Такъ точно, Промысла не вѣдая пушей,
 Неслись полки Судьбы къ ея предназначеню:
 И вошь — изъ груди царствъ, ошь спали ихъ мечей
 Воспрянулъ новый огонь — и чадъ глухихъ степей
 Приблизилъ къ цѣли Провидѣнья!
 Пускай ихъ тысячи о брегъ сѣдыхъ временъ,
 Какъ волны шумныя разбились: —
 Осшашки дикихъ сихъ племень
 Преобразили міръ, и съ нимъ преобразились!
 Но что же въ шомъ?..... (*)

Что въ шомъ! я право не знаю, да и кто жъ
 это вѣдаетъ! — «Вошше» — говоришь Г.

(*) Стихи одной изъ Оракійскихъ Элегій. *Прим.*
Издан.

Кине, краснорѣчивый переводчикъ Гердера —
«вообще личность Римская втянула въ себя
«все, чтобы все поглотить; — посреди без-
«молвія Имперіи, не обольстительной ли
«мечшой, не лучемъ ли поэпическимъ ка-
«жется вамъ эптошь шумъ, выходящій изъ
«лѣсовъ Сѣвера, и не похожій ни на ипрепе-
«паніе лиспьевъ, ни на крикъ орла, ни на
«завываніе дикаго звѣря? Такимъ-то обра-
«зомъ, заключенное въ предѣлахъ міра, вра-
«щается безконечное, чтобы выдти изъ
«оныхъ. Человѣчество обрѣпаетъ его, и
«будто обезумленное, пускается въ путь,
«переходя въ присутствіи нѣмой вселенной
«опъ развалинь къ развалинамъ. Эпто стран-
«никъ поропливый, помимый скукою, да-
«лекій опъ родины. Вышедъ изъ Индіи до
«разсвѣта, едва отдохнуль онъ въ спѣнахъ
«вавилонскихъ, и вопшь — Вавилонъ уже со-
«крушенъ имъ. Оспавшись безъ приспани-
«ща, онъ убѣгаетъ къ Персамъ, къ Мидя-
«намъ, въ землю Египетскую. Одинъ вѣкъ,
«одинъ часъ — и Пальмира, Экбапана, Мемфисъ
«не существуютъ болѣе. Разрушая всегда огра-
«ду его пріютившую, онъ покидаетъ Ли-
«дьянь для Эллиновъ, Эллиновъ для Эпрусковъ,
«Эпрусковъ для Римлянъ, Римлянъ для Ге-
«шовъ, Гешовъ.... но какъ знать, что за симъ

« послѣдуешь! Какая слѣпая поспѣшность!
« Кто шоропитъ его? Какъ не спрaшится
« онъ изнемочь до прибытія? О! если въ
« древней эпопее мы сопровождаемъ по мо-
« рямъ бродячую судьбу Улисса вплоть до его
« милаго острова, кто скажетъ намъ, когда
« кончатся приключенія сего мудренаго стран-
« ника, когда увидишь онъ издали дымъ надъ
« кровлями своей Ипаки? »

« Поѣдемъ же, поѣдемъ дальше » — восклицалъ ежеминутно мой немилосердый Полковникъ, грозя въ противномъ случаѣ выдти изъ терпѣнія и ограничить одной этой *Латинской плитой* всѣ наши розыски. Устрашенный столь пагубнымъ предувѣдомленьемъ, я поспѣшилъ сѣсть на лошадь и мы возвратились къ прекрасному дугообразному мосту, огибающему, какъ я уже сказалъ вамъ, игривую рѣчку Девно. Отсюда видъ окрестностей ишинно обворожилъ пелень. Прямо предъ вами на широкой равнинѣ бѣлѣются шатры русскаго лагеря; вдали за ними — густая древесная чаща со стороны Варны; вправѣ казачьи биваки: блѣднозеленныя копны сѣна, спупанныя лошади, блистающія на солнцѣ пики, дикій дымъ надъ коплами военной прапезы; на супротивѣ — желтый редутъ съ грозными по угламъ его пушками; влѣвѣ — зеленый лугъ

и на коврѣ онаго — тысяча рѣчныхъ меандровъ, голубыхъ ленъ, съ перспективою горъ, синѣющихъ издали подобно колоссальнымъ головамъ сахару. — Таковая картина можетъ, кажется, достапочно объяснить намѣреніе Святослава — перенести своихъ Скандинавскихъ боговъ въ стѣны Траянова Маркіанополя.

Переѣхавъ мостъ, мы поворопили влѣво и потѣмъ пустились прямо по берегу къ возвышавшимся передъ нами громадамъ. Каменные плошины 24-хъ водяныхъ мельницъ (шеперъ разрушенныхъ); ропотъ и алмазное сверканье воды, перелепавшей черезъ верхихъ изувѣченныхъ преградъ, обратили на себя сначала все мое вниманіе. Потѣмъ, доѣхавъ до послѣдней изъ сихъ плошинъ, я вдругъ увидѣлъ передъ собою на легкой покапости небольшой, но прекрасный водопадъ, бѣгущій посреди пролома двухъ каменныхъ стѣнъ, поросшихъ мхомъ и осѣненыхъ ивами, пополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Мраморная купальня, успроенная продолговатымъ усѣченнымъ пятиугольникомъ, и довольно живо напоминающая о роскошныхъ купальняхъ римскихъ, служитъ обширнымъ бассейномъ водѣ, прегражденной мельничными плошинами. Съ глухимъ однообразнымъ шумомъ, рвется она изъ переполненнаго резервуара, и пѣнясь

по мраморнымъ уступамъ его, бѣжитъ подобно клочущему на огнѣ серебру, внизъ къ своему источнику. По увѣренію полковника Е., глубиною этошь резервуаръ не мене сажени, и между тѣмъ, набѣгающая въ него вода столь прозрачна, что вы очень ясно видите мраморное дно бассейна. Увѣряютъ, что вода сія врачевала многіе тяжкіе недуги, дѣйствуя подобно минеральной на больныхъ, ввѣрившихся ея цѣлительному могуществу. Это сказаніе должно быть не безъ нѣкотораго правдоподобія, судя по теплой температурѣ воды и пузырькамъ, вскакивающимъ на поверхности ключа, который самъ собою бьетъ почти на аршинъ вверхъ посреди одного изъ рукавовъ рѣки, не вдалекѣ отъ сего мѣста. За всѣмъ тѣмъ, въ химизмѣ воды, ни вкусъ, ни обоняніе не ощущаюшь часпиць минеральныхъ.

Огромныя темносинія облака попянулись вскорѣ съ вершины горъ и мѣлкій дождь пробивался порою сквозь дымчатый покровъ ихъ. Грустно качались верхи свѣлозеленыхъ полей надъ шумнымъ, пѣннспымъ водопадомъ, мелькавшимъ сквозь древесную чащу, подобно тѣни возлюбленной.... Мѣсто сіе какъ нельзя болѣе благопріятно для тихихъ поэпическихъ размышленій. Здѣсь, уничто-

женное жребіемъ сердце невольно стремится къ своимъ несбывшимся упованіямъ, невольно лепишь къ тайной завѣсѣ грядущаго.... Что со мной станется? гдѣ черезъ нѣсколь-ко лѣтъ очутишь челнокъ мой? — Странникъ бездомный! какой уголокъ пріютишь наконецъ бродячую жизнь твою, съ кѣмъ раздѣлишь ты ея муки и радости?.... — Че-пуха! Еслибъ, напримѣръ, Г. Кандидъ не расперялъ своихъ Эльдорадскихъ барановъ, то ужъ конечно не удалось бы ему лакомиться, копаясь въ саду, Цареградской халвой и фи-спашками; — шакъ точно, если бы и вашъ *umilissimo servo* не гонялся кое-за какими *телятами*, то вѣроятно и онъ не имѣлъ бы удовольствія собирать въ этой же самой Турціи древнихъ монетъ и медалей.... Кстапи, о сихъ послѣднихъ.—Храбрые егеря 38-го полка, про-вѣдавъ о существованіи челоуѣка платящаго новые серебряные рубли за старыя мѣдныя по-лушки, не осмавляли меня съ самага утра въ по-коѣ.—При видѣ подобнаго сокровища, какой ни-будь Г. Ольдбукъ безъ сомнѣнія бы воскликнулъ: «*nummi rari, rariores, etiam rarissimi!*»—и не-медленно принялся бы писать страниць по двѣнадцати на каждую уцѣлѣвшую въ медаль-ной надписи букву; я же, не имѣющій ровно никакого любопытства знать даже и о томъ,

дѣйствительно ли Немродъ былъ лѣвшакъ, Сезосприсъ обоерукъ, Артаксерксъ долгорукъ *et cætera* — я опкровенно скажу вамъ, что купленные мною медали (большею часпію римскія) замѣчательны только въ одномъ отношеніи. — Опкрышыя, какъ я уже сказалъ вамъ, въ сихъ самыхъ мѣстахъ, онѣ весьма легко могли принадлежать какому нибудь Гарпагону древняго Маркіанополя.

Возвращаясь въ лагерь, мы проѣхали надъ окопами одного изъ редушовъ. Во глубинѣ онаго я замѣпилъ края двухъ или трехъ огромныхъ глиняныхъ копловъ: начало и употребленіе оныхъ оспались для меня загадкою.

Полагая, что вы весьма легко можете обойтись безъ подробностей о добромъ, вкусномъ обѣдѣ, коимъ генераль Р. угостилъ меня, я спѣшу сказать вамъ: *farewell*, my dear Sir! Такъ какъ дорога отсюда до Праводъ гораздо менѣе безопасна, нежели весь путь, свершенный мною до здѣшняго мѣста, то ровно 7 Донцовъ приготовилось мнѣ сопутствовать, или находиться при мнѣ *на дежурствѣ*, какъ объявилъ старшій изъ нихъ, выпянувшись передо мной подобно іповкой скрипичной квинтѣ. — Увы! я вполне чувствую, вижу и постигаю сколько грѣшное письмо сіе—пестрый сборъ всякой всячины—

есть всего менѣе то, чѣмъ бы ему бытъ надлежало; та che fae?—Въ самомъ началѣ онаго я изложилъ причины, препятствующія страннику занимать васъ исключительно прямою цѣлью своего путешествія; касательно же *всякой* *всѣхны* — вамъ извѣстно, что мой умъ былъ всегда, подобно Спернову, какимъ-то странствующимъ рыцаремъ, коему плоть моя служила только смиреннымъ оруженосцемъ. «Сія послѣдняя бывала столь сильно изнурена рысканьемъ и вѣтренными мельницами своего повелителя, что весьма часто она желала уволиться отъ службы, восклицая подобно собрату своему Санхѣ: блаженъ кто изобрѣлъ сонъ!» — Миѣ добрый путь, а вамъ добрый вечеръ — *Valè*.

ИШСЬМО ШЕСТОЕ.

Е м у ж е.

Праводы, 30-го Апрѣля.

«Одинаковыя качества» — говоритъ какой-то современный писатель — «не требуются въ равной степени отъ всѣхъ путешественниковъ. Одинъ — неуспрашиваемый плавапель — борется съ волнами, вѣтрами и льдинами полюса; другой, записной ученый, разсматриваетъ природу и человѣка: съ него спрашивается новость мыслей, глубина замѣчаній и проч., и проч. Есть путешественники, коихъ все достоинство заключается въ странности приключеній; другіе обворожаютъ васъ остроуміемъ ума; иные пробуждаютъ въ сердцѣ симпатію сладкой чувствительности.» — Какъ вы полагаете, въ которую изъ сихъ категорій попалъ бы наприимѣръ, Авторъ настоящаго и пре-

дыдущихъ посланій? Искренній человѣкъ сей гошовъ опъ души сознапся въ своей дерзости : угощашъ васъ всѣмъ , что ему только видпся , слышипся , мыслипся , воображаешся — и даже безъ всякихъ заботъ о вашей эстетической щекопливости. Впрочемъ , скажите , о чемъ бы вы сами на его мѣстѣ разсказывали? — О нравахъ , обычаяхъ — но они исчезли , вмѣстѣ съ людьми , вмѣстѣ съ волами , ослами и ихъ обителами ; о памятникахъ древности — но ихъ шакъ мало , что все , достойное какого нибудъ вниманія , сообщено вамъ и даже съ преизбыткомъ подробностей ; Геологія , Ботаника — но кто вмѣстѣ съ разсудительнымъ Левекомъ не сознается въ безуміи полковапъ о томъ , что не совсѣмъ хорошо постигаешь ! Припомъ же , сомнѣваюсь , что бы самыхъ Кювье , Блуменбаховъ , Гумбольдтовъ доспало на замѣчанія *о слояхъ земли , о географіи произрастеній , въ странѣ , гдѣ очень часто « деревья сыплютъ стрѣлы , »* и гдѣ почти каждый оврагъ грозитъ неосторожному мѣпкой опшоманскою пулею. Живописная природа — вопъ это другое дѣло ! — но , по сходству картинъ , едва ли и въ семь случаѣ можно чѣмъ либо услужипъ вамъ , кромѣ однообразнаго повпоренія очерковъ , рисуемыхъ со времени моего опъ-

Ѣада изъ Варны. За всѣмъ шѣмъ — *provegeto
le, Signore!*

Крупный дождь встрѣшилъ насъ при самомъ выѣздѣ изъ Девно. — «Куда бы хорошо воропиться!» — сказалъ поварищу одинъ изъ моихъ оруженосцевъ. — «Какъ, негодяй! не ужели ты сдѣланъ изъ сахару?» — возразилъ эпопъ. Я усмѣхнулся, надѣлъ плащъ и прихлыстнулъ своего Буцефала. — За песчаной равниной, усѣянной шатрами Девнинскаго лагеря, развивается вновь живописная смѣсь утесовъ, горныхъ ключей и яркой, цвѣтущей зелени. Двѣ небольшія рѣчки: Девно и Правода сливаются другъ съ другомъ не подалеку отъ Эски-Арнаушлара — узла дорогъ Козлуджинской, Шумлевской, Варнской, Праводской, Базарджикской и слѣдовательно — едва ли не важнѣйшаго военнаго пункта при настоящемъ расположеніи нашей арміи. Эски-Арнаушларское селеніе исчезло подобно всѣмъ, кои существовали нѣкогда на пути моемъ до сего послѣдняго. Мѣсто онаго занято теперь лагеремъ трехъ или четырехъ полковъ русской пѣхоты. Цѣлыя тысячи шатровъ бѣлѣются передъ вами, подобно опрятнымъ малороссійскимъ *мазанкамъ*, въ густотѣ небольшихъ рошей, прекрасныхъ, подобно садамъ Армидинымъ. Крутой и глубокой оврагъ

оноясываетъ сей подвижной городъ со стѣ-
роны Юго-Запада. На краю онаго разсѣяны
ряды маркишанпскихъ палашокъ, окружен-
ныхъ песпропой и сумяпицей какой-нибудь
сельской ярмарки, между шѣмъ, какъ со-
сѣдніе съ ними казацьи биваки, поражаютъ
васъ Вернеповскимъ разнообразіемъ лицъ
и предметовъ. Здѣсь должно мнѣ было
смѣнить своихъ Девненскихъ казаковъ: а
потому, я принужденъ былъ тащиться къ
палапкѣ какого-то командира, безъ позволе-
нія коего самыя лошади не осмѣлились бы,
по выраженію сихъ *автоматовъ*, дальше вез-
ти меня. На сей конецъ мы углубились въ
чащу високаго кустарника и долго ѣхали по-
среди хаоса безчисленныхъ палапокъ, артилле-
рійскихъ ящиковъ, барабановъ, пушекъ, ру-
жей съ расставленными симметрически шпы-
ками, и песпрой толпы солдатъ, мелькавшихъ
подобно героямъ шеспой, кажется, пѣсни
Энеиды, въ зеленой мглѣ сего новаго Элизія.
Вскорѣ потѣмъ, мѣлкая, полубожеская фигу-
ра выпустила ко мнѣ на вспрѣчу, опыскан-
ная во глубинѣ одной палапки, близъ коей
казаки оспановили вдругъ лошадей своихъ.
Сухимъ, дикшапорскимъ пономъ, подобно
Самуилу, вызванному изъ гроба заклинаніями
Аендорской очаровательницы, достопочтен-

ная фигура сія спросила: чего мнѣ опъ не хочется? и взглянувъ искоса на поданную ей опъ генерала Р. бумагу, весьма отрывисто промолвила: «А! вы вѣрно какой нибудь опспавной офицеръ: извольте слѣдовать въ Праводы!» Вопще, опираясь на свою миссію, пыпался я кое-что развѣдать объ остаткахъ древности, попадавшихся можетъ быть и здѣсь при устройеніи нашихъ редуповъ — роковое: «извольте слѣдовать въ Праводы» — было, какъ вы изволите видѣть, единымъ и довольно лаконическимъ опвѣпомъ моего орукула. Убѣжденному въ совершенной невозможности добиться шупъ какого-нибудь полку, мнѣ конечно больше ничего не оставалось дѣлать, какъ только прекрапшить конференцію смиренной мольбой о смѣнѣ моего Девнинскаго конвоя. На оную имѣль я честь получить въ опвѣпъ любопытное извѣстіе, что по сосѣдству главныхъ непріятельскихъ силъ, цѣлый баталіонъ съ двумя орудіями провожаетъ военные обозы и шягости опсюда до Праводскихъ укрѣпленій; что баталіонъ сей выступилъ шому назадъ съ полчася изъ Эски-Арнаушлара, и что слѣдовательно я еще успѣю нагнать его, взявъ между шѣмъ, если хочу, изъ лагеря прехъ или чешырехъ казаковъ, которые готовы сопровождать ме-

ня. Я поклонился, прорицалице мое также, и съ неизбежнымъ: «извольте слѣдоваць въ Праводы» — скрылось отъ глазъ моихъ. *Свѣжіе* Донцы были уже въ самомъ дѣлѣ готовы; а потому, заключа промежду ногъ также *свѣжаго* Злапогрива, я пуспился легкой, архіерейской рысцою впередъ, спѣша соединиться съ предсказаннымъ мнѣ конвойнымъ баталіономъ.

Отсюда дорога тянется почто такъ же, какъ отъ Гебеджи до Девно между параллели высокихъ горъ, съ тою только разницею, что по мѣрѣ вашего приближенія къ Праводамъ, стремнины ихъ спановятся на каждомъ шагу диче, угрюмѣе и колоссальнѣе. Нѣжныя, свѣшленные кудри распеній, разсыпанныя по скапу громадъ Гебеджинскихъ, принимающъ на хребтѣ здѣшнихъ темный, величавый колоритъ этой грозной суровости, коей *окаменѣлые Гиганты* кавказскіе поражающъ взоръ вашъ. Чернопа глубокихъ пучинъ, обрывиспая крушизна перпендикулярныхъ утесовъ, Осіановскій шумъ горныхъ источниковъ—все, все, кромѣ совершенной разницы пропорцій, переносятъ мечпы ваши шуда,

«Гдѣ пасмурный Бешпу, власшишель пашиглавый»

княжишъ надъ окружающими его колоссами.

Полагая себя здѣсь на крайней вершинѣ громады Балканскихъ, завоеванныхъ до сихъ поръ нашимъ оружіемъ, я не считаю за лишнее бросить бѣглый, мимолепный взглядъ на любопытныя замѣчанія геодезовъ о великолѣпныхъ, и къ сожалѣнію, столь еще мало извѣстныхъ горахъ нынѣшней Болгаріи.

Цѣпь древняго Гемуса, пурецкаго Балкана, или Эмине-Дага, почти во всемъ ея протяженіи параллельна съ Дунаемъ, пропекающимъ отъ оной въ распоявіи около 80-ти нашихъ верстъ. Направляясь изъ верхней Македоніи, средопочнаго узла своего, прямо къ Воспоку, главная отрасль сихъ горъ отдѣляетъ Болгарію отъ Румиліи, опоясываетъ Черное море своими крупными утесами и рядами мѣлкихъ холмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Спранджей, тянущая къ Константинополю и къ Дарданелламъ. Мальпё-Брюнъ сознаётся въ невозможности описать съ надлежащею точностію бѣльшую часть здѣшнихъ колосцовъ. «Древніе»—говоритъ онъ—«сравниваютъ Гемусъ съ Альпами, но подъ симъ названіемъ разумѣли они всѣ цѣпи горъ, кои отдѣляютъ стеченіе Дунайскихъ и Адриатическихъ водъ отъ рѣкъ, впадающихъ въ Архипелагъ. Въ такомъ смыслѣ и Птолемей означаетъ направленіе Гемуса отъ Юго-Запада къ Сѣве-

ро-Востоку.» По мнѣнію новѣйшихъ географовъ, Балканы не выше горъ Аппенинскихъ; вершины оныхъ не возносятся до линіи снѣговъ, и слѣдовательно, не превышаютъ 8,000 французскихъ футовъ (около 1,200 нашихъ сажень). Справонъ упрекаетъ Полибія въ томъ, что сей послѣдній допускаетъ возможность видѣть съ вершины Гемуса берега обоихъ морей, ибо кромѣ значительнаго разстоянія сей цѣпи горъ отъ береговъ Адриатическихъ, множество другихъ препятствій, находящихся въ семъ промежуткѣ, уничтожаютъ вполне таковое предположеніе. Но Полибій писалъ, по словамъ одного изъ безчисленныхъ комментаторовъ Справона, основываясь на общемъ мнѣніи своихъ современниковъ. Извѣстно даже, что Филиппъ II, царь Македонскій, всходилъ на вершину Гемуса нарочно для повѣрки сего народнаго мнѣнія, и возвратясь опшуда, нисколько не опровергнулъ онаго, гораздо меньше по убѣжденію, какъ замѣчаетъ Титъ-Ливій, нежели изъ боязни—видѣть предметомъ посмѣянія свою прудную и безуспѣшную попытку. «*Nihil vulgatæ opinioni, digressi inde detraxerunt; magis credo, ne vanitas itineris ludibrio esset, quàm quod diversa inter se maria..... conspici potuerant.*» (Tit. Liv., lib. XL, cap. 22.)

Геологія и Ботаника здѣшнихъ горъ ожидаютъ конечно исполкователей подобныхъ Раймондамъ, Соссюрамъ, Жюссье, чтобы обогащали сокровищницу естественныхъ наукъ своими важными и столь еще мало извѣстными рѣдкостями. Варварство жителей и другія мѣстные помѣхи препятствовали до сихъ поръ новѣйшимъ путешественникамъ пролить нѣкоторый свѣтъ на сія любопытные предметы. Всѣ свѣденія геологовъ о внутренности Гемуса ограничиваются намеками на изобиліе желѣзныхъ рудъ. Тамъ-и-сямъ груды слюдистыхъ, пальковыхъ и гранитныхъ скалъ обозначены такъже мимоходомъ въ нѣкоторыхъ путешествіяхъ. Мальпё - Брюнъ увѣряетъ, что металлы драгоцѣнные были нѣкогда находимы въ разныхъ частяхъ сей цѣпи горъ, замѣчая однако, что извлекались оныя изъ шпуга золотоносной и среброносной мѣди. Увы, саго amico! оглашенный въ пайнахъ Естественнаго, и между тѣмъ, обнимающій умозрительно гармоническую совокупность природы, я, подобно пѣвцу Новалису, могъ въ это время проникать только мыслями въ сокровенную глубину нашего шара. Послѣ столь опкременнаго признанія, нужно ли и говорить вамъ, что среди здѣшней многообразной растительности мнѣ посчастливилось рас-

познають только знакомыя семьи липь, дубовь, вязовь, исполинскихъ орѣшниковъ и мши-спыхъ, космапыхъ буковъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтущими яблонями, грушевыми, вишневыми и абрикосовыми деревьями. Говорять, что громады балканскія изобилуютъ различными родами звѣрей и дичи. Тамъ, по словамъ оставшихся въ Варнѣ жителей, быспроногая лань скачетъ средь лабиринта крушыхъ утесовъ, свирѣпый вепрь, медвѣдь, толпы лисиць и рысей блуждаютъ въ густотѣ дремучаго лѣса. Увѣряютъ также, что табуны дикихъ коней бродятъ свободно посреди здѣшнихъ степей, оглашаемыхъ крикомъ орловъ, коихъ перья служили нѣкогда турецкимъ Амурамъ для окриленія стрѣлъ ихъ и цѣнились туземцами чрезвычайно дорого. Если армія наша не можетъ похвалиться русскими Андреосси, Монжами и Денонами, то будемъ надѣяться, что нынѣшняя брань обогатитъ по крайней мѣрѣ военную географію собраніемъ точныхъ и ясныхъ свѣденій о расположеніи здѣшнихъ горъ, чертимыхъ большею частію на обумъ и связываемыхъ цѣпью возвышеній гадательныхъ, кои до сихъ поръ пестрѣли въ нашихъ топографическихъ картахъ. Изъ числа всѣхъ военныхъ опустошеній, я въ это время сердечно посковалъ объ од-

номъ только опсупствіи мирныхъ жипелей, эшихъ Добруджійскихъ Татаръ (Ораковъ и Орумбетовъ), споль добрыхъ, споль гостепріимныхъ, по словамъ нѣкоторыхъ изъ моихъ предшественниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, было о чемъ посковать: густой туманъ кашилъ по темнозеленному скапу горъ, небо чернѣло часъ опъ-часу болѣе, проклятый дождь спучалъ и усиливался!

Верспахъ въ прехъ опъ Эски - Арнаушлара нагнали мы обѣшованный баталіонъ и около получаса ѣхали нога за-ногу подъ его прикрытіемъ. Наскучивъ пошомъ споль погребальнымъ шеспвіемъ и еще болѣе порывами разыгравшейся бури, я пустился съ моими казаками впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ шпыки конвойной пѣхоты скрылись опъ глазъ моихъ. Торжественные раскаты грома повпорялись непрерывно опголосками близкихъ и далекихъ утесовъ. Огромные балканскіе орлы плавали въ хаосѣ клубившихся тучъ; змѣиспая молнія золопила ежеминутно ихъ широкія крылья, и пробѣгала огненной спруею по скапу горъ, на вершинѣ коихъ темныя, зыбучія облака громоздились подобно другимъ, сброшеннымъ съ неба утесамъ. Я бы конечно могъ вмѣстѣ съ Байрономъ сравнить порывы эпой бури съ пламеннымъ взоромъ

какой нибудь черноокой субретки, или даже графини, ея сладострастной боярыни; но если очеркъ этой грозы покажется вамъ хотя сколько нибудь порядочнымъ, то будьте увѣрены, что подлинникъ былъ мнѣ въ это время вовсе не по сердцу. Ревучій, проливной дождь не оставилъ на мнѣ ни одной сухой нитки, и потому, я всего болѣе восхищался тѣмъ, что порывы здѣшнихъ бурь столь же прекрасны, сколько не продолжительны. Въ самомъ дѣлѣ, менѣе нежели черезъ полчаса, небо совсѣмъ прояснилось; благодатное солнце блеснуло подобно огромному золотому щипцу надъ зеленой пеленою долины, надъ гранитомъ обнаженныхъ утесовъ, надъ пѣнистой влагою горныхъ источниковъ. Замѣчу мимоходомъ волшебную игру его надъ изумрудомъ древесныхъ листьевъ, освѣженныхъ дождемъ, опягченыхъ его бриліантовыми каплями. День склонялся уже совсѣмъ къ западу, когда свернувшая нѣсколько вправо дорога, привела насъ къ эллипсису довольно широкой равнины. На краю оной параллель зеленѣющихъ горъ снова сжимается, и узкая извилистая пропа спячется каменистой тѣсною къ Праводамъ, загороженнымъ грудами голыхъ, выдавшихся впередъ утесовъ.

Что за диво! моя глубина душевная, какъ

будто прояснилась вмѣстѣ съ погодою; оживленная грудь моя не могла надышаться воздухомъ благодатнаго Юга. Неужели въ эѣ минуты она въ самомъ дѣлѣ ощущала бѣенье своего прежняго, простаго, свободнаго, созданнаго для безпредѣльной любви сердца? — Желчь души, ожесточенной людскою несправедливостію, горечь быпія попрагнаго, отвращеннаго отъ цѣли при самомъ его развитіи.... «но небо, земля и море!» кому какое дѣло до нашего душевнаго праура? да и что назовете вы *цѣлью* человѣческаго сущеспвованія? Не та ли же самая *цѣль* влекла Александра къ завоеванію міра, копорая заключила Діогена во глубину цинической бочки? За Иліадою глупостей слѣдуетъ Іереміада раскаянія. Перспектива бездѣйствія возбуждаетъ конечно всю нашу дѣятельность: и потому, не въ концѣ ли трудовъ, не за гранью ли быпія, не въ эѣтомъ ли сладкомъ, неокончаемомъ бездѣйствіи заключается главная *цѣль* земной жизни? — Укрытый отъ непогодъ, огражденный отъ голода, зачѣмъ, пока еще было время, не сполкнулся я съ эѣшю разительной истиной!

Хижина, миромъ хранимая,

Садъ надъ лазурью морской

и—если вѣрить изреченію древней мудрости, что для совершеннаго одиночества, надобно быть богомъ, или скопомъ безсловеснымъ— то ужъ конечно не Margoton, Fanchette et Lison (эти по крайней мѣрѣ годятся для особыхъ при какомъ нибудь Аристипповомъ дипломѣ поругеній); но *damn your blue stockings! Au diable vos marquises de Pretintaille, les dames du Haut-Manoir! Zum Teufel* существа, подобныя Фаустовой Gretchen (*dieses schmeckt nach Kartoffeln, Viehhof und Butterbrod*). Къ черту наконецъ ваши Гюльнары и Лодоиски! (мой умъ право не постигаетъ духовной, высшей связи положительнаго съ отрицательнымъ); но, если вѣрить, говорю я, что человекъ долженъ непременно соединить свою жизнь съ какой нибудь другой жизнью; что самая мысль его имѣетъ нужду въ сладкомъ союзѣ для принесенія плодовъ драгоценныхъ, то

...cette ame, sœur de mon ame—

вошь, какъ честный и добросовѣстный дворянинъ, вошь полюсь, къ которому всегда бы должна спроводила спремиться моя магнитная спрѣлка! Общество такъ дорого цѣнитъ свои повары; но еслибы, какъ замѣчаетъ Матюринъ, мы владѣли способностью хромого бѣса: сры-

вашь крыши домовъ и проникаеть въ ихъ внутренность..... «Общія мѣста!» — Конечно! — и потому, не угодноли заключить въ скобки все это длинное отступление и вѣрить, что опнюдь не забавляясь посреди здѣшнихъ скалъ анализомъ нашей планеты,

Природы сынъ, въ сей мигъ я былъ
 Всему созданью нѣжнымъ брашомъ. (*)

О! клянусь вамъ, что въ эту мигъ упоенная душа моя больше нежели когда нибудь чувствовала, что безъ всякаго парадоксальнаго обезьянства,

Я радъ неспись глумящими зыбями;
 Скишашься радъ въ кибиткѣ кочевой;
 Мнѣ душно жить за пышными спѣнами,
 Люблю шашеръ, люблю челнокъ просной. (*)

Полный какой-то дикой, кипящей независимости, я поминутно считалъ шпорами ребра

(*) Стихи одной изъ *Вракійсихъ Элегій*. Прим. *Издат.*

(*) *Абидосская невѣста*. Переводъ Г. Козлова. Прим. *Издат.*

бѣднаго коня своего и въ порывахъ истинно ребяческой радости замѣялъ — что бы вы думали? — скачку съ однимъ изъ конвойныхъ Донцовъ своихъ. Приготовясь исполнить мое желаніе, онъ между прочимъ замѣялъ, что лошадь моя — плѣнная турецкая, и что въ слѣдствіе сего, я безъ сомнѣнія оспавлю его далеко за собою. Въ самомъ дѣлѣ, едва мой скакунъ почувствовалъ опущенные поводья — и вопль, удила ихъ уже покрылись бѣлоснѣжною пѣною. Онъ вздрогнулъ — и подобно своему праопцу, неукротимому коню Іова, полетѣлъ, *пожирая пространство*. Топотъ копытъ его какъ будто скандовалъ гармоническіе стихи:

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
 Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой.....

• • • • •
 • • • • •

Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
 Онъ бодрый, при первыхъ денницы лучахъ,
 Стрѣлою, подаренъ вѣвнью длани,
 Леталъ на свиданье любви и брани.

Воспоргъ, пробуждаемый бѣгомъ коня посреди пустынь аравійскихъ — эпопъ невыразимый

воспоргъ , о коемъ одинъ молодой Французскій ренегатъ рассказывалъ Шатобриану — воспламенилъ и переполнилъ грудь мою. «Какой вздоръ!» — воскликните безъ сомнѣнія вы , украшеніе образованнаго общества. — Согласенъ , согласенъ , почтенный Аристархъ мой ! и между тѣмъ , умоляю васъ быть хотя нѣсколько снисходительнѣе этого милаго Нѣмца , который , если припомните , набрелъ въ одной арабской кассидѣ на восточное изображеніе скакуна бедуинскаго , и по проченіи оной , весьма энергически объявилъ : что онъ опъ души предпочитаетъ смиреннаго верблюда Тарафскаго пламенному коню Пегасу. За всѣмъ тѣмъ , Казакъ мой оставался сзади покрайней мѣрѣ на цѣлую сотню сажень.

Уже со всѣмъ смеркалось , когда мы остановились подъ пушками Праводскихъ укрѣплений , и потому были не безъ труда впущены въ городъ здѣшними передовыми караулами. Своимъ расположеніемъ Праводы живо напомнили мнѣ романпическій Пятигорскъ : городокъ сей почно также разсѣянъ между двухъ высокихъ , *унизанныхъ зеленымъ бисеромъ* горъ. Однимъ изъ первыхъ предметовъ , представившихся глазамъ моимъ , была полуразрушенная мечеть съ обезглавленнымъ минаретомъ , возвышающимся надъ массой бѣ-

лыхъ Турецкихъ домиковъ. Все это смоприт-ся въ широкое зеркало рѣки, коею русскіе инженеры наводнили окрестность для защищенія Сѣверо-Восточной стороны города. Далѣе за симъ разливомъ, еще шесть мечетей, расположенныхъ полукругомъ, возносятся надъ черепичными кровлями спровнѣй, изъ коихъ многіе лежатъ въ развалинахъ. Всѣ сіи предметы представились глазамъ моимъ сквозь полупрозрачную дымку вечера, при тускломъ сіяніи мѣсяца, подобно блѣднымъ очеркомъ каршины, подмалеваннымъ первоначальными красками.

Я приказалъ вести себя къ кварширѣ генерала Н., начальника расположенной здѣсь дивизіи, и вскорѣ попомъ спрыгнулъ съ коня у воротъ его. Вошедъ въ комнату, вы бы въ первый мигъ, подобно мнѣ, вспомнили о какой нибудь петербургской гостиней. Бѣдная турецкая хатка не представляла конечно ни варяжскихъ Кориннъ, ни гордой сполочной пышности; но убійственнѣйшій вистъ, одно изъ эстетическихъ наслажденій Пепрополя, развернулся передо мной во всей своей роскоши. Какой немилосердый полчокъ мечтамъ, окрыленнымъ конечно не предчувствіемъ *виста*, посреди здѣшнихъ мифологическихъ стреминъ и обломковъ! За всѣмъ тѣмъ,

генераль Н. принялъ меня довольно мило, но до крайности удивилъ вопросомъ: очень ли былъ я напуганъ землетрясеніемъ, коего нѣсколько ударовъ едва совсѣмъ не разстроило около вечера игры ихъ?—Я можетъ быть въ это время скакалъ, и потому ничего на пуши своемъ не замѣтилъ. Не даромъ же настигшая меня гроза была такъ прекрасна! Генераль пригласилъ меня остановиться въ его собственной квартирѣ; но тутъ одинъ изъ игроковъ объявилъ, что у него мнѣ будетъ гораздо просторнѣе, и въ слѣдствіе того, просилъ сдѣлать въ ту же минуту честь его обители. Этою благодѣтельной смертной разогрѣлъ мою душу кипяткомъ такого душистаго чаю, какого я не пивалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ распался съ вашими митрополіями; потомъ, накрытое буркою сѣно — теплая, мягкая постель, приняла упомянутую плоть мою и, вмѣстѣ съ деревенской опрятностью комнатки, показала мнѣ именно тѣмъ, что Эпикурейцы британскіе зовутъ: *comfortable*.

На другой день посѣтилъ я генерала К., столь извѣстнаго своими военными подвигами во время прошлогодней кампаніи. Трудно изобразить вамъ радушный пріемъ и рѣдкое, благородное участіе, коими сей храбрый воинъ

почтилъ цѣль моего путешествія. Такъ какъ генераль К. начальствовалъ въ Правидахъ почти съ самаго покоренія сего мѣста, то всѣ инженерныя поправки и возобновленія были произведены подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. За всѣмъ тѣмъ, онъ увѣрилъ меня, что кромѣ двухъ монетъ Восточной Имперіи, ничего древняго не было при семъ случаѣ найдено. Взамѣнъ сего онъ предложилъ мнѣ взглянуть на укрѣпленія, вѣнчающія стремнины здѣшнихъ горъ, весьма и весьма любопытныхъ въ геологическомъ отношеніи. На сей конецъ двѣ верховыхъ лошади были въ минуту осѣдланы, и мы пустились спранствовать.

Выѣхавъ изъ города черезъ Варнскія ворота, мы поскакали къ ближайшей восточной горѣ, отдѣляющей Праводы отъ деревни Дизъ-Даркіои. Вершина сей горы можетъ возвышаться до 700 футовъ; крупизна оной принудила насъ сойти съ лошадей почти на половинѣ дороги. Прямо надъ своею головою увидѣлъ я старое кладбище поросшее мхомъ, усѣянное дикими надгробными камнями. Тамъ-и-сямъ замѣтны еще остатки надписей. Азіатская крючковатость буквъ заставляетъ думать, что памятники сіи покрываютъ шѣла мусульманскія: а потому — Великій Пророкъ да уладитъ не археологическія души ихъ всѣми ла-

сками божественныхъ Гурій! Почти надъ симъ самымъ кладбищемъ, на сѣверной вершинѣ горы успроенъ, для защищенія оной, редупть, охраняемый соннею воиновъ и шрема орудіями. Природа въ свою очередь способствовала какъ нельзя болѣе укрѣпленію сего мѣста. Въ распояніи около 50-ти сажень отъ онаго возвышающіяся развалины стараго греческаго монастыря, кои переведенный Гаммеромъ Гаджи-Халфа называетъ, Богъ вѣдаетъ почему, развалинами замковъ (*Ruinen eines Schlosses*). Нужно ли говорить, что во времена Византійской Имперіи, бури государственныхъ волненій, распри религіозныя и безпрестанныя грабежи и разбои, были виною сооруженія многихъ монастырей, возникшихъ на гребнѣ высотъ неприслупныхъ. Около 24-хъ обителей возвышалось, по словамъ Вильмена, даже въ срединѣ 16-го столѣтія между ущельями горъ и зубцами утесовъ. Впрочемъ, и безъ подобныхъ доводовъ, замокъ Гаджи-Халфы долженъ превратиться въ ошатки старой византійской обители именно по тому, что часть высокой стѣны, возносящейся огромной аркою надъ грудями здѣшнихъ развалинъ, еще хранитъ явныя черпы иконъ, писанныхъ по шпукатуркѣ. Не вдалекѣ отъ сего мѣста возвышается другая стѣна

надъ самымъ обрывомъ горы, подъ навѣсомъ дикихъ каменистыхъ утесовъ. Посреди оной находится продолговатое четырехугольное отверстіе, изъ коего перспектива нагихъ, зеленыхъ, остроугольныхъ скалъ, представляется со всѣхъ сторонъ вашимъ взорамъ. Желая полюбоваться окрестностями, мы вскарабкались на самую вершину горы и остановились надъ однимъ изъ угловъ означеннаго отверстія. Здѣсь генераль К. присѣлъ на груды опорвавшихся отъ скалы камней и рассказалъ мнѣ о разрушеніи сего монастыря слѣдующее, слышанное имъ отъ самихъ жипелей преданіе.

..... Переступивъ за Балканъ, Турки между прочимъ, овладѣли Праводами. Разсѣянные жипели скрылись на вершины сосѣднихъ скалъ и укрѣпились въ монастырѣ Дизъ-Даркїойскомъ. Длинный и широкій оврагъ, отдѣляющій сей монастырь отъ остальной части горы, защищенной кромѣ того неприступными утесами, уничтожалъ всѣ покушенія Турокъ овладѣть оною. Огражденные такимъ образомъ, Византійцы долго и мужественно отражали непріятеля; но наконецъ—сѣбственные запасы ихъ истощились. Томимые голодомъ, рѣшились они опрядить скрытно нѣсколько человѣкъ своихъ согражданъ въ го-

родъ, для добычи продовольствія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ передался врагамъ и объяснилъ имъ крайность и покушенія своихъ соотечественниковъ. Воспользовавшись этой измѣною, Турки успѣшили наполнить хлѣбныя корзины осажденныхъ своими воинами и навьючивъ оными византійскихъ муловъ, проникли съ помощію переметчиковъ въ монастырь Дизъ-Даркіойскій. Тамъ, съ наступленіемъ ночи, напали они врасплохъ на осажденныхъ и истребили всѣхъ до послѣдняго.

Хотя историки не излагаютъ нигдѣ эпѣхъ подробностей; но не взирая на то, сія трагическая легенда ни сколько не противорѣчитъ лѣтописямъ. Гаджи-Халфа говоритъ, что замокъ Праводской покоренъ Яхъябегомъ, сыномъ Тимурпаша Паши, одного изъ Эмировъ Амурашовыхъ въ 789 году эгиры, что относится къ 1411-му году нашего лѣтосчисленія. Замѣчу мимоходомъ только то, что хронологія Гаджи-Халфы или его ученаго переводчика не вѣрна по крайней мѣрѣ 10-ю или 15-ю годами: ибо извѣстно, что Амурашъ II-й наслѣдовалъ брату своему Магомешу только въ 1422-мъ году по Р. Х. Впрочемъ, какъ бы ни было — вопъ вамъ это же самое преданіе, поэтизированное пуземными романистами.

Будучи вполнѣ согласны съ хроникою въ томъ, что Византійцы, осажденные Турками въ монастырѣ Дизь-Даркіойскомъ, отправили своихъ посланныхъ въ городъ для добычи продовольствія, гг. Праводскіе романпики повѣствуютъ, что къ этой депутаціи присоединилась дочь главнаго военачальника осажденныхъ. Пораженная красотою одного изъ невѣрныхъ, она скрыла подъ бранными доспѣхами свои собственныя прелести, и переряженная такимъ образомъ, отправилась въ городъ съ византійскими депутатами. Потомъ проникла она въ станъ оттоманскій, и открывъ своему возлюбленному предпріятію осажденныхъ, умоляла его воспользоваться случаемъ для побѣга вмѣстѣ съ нею въ монастырь Дизь-Даркіойскій. Само собой разумѣется, что этою второй помъ Байроновой Франчески надѣялся прежде всего окрестить невѣрнаго. Обманувъ ложными клятвами свою легкомысленную любовницу, коварный Турокъ воспользовался ея тайною и возобновилъ сказаніе Омира о деревянномъ конѣ Улиссовомъ. Предшесвуемый злополучной красавицей, онъ помѣспилъ своихъ воиновъ въ хлѣбныя корзины Византійцевъ, и съ наступленіемъ ночи со всѣхъ сторонъ ударилъ на осажденныхъ. Овладевъ монасты-

ремя, Турки предали мечу и пламени все, что до шѣхъ поръ имъ прошивилось.

«Вопшъ» — скажете вы — «знаменитая канва для какой нибудь стихопворной повѣсти!» — Право? — Но кто же въ 1829-мъ году чипаетъ эшѣ сантиментальныя плоскости! — «Для романтической драмы?» — Еще менѣе. — «Для *вракійской элегіи*, наконецъ?» — Eh! Dio so, саго Signore, п. е. Богъ знаетъ, что выйдеть изъ нѣсколькихъ бѣглыхъ узоровъ, кои уже песпрѣются на сей полубогапой канвѣ; за всѣмъ шѣмъ, обѣщаю вамъ, если жаръ метроманіи продолжится, поломашъ голову надъ эшой патетическою легендою.

Оспавивъ развалины монастыря, мы пуспились далѣе по направленію къ Воспоку. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ оныхъ, я замѣшилъ на скашѣ горы множество пещеръ, изъ коихъ нѣкопорыя были шогда же мною осмопрѣны. Своды оныхъ составленные, если не ошибаюсь, изъ опвердѣлаго мергеля, сохранили, по видимому, оппечапокъ волнь, и будучи усѣяны безчисленнымъ множествомъ окаменѣлыхъ раковинъ, приросшихъ, или лучше сказапъ, слившихся съ ихъ массою, заспавляютъ думать обо всемъ эшомъ то же самое, что знаменитый Соссюрь думалъ

о пещерахъ, замѣченныхъ имъ посреди Апеннинскихъ скалъ, близъ береговъ Генуэзскихъ : ш. е. , что напоры морскихъ валовъ выкопали пещеры сіи. Эти признаки — а не бредъ о какихъ-то желѣзныхъ кольцахъ, въ коихъ жители думаютъ, по словамъ Гаджи-Халфы, видѣтъ огромныя прицѣпки кораблей, стоявшихъ нѣкогда въ гавани на вершинѣ здѣшнихъ утесовъ—эти и подобныя признаки, говорю я, способны безъ сомнѣнія возбудить и патетическую мысль, что узкое пространство между параллели горъ, посреди коихъ лежатъ Праводы, могло быть нѣкогда проливомъ, подобнымъ Воспорскому. Сколько важныхъ открытій обогатило бы вѣроятно геологію, если бы какой нибудь Соссюръ заглянулъ въ утробу здѣшнихъ утесовъ! Знаменитый Кювье открылъ бы тамъ можетъ быть еще нѣсколько медалей естественной исторіи въ остаткахъ древняго, живаго міра, угасшаго посреди мучительныхъ судорогъ міра неорганическаго! Я, съ своей стороны, былъ принужденъ ограничиться, касательно всѣхъ сихъ предметовъ, мнѣніемъ ученаго Камерарія, а именно: что миллионы этѣхъ раковинъ, изъ коихъ пары при сдѣлались моею добычею, были созданы Всемогущимъ почто въ такомъ положеніи, въ какомъ я нашелъ ихъ, — подобно развалинамъ хра-

мовъ, создаваемыхъ посреди какого-нибудь англійскаго парка, ради удовольствія любопытныхъ. Не дивись, любезный другъ, бездонной глубинѣ моего невѣжества. Удостойтесь сказать постигаете ли вы сами, или кто совершенно хорошо постигаетъ, какимъ образомъ

*La mer de l'Amérique a marché vers le Phare;
Les huîtres d'Angleterre ont formé le Caucase?*

Продолжая путь свой по вершинѣ горы, я жадно любовался карпинными ужасами природы, кои на каждомъ шагу поражали взоръ мой. Дикіе, нагіе, раздробленные утесы, представлялись мнѣ во всей странности фантастическихъ формъ своихъ. Яркая зелень кустарника, прерываемая глубокими рыпвинами, рѣзко отдѣлялась отъ пасмурной черношны пучинъ, зіявшихъ со всѣхъ сторонъ предо мною. Часъ обѣда пробилъ гораздо прежде, нежели мы распались съ этими чудными, Оссіановскими картинами. На обратномъ пути, громады чудовищныхъ скалъ, грозили на каждомъ шагу погребсти насъ подъ своими обрывами. Колоссальные обломки утесовъ преграждали намъ безпрестанно дорогу, вызываясь надъ зеленью деревьевъ,

раздавленныхъ ихъ тяжкимъ паденіемъ. Генераль К. указаль мнѣ на одинъ изъ сихъ обломковъ, примолвя, что онъ служилъ надгробнымъ намятникомъ русскому часовому, разгромленному его опорвавшейою массою. Я взглянулъ на эту гробницу и невольно вспомнилъ забавную досаду Манфреда о томъ, что исполинскій Розенбергъ упалъ не на его голову. По чести, мнѣ смѣшно было думать, что упоенный Байроновъ мизантропъ конечно не позавидоваль бы въ такомъ памятникѣ солдату, бѣдному теловѣку, если бы великій творецъ его зналъ до созданія своей драмы о существованіи подобнаго мавзолея.

Въ слѣдующее утро мы возвратились на вчерашній путь свой. Достигнувъ до половины горы, опять сошли съ лошадей и начали ввбираться вверхъ по узкой, высѣченной въ скалахъ лѣспиницѣ. Чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, тѣмъ круче и тѣснѣе становилась дорога, тѣмъ рѣже и суровѣе казалась мнѣ зелень кустарника. Тамъ-и-сямъ мѣлкіе листья шерновника опушали глубокія разсѣлины; колючій волчець высовываль изъ нѣдръ ихъ свои иглообразныя маковки. Далѣе — душистый можжевельникъ пресмыкался у подножія утесовъ, окруженный разноцвѣтнымъ мхомъ и красноватымъ лишайникомъ. Наконецъ всякая

распишельность прекратилась; только желтые и черноватые полосы тянулись передо мною вверх длинными и перепутанными зигзагами. Не подалеку отъ вершины горы, подъ навѣсомъ кругловатыхъ и совершенно перпендикулярныхъ скалъ, устроена небольшая наблюдательная *постъ*. Владычествуя съ этой стороны надъ всею окрестностью, онъ служитъ для открытія непріятеля по аидосской дорогѣ — назначеніе довольно важное, но совершенно бесполезное въ ночное время. Прищинъ сей наименованъ *Орлинымъ гнѣздомъ*. Его неимовѣрное мѣстоположеніе оправдываетъ вполне таковое названіе. Тотъ, кто первый замыслилъ взлѣзти на вершину сихъ неприступныхъ спремнинъ и повиснуть надъ зіяющими вокругъ пропастями съ войной и ея перунами, можетъ дѣйствительно спорить съ царемъ пернатыхъ въ отважности. Съ этого бельведера, очарованный взоръ вашъ объемлетъ окрестность, пестрящуюся подобно развернутой географической картѣ почти вплоть до самаго Аидоса. Верхніе Балканы кажутся недвижными темносиними тучами, пронзающими лазурь далекаго небосклона. Надъ вами и вокругъ васъ башни зубчатыхъ, желтыхъ и пепловидныхъ скалъ вздымаются на нѣсколькихъ планахъ посреди паровъ шеп-

лой, радужной атмосферы. У ногъ ихъ мелькають Праводы, разсыпанные по ковру зеленой долины, коей злакъ зыблется издали, подобно струямъ живаго изумруднаго источника.

Генераль К. желаль непременно показать миѢ всѢ укрѣпленія, устроенныя подъ его руководствомъ въ Праводахъ: а попому, съѢхавъ съ осмопрѣнныхъ нами высотъ, мы поскакали къ параллельной онымъ западной горѢ чрезъ *андосскія* ворота. На восточномъ скапѢ сей горы устроень *Кронверкъ*, назначенный для удержанія Турокъ соспороны Шумли. Защищаемый цѣлымъ полкомъ и 9-ю орудіями, оплотъ сей почитается важнѣйшимъ изо всѣхъ праводскихъ укрѣпленій. Огонь его препятствуетъ непріятелю овладѣть горою, откуда онъ весьма удобно могъ бы спуститься въ городъ. Далѣе, на сѣверо-восточномъ склонѢ горы, возвышается *Блокгаузъ*. Его чугунный градъ посыплется на правовѣрныхъ, если, не взирая на пѣснопу вьющейся по горѢ со спороны Шумли пропинки, имъ вздумается сойдти съ противоположныхъ высотъ для приближенія къ крѣпостному валу. Ворота сего укрѣпленія повѣшены между двухъ остроконечныхъ утесовъ, коихъ исполинскія

массы какъ будто нарочно для того воздвигнуты здѣсь природою.

Укрѣпленные такимъ образомъ, обѣ горы могутъ довольно долго отражать съ восточной и западной сторонъ напискъ дружинъ мусульманскихъ, между тѣмъ какъ прегражденная крѣпоснымъ валомъ рѣка, наводнивъ окрестность почти на цѣлую версту по направленію къ Варнѣ, служилъ городу неприступнымъ оплотомъ со стороны сѣвера. Нѣсколько открытою показалась мнѣ одна южная позиція, называемая здѣсь *андосскою*; но за то внуprenній валъ, окруженный глубокимъ рвомъ, и покровительствуемый картечью четырехъ бастіоновъ обѣ осми орудіяхъ, защищаетъ Праводы и съ этой стороны довольно благонадежнымъ образомъ.

Какихъ трудовъ должно было стоить созданіе всѣхъ сихъ оплотовъ, истинныхъ побѣдъ, одержанныхъ военнымъ искусствомъ надъ сей противоборственною природою! Оплогіе скапы смѣнили подъ русскимъ засупомъ крупизну перпендикулярныхъ утесовъ; гранишныя лѣстницы образовались посреди лабиринта остроугольныхъ скалъ тамъ, гдѣ доселѣ одинъ только орелъ парилъ на мощныхъ крылахъ своихъ; зубцы камениспыхъ

спремниъ , ниспровергнутые пороховыми взрывами, замѣщены широкими рвами , окружающими наши нагорные редуты. Земля здѣшней долины вознеслась наконецъ на раменахъ русскихъ аплеповъ до гребня сихъ неприспунныхъ высотъ и образовала укрѣвленія, у подножія коихъ разобьются , безъ сомнѣнія , еще не разъ бурныя валы ордъ оиппоманскихъ.

Я не заспаль здѣсь ни одной души *правовой* , и не взирая на то , Праводы поражаютъ васъ даже въ настоящемъ быту своемъ живописной песпротой и разнообразіемъ городовъ азійскихъ. Минареты опуспѣлыхъ мечетей еще возвышаются надъ разсѣянными вокругъ домиками ; жаль только , что набожный гласъ *муэцинсвъ* переспаль оживлять ихъ своимъ глухимъ и пропяжнымъ призываніемъ на молитву. Воздухъ въ самомъ городѣ , сжашомъ двумя горами , спяжелъ и , какъ говорятъ , не совсѣмъ здоровъ ; но за то на вершинѣ сихъ горъ , онъ легокъ , свѣжъ , живошворень. До нынѣшней войны Праводы заключали въ себѣ мызы , или , какъ по-пиперски говорится , дачи , (только не кузнецовъ и колбасниковъ , а) роскошныхъ вельможъ и красавицъ адрианопольскихъ. Городокъ сей упопаль , по словамъ генерала К. , въ шѣни фрук-

шовыхъ садовъ, гдѣ не одинъ песпрый кіоскъ возвышался, среди виноградныхъ кистей, надъ бѣломраморными фонтанами; гдѣ не одинъ азійскій Лукуллъ засыпалъ подъ лѣнивый говоръ ихъ, среди восточныхъ розъ, на персяхъ своей черноокой невольницы. Теперь—все передъ вами голо, подобно плѣшивой головѣ Сократовой!... Говорятъ, что по причинѣ прошлогоднихъ морозовъ всѣ мусульманскіе сады должны были волею и неволею очутишься въ печахъ и сгорѣть передъ нашимъ христіанскимъ воинствомъ. Если, между тѣмъ, суровость зимы оправдываетъ подобное истребленіе, то благоволиште сами объяснить себѣ, почему во всемъ городѣ не уцѣлѣлъ ни одинъ изъ сихъ прекрасныхъ фонтановъ, кои, по чести, столь благотворны во время жаровъ здѣшняго палящаго лѣта. Я, съ своей стороны, остаюсь въ этомъ случаѣ весьма доволенъ объясненною мнѣ причиною, а именно: что нашимъ солдатамъ понадобился для чего-то свинець, составлявшій трубы сихъ злополучныхъ водохранилищъ.

Очистивъ совѣсть подробнымъ и даже черезъ чуръ мѣлочнымъ отчетомъ обо всемъ, что въ здѣшнемъ городѣ обращаетъ на себя вниманіе спранника, я и на этотъ разъ по-

вергаюсь вмѣстѣ съ настоящей своей эпистолой въ объятія вашей доброй, дружеской снисходительности. Окруженный бивачной разсѣянностью и готовыми ежеминутно грянуть перунами, могъ-ли я не шутя заботиться о слогѣ и даже о связи сего *разнохарактернаго* посланія! Впрочемъ, на кой черпъ извиненія! Чпо мнѣ до вашей Литературы и до всѣхъ заявленныхъ списковъ, ея напыщенныхъ *прозагоговъ!*.. Желая скорѣе напомнить вамъ о себѣ, я только вчера вечеромъ привелъ въ нѣкоторый порядокъ свои бѣглыя, писанныя карандашемъ и на самыхъ мѣстахъ замѣчанія. Завтра надѣюсь оставить Праводы. Дивныя колонны гебеджинскія не дають мнѣ покою: посмотримъ, что-то полковникъ Л., откопалъ среди сихъ необыкновенныхъ развалинъ! Быть можетъ *тудеса тудесъ* ожидаютъ меня въ его землянкѣ. И такъ — до Варны. — *Addiò.*

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ,

Е му ж е,

Варна, 10-го Мая.

Только при дни шому назадъ, какъ я возвра-
тился изъ Праводъ, и въ продолженіе столь
короткаго времени—сколько новыхъ картинъ,
новыхъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній! 5-го
сего мѣсяца судьба вовсе неожиданно привела
меня въ первый разъ на кровавый пиръ смер-
ти: раздольный пиръ! я почти участвовалъ
въ грозной гекапомбѣ Эски-Арнаушларской.
Издали все это довольно живописно; цвѣтъ
опшоманской крови какъ нельзя болѣе кра-
сень; но, чшобы не навлечь на себя упрека,
столь справедливо заслуженнаго болшплымъ
барашкомъ Гамильтоновымъ: «*Bélier, mon
ami, commencez par le commencement!*» —
спѣшу рассказать вамъ предварительно все,

что для меня предшествовало побоищу, коимъ открылась кампанія текущаго года.

4-го сего мѣсяца обѣдалъ я въ послѣдній разъ у генерала К. въ Праводахъ. Въ это самое время были приведены къ нему два турецкихъ переметчика и въ ту же минуту допрошены. О движеніи непріятельской арміи сообщили они, между прочимъ, слѣдующее: великій визирь, Гуссейнъ и Али-Паша, начальникъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, направились къ Силистріи и къ Виддину. Али-Паша расположился лагеремъ на высотахъ Яни-Базара и началъ окапываться въ семь мѣстѣ. По увѣренію переметчиковъ, всѣ силы сего послѣдняго проспираются едва-ли до 7,000 воиновъ. — Жалованье турецкаго иррегулярнаго солдата сосшоитъ изъ 40-ка піаспровъ въ мѣсяць (около 16-ти нашихъ рублей) и выдается черезъ каждые три или четыре мѣсяца.

«Согласитесь, что обстоятельство не во все благопріятствуютъ вашему возвращенію въ Варну» — сказалъ мнѣ генераль К., опустивъ допрошенныхъ Турокъ. — «Непріятель почти на вашей дорогѣ: не лучше-ли погоспитъ у насъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока его замыслы сдѣлаются нѣсколь-

ко поопредѣлишь ли? Припомъ же » — воскликнулъ онъ съ понкою, но едва-ли веселой усмѣшкою — « вы ѣдете въ понедѣльникъ: черный, тяжелый день! » — Кто умретъ въ нынѣшнемъ году — гласить, кажется, достопочтенный рыцарь Джонъ Фальстаффъ — пошъ въ эшомъ случаѣ квити съ будущимъ — а потому, отблагодаривъ генерала за его участие, я между прочимъ замѣнилъ, что весь геній знаменишаго Матвея Ленсберга, означающій столь явственна благопріятные и несчастливые дни, не въ силахъ отвратить меня отъ моего намѣренія. — « Прощайте же! » — сказалъ, обнимая меня мой добрый, почтенный хозяинъ. Я крѣпко сжалъ его руку; темныя думы о войнѣ и о слѣпыхъ, печальныхъ ея случайностяхъ пощипывали грудь мою; но къ чему исповѣдываться, какимъ образомъ пупникъ вашъ оставилъ человѣка, столь богатаго этой милой, увлекающей вѣжливостью сердца, которая безъ сомнѣнія извѣстна весьма немногимъ изъ вашихъ свѣтскихъ расчистелей ласковыхъ словъ и поклоновъ! — Вьюкъ мой былъ уже на конѣ; что бы пустился въ путь, конвойные Донцы и слуга мой ожидали только моего прибытія. Посреди этой толпы увидѣлъ я двухъ турецкихъ переметчиковъ. Одинъ изъ

нихъ поразилъ меня своимъ колоссальнымъ ростомъ, своей гордой, воинственной поспуью; другой — блескомъ женоподобной красоты своей, цвѣтомъ юнаго, почти опроческаго возраста. Оба правобѣрные явились къ нашимъ аванпостамъ и передались, наскучивъ дисциплиною регулярныхъ войскъ, посреди коихъ принуждены были спянуть лямку. Ровно въ 3 часа по полудни я распрощался съ Праводами.

Дорога отъ сего городка до Варны извѣстна вамъ изъ предыдущихъ писемъ моихъ. Пріѣхавъ довольно рано въ Эски — Арнаушларъ, я успѣшилъ освободиться отъ груза поклоновъ, кои привезъ генералу Р-ну изъ Россіи отъ его семейства. Не стану говорить вамъ о безконечныхъ распросахъ и радости, коими сей злополучный воинъ встрѣпилъ вашего спранника — о воспоргахъ отца и супруга, для меня (между нами будь сказано!) не совсѣмъ хорошо понятныхъ, но шѣмъ болѣе прогательныхъ, что вѣсть полученная имъ отъ милыхъ сердцу, была послѣднею: луна 5-го Мая взошла надъ его кровавой могилою....

Уже совсѣмъ смерклось, когда продолжая путь свой, я пріѣхалъ въ Дебно и былъ встрѣченъ — къмъ бы вы думали? — Полков-

комъ Е., на лицо, передъ его гостепріимной палаткою. Дружелюбно повель меня эптошь почтенный археологъ во глубину шатра своего, и опяшь осудиль провеспи ночь посреди удушительныхъ табачныхъ тучъ, шума прежнихъ весельчаковъ; лая собакъ и прочаго, и прочаго. — Около 7-ми часовъ утра громкіе крики: *къ ружью, къ ружью!* — прервали сонъ мой. Я поспѣшилъ одѣпсья, и выскочивъ изъ палатки, узналъ, что генераль В., получа внезапное приказаніе соединиться съ генераломъ Р., апакованнымъ при Эски-Арнауларѣ верховнымъ визиремъ, выспупиль уже къ нему на помощь съ двумя егерскими полками. Два казачьихъ полка должны были немедленно слѣдовать за симъ опрядомъ. Можно-ли было не воспользоваться случаемъ, споль благопріятнымъ, для услады сердца манною новыхъ, кровавыхъ впечатлѣній, для пріобрѣтенія, посреди грязи распоптанныхъ пѣлъ, нѣкотораго права хохопать со временемъ, подобно Микромегасу, надъ гордостію пигмей, величающихъ себя полновластными господами — не сполько земнаго, но даже и неземныхъ міровъ, со всѣмъ, что въ оныхъ находипся! — Полный смупныхъ, неизьяснимыхъ для собственной души моей ощущеній, я не понималъ самъ что дѣлалъ, вскакивая

на первую попавшуюся мнѣ лошадь. Машинально примкнулъ я къ казакамъ, и вмѣстѣ съ ними попянулся по Эски-Арнаушларской дорогѣ.

Густой туманъ покрывалъ окрестность; казаки шли на рысяхъ; пропаянный грохотъ ружій, заглушаемый по временамъ пушечными выстрѣлами, становился съ каждымъ шагомъ слышнѣе и явственнѣе; и вотъ — Эски-Арнаушларская долина начала уже передъ нами развертываться посреди густыхъ облаковъ тумана и пыли, клубившихся надъ ея зеленой поверхностью. Пестрыя, дремучія толпы смыкались, развертывались, пролетали подобно молніи, или медленно двигались посреди сей волнистой мглы, усугубляемой дымомъ артиллеріи и безпрестанной пальбою русской пѣхоты. Два—три офицера, не принадлежавшіе къ назначенному въ дѣйствіе опряду и послѣдовавшіе за онымъ, подобно мнѣ, изъ одного любопытства, остановили въ этомъ мѣстѣ коней своихъ. Полчаса похода поуспричили также и въ моей груди бѣшенство этого браннаго урагана, который сначала столь забавно разбушевался въ ней; разумъ началъ мало-по-малу одерживать верхъ надъ моими рыцарскими порывами; въ одну минуту себялюбивая апофеегма Бомарше сверкну-

ла въ немъ электрической искрою: « Je veux savoir, moi, pourquoi je me fache! » — подумалъ я, и подобно моимъ спутникамъ остановилъ свою лошадь. Всѣ мы рѣшились наслаждаться въ перспективѣ высокимъ ужасомъ битвы, развернувшей передъ нами всю роскошь своего дивнаго, неизобразимаго зрѣлища. Реляцію сего сраженія читали, или безъ сомнѣнія прочтете вы во всѣхъ нашихъ газетахъ; но газеты сущь, по выраженію остряка Тристрама Шанди, не что иное, какъ только газеты; — а потому — вошь, если вамъ угодно, нѣкоторыя блѣдныя черты картины, занимавшей въ эпоху мигъ всѣ чувства, всѣ умственные способности безпристрастнаго очевидца.

Яркозолотое солнце начало мало-по-малу проникать сквозь опаловую дымку тумана, образовавшаго тысячу фантастическихъ фигуръ, кои медлительно удалялись за зеленую ограду горъ и мимоходомъ накрывали ихъ своей серебрястой одеждою. Кромѣ густыхъ конныхъ и пѣшихъ массъ, вращавшихся, какъ я уже сказалъ вамъ, посреди сего дымнаго океана; кромѣ гибельнаго блеска, озарявшаго по временамъ зыбучіе края его; кромѣ глухаго, торжественнаго грохота — я сначала ничего не видалъ и не слыхалъ болѣе. Дни нашего

золопаго *корнетства* — вы конечно не позабыли ихъ! удалые *манёвры* — помните ли, какъ и мы съ вами гарцовали нѣкогда посреди ихъ шумнаго вихря, передъ взводами залешныхъ гусаръ своихъ? — Ну вопъ вамъ нѣкоторое сходство съ шѣмъ, что въ эту минуту представлялось глазамъ моимъ. Вскорѣ однакожь декорация перемѣнилась: туманъ совершенно разсѣялся, и великолѣпное солнце заблестало надъ зрѣлищемъ, для изображенія коего едва-ли есть слова на языкѣ поэзіи, краски на палибрѣ живописи, звуки въ гармоніи музыки.

Мѣстоположеніе Эски — Арнауларскаго лагеря извѣстно вамъ изъ послѣдняго письма моего. Прошу-же привести себѣ на память эшопъ крушой и глубокой ровъ, который отдѣляетъ русскіе шапры отъ цѣпи горъ, зеленѣющихъ на противоположной сторонѣ оврага. Все было тихо въ немъ и вокругъ него, во время моего проѣзда въ Праводы; — грозныя, необозримыя толпы рвались черезъ него шеперь, подобно волнамъ крупимаго бурию океана. Впрочемъ, безъ всякихъ фразъ, представьте себѣ, если можете, волнение пятиптысячной конной толпы, летѣвшей во весь опоръ на неподвижные русскіе кареи; на-

чершайте въ умѣ своемъ яркую песпроту живописнаго шурецкаго одѣянiя: руки до самыхъ плечъ обнаженныя, чалмы съ размошавшимися и клубимыми въшпромъ шалами; вообразите ослѣпительный блескъ пяши тысячъ сабель, пикъ, яшагановъ, облипыхъ лучами полдневнаго солнца; внемлите далекому ржанью коней; звѣрскимъ воплямъ, громкимъ, свирѣпымъ угрозамъ и проклятiямъ—и только тогда обратите мысли свои на эту дикую вапагу, кошорая, подобно алчной саранчѣ, ударила на лѣвый флангъ нашъ. Тогда русскiе шпыки засверкали; два или три полка нашей пѣхоты двинулись ей на встрѣчу. Наступательный барабанъ загремѣлъ въ рядахъ ихъ; рѣзкiе, пронзительные рога завыли вмѣстѣ съ его нестройнымъ грохотомъ. Вы помните, что слѣпой отъ рожденiя Сандерсонъ, представлялъ себѣ красный цвѣтъ подобнымъ преску военной трубы: не поспигаю, почему и въ моемъ умѣ звукъ и цвѣтъ какъ будто слились въ сію мучительную минуту—багряный цвѣтъ крови съ этими раздирающими—трубными и барабанными звуками! Въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ непрiятельской конницы полки наши остановились, быстро построились въ нѣсколько кареевъ—и мѣдныя челюсти пушекъ выслали огненный вихрь свой. Въ то же самое время

бапальный огонь русской пѣхоты озарилъ всѣ ея чешвероугольники. О, еслибъ душа моя не презирала всякой поэзіи въ прозѣ, такъ шочно, какъ презираетъ она несчастный бокаль шампанскаго, окаспраченный примѣсомъ зельцерской или всякой другой воды, то ужь конечно рассказалъ бы я вамъ со всѣми подробностями, какимъ образомъ отшоманскіе всадники, опраженныя нѣскольکو разъ нашей пѣхотою, ослепали прочь, подобно пѣнѣ волнь, разбившихся о гранипъ приморскихъ утесовъ, и какимъ образомъ спремилсь они вновь и вновь на свою добычу! Твердо и неподвижно, какъ будпо врытые въ землю, спояли между пѣмъ наши спальные кареи; но наконецъ, находившаяся при одномъ изъ нихъ артиллерія, была опбита — и вскорѣ самъ онъ исчезъ, окруженный безчисленнымъ непріателемъ. Тогда, въ продолженіе получаса, я не видалъ ничего, кромѣ сверкавшихъ въ дыму сабель, склонявшихся долу штыковъ, дикаго, бѣшенаго остпервенія. Иногда, въ густотѣ сей дремучей толпы, уязвленный конь взвивался на дыбы и повергалъ въ прахъ облипаго кровію всадника; но вообще вся эта сцена была довольно молчаливо разыграна. Когда свѣжій отрядъ нашей пѣхоты, ударившій на фланги

непріятеля, принудилъ его наконецъ къ опступленію, то весь окруженный Турками полкъ, столь богатый за полчаса передъ симъ жизнію и дивной, неодолимой храбростію, покрывалъ уже землю своими изрубленными трупамн. Въ жизни и въ смерти заключалась впрочемъ вся разница. Мерзвый, онъ еще образовалъ обширный правильный чепвероугольникъ. Поникли безстрашныя головы; дѣсь штыковъ не вѣдымался надъ черными киверами; но издали вы бы подумали, что внезапный сонъ овладѣлъ зѣнницами воиновъ. . . . Ни одного шагу не было уступлено. Всѣ панигирики, распоченные поэпическимъ вѣшеранамъ Наполеоновымъ, едва ли достапочно для прославленія мужества, столь непоколебимаго. — Чувства мои тускли. Эпоть гибельный шумъ, эти кровавые ужасы, какъ будто перешли въ мою голову: она пылала; мой ослѣпленный взоръ помутился. Какъ будто во мглѣ густаго тумана вихрился передъ нимъ конецъ сраженія: хаосъ бѣжавшихъ и преслѣдовавшихъ, рѣдкое пламя огнеспрѣльныхъ орудій и напоследокъ — нестройное опступленіе Турокъ по направленію къ Шумлѣ. Наши удержали за собой мѣсто сраженія.

« *Du sublime au ridicule il n' y a qu' un pas* » —

сказаль, какъ вамъ извѣстно, одинъ великій прапическій Философъ. Дюжины двѣ русскихъ мужиковъ, съ рыжими бородами въ зубахъ, бѣжали въ эпо время изо всей мочи съ поля сраженія. По ихъ образцовой наружности мы не могли не узнатьъ добрыхъ, миролюбивыхъ маркишантовъ, коихъ палатки, разбиыя, если припомнише, на самомъ краю роковаго оврага, были прежде всего сбиы напискомъ неприятели. На всѣ наши распросы о Туркахъ, о концѣ сраженія и проч., бѣдняки опвѣчали только однимъ, на скоро сотвореннымъ, креспнымъ знаменіемъ. « *O miseri, miseri!* » но что же прикажете дѣлать?

Солнце спустилось уже совсѣмъ къ небосклону, когда все упихло на окровавленной долинѣ Эски-Арнаушларской. Богъ знаетъ для чего вздумалось мнѣ посмопрѣть вблизи на слѣды разыгранной драмы. Я поскакаль впередъ . . . . но къ чему изображать зрѣлище довольно пошлое, и весьма рѣдко не унизипельное для челоѣчества! . . . Взгляните на эти суровыя лица; посмоприше, какъ ужасна свинцовая блѣдность ихъ, какъ судорожно каждое движеніе мускуловъ, сводимыхъ тяжкимъ, невыразимымъ спраданіемъ; посмоприше, какъ спраненъ послѣдній лучъ жизни въ очахъ, смыкаемыхъ смертію. — Турки и

Рускіе — взгляните, какъ крѣпко, какъ непробудно спяшъ, или засыпающъ они другъ подлѣ друга, примиренные общей, кровавою участію! Тѣло генерала Р—на (того самаго, у кошораго я былъ наканунѣ съ поклонами опъ его семейства) было узнано мною шолько по изрубленнымъ на немъ эпощамъ. . . . Но оставимъ эпощъ кровавый базаръ славы; война не наше дѣло; поспѣшимъ въ Варну; завернемъ мимоѣздомъ въ Гебеджи; посмопримъ, до какой степени полковникъ Л. исполнилъ свое обѣщаніе, касательно продолженія нашихъ розысковъ о сихъ дивныхъ колоннахъ, коихъ изображеніе наполняетъ мое длинное письмо изъ Гебеджи къ москвичу К—ву.

Въ послѣдній разъ объявлю вамъ, что за грѣхи свои я вновь принужденъ былъ ночевать у неизбежнаго полковника Е. Во снѣ. . . . — Вошъ; слава Богу! исторія обѣдовъ, ужиновъ и наконецъ — онъ хочетъ наконецъ рассказывать намъ сны свои! — А почему-бъ не такъ? Но слушайте. Впечатлѣнія сего грознаго дня перешли и подъ крыло Морфея въ смятенной душѣ моей. Таже пальба, тощъ же блескъ оружія, таже кровь, тѣже звѣрскія лица. . . . Казалось — (вошъ однако небольшая разница между сномъ и существенностью) — казалось,

будто я самъ участвовавь въ битвѣ: скакаль, рубиль, презираль живыхъ и неистово скрежешаль зубами; упивался разнообразіемъ мукъ—и съ дикимъ, чудовищнымъ хохотомъ попираль умирающихъ.... Потомъ, окруженный кровавыми призраками, чувствовалъ себя во сто разъ несчастнѣе всякаго Сарданапала, промѣнявшаго, какъ повѣствуетъ Байронъ, своей полжизни на полсмерти подобныхъ собесѣдниковъ; потомъ, перзаемый (ужь не во снѣ) мучительной головной болью, сѣлъ на коня, и какъ снѣгъ на голову явился около 9-ти часовъ утра въ Гебеджи передъ полковникомъ Л.

Сапёры его продолжали рыть и копать; но никакое удовлетворительное послѣдствіе не увѣнчало, по словамъ полковника Л., трудовъ ихъ. За всѣмъ тѣмъ, сей послѣдній предложилъ мнѣ повезти къ развалинамъ опять свою собственную пару глазъ и на сей конецъ вызвался вновь мнѣ сопутствовать. Около трехъ часовъ по полудни мы сѣли на лошадей и пустились изъ Гебеджи почти въ прежнемъ порядкѣ.

Тишина сей поѣздки прерывалась по временамъ только пистолетными выстрѣлами нашихъ молодыхъ офицеровъ, довольно искусныхъ стрѣлковъ на бѣду попушныхъ

черепахъ, коихъ спины принуждены были тягаться въ крѣпоспи съ ихъ свинцовыми пулями. На эшошъ разъ фізіогномія колоннъ показала мнѣ совсѣмъ инаковой. Ряды колоссальныхъ облаковъ напомнили бы вамъ шуманныхъ героевъ Одиновыхъ, скипаясь по темно-волнистому небу. Вдали на горизонтѣ спускались они почти до самой земли, и плавно, и медленно, подобно огромному погребальному шеспівію, мелькали другъ за другомъ въ промежуткахъ омраченныхъ ими развалинъ. Унылый вѣсперъ волновалъ густую праву, и проникая въ щрецины поросшихъ ею обломковъ, извлекалъ изъ нѣдръ ихъ звуки нездѣшняго міра... Самыя колонны, пѣснимыя громадами скалъ съ бродившими по вершинамъ ихъ пучами; таинспвенный шумъ окреспнаго лѣса, и всѣ окружающіе меня предметы, какъ будто шептали воображенію о мавзолеяхъ гиганшовъ, допотопныхъ власпшпелей міра. Но чшо же нашъ полковникъ Л. съ его археологическими работниками? — Обращимся, если прикажете, къ ихъ любопытнымъ трудамъ и розыскамъ.

Они дѣйспвительно не были праздны во время моего отсутспвія. Колонна, коей опкапыванье начашо нами вмѣстѣ, была опрыпа слишкомъ на $2\frac{1}{2}$ сажени. Я спуспил-

ся въ эту глубокую яму, и осмопрѣвъ обнаженную часть развалины, замѣпилъ толстую каменную стѣну, которая служила ей, по видимому, основою и подземнымъ соединеніемъ съ ближайшей колонною. Тамъ же нашелъ я довольно большой желѣзный гвоздь, который мгновенно переломился въ рукахъ моихъ, подобно хрустальному. Кромѣ того, земля, опрытая и еще окружающая остатокъ развалины, не представляла и не представляла никакой преграды углубленію заступа. Опважусь мимоходомъ замѣнить, что это послѣднее обстоятельство, соединенное съ означенными опкрытіями (гвоздемъ и стѣною), едвали совмѣстно съ мыслию о *базальтахъ* и служило, напрошивъ, сколько мнѣ кажется, новымъ доказательствомъ искусственному происхожденію развалины. Но я уже однажды признался, что для моихъ глазъ, непроницаемая ночь царствуетъ во глубинѣ знаменишаго отверзія Мопершюи — и потому—вмѣняю себѣ въ обязанность еще разъ рѣшительно опказать опъ всякихъ ученыхъ и неученыхъ догадокъ по сему предмету. Повторяю, между прочимъ, свой вызовъ Г. г. записнымъ ученымъ, касательно объясненія феномена, достойнаго, по моему мнѣнію, всего ихъ участія. Для представленія

понятій болѣе точныхъ о сихъ необыкновенныхъ развалинахъ, я, помнишся, обѣщаль ввѣрить очеркъ ихъ карандашу какогонибудь рисовальщика: талантъ одного изъ моихъ молодыхъ спутниковъ помогъ мнѣ сдержашь обѣщаніе. По прилагаемому при семъ снимку вы можете судить, достойны ли колонны *Гебеджинскія* нѣкоторой симпатіи художника, участія геолога и, можетъ быть, даже розысковъ антикварія.

Около вечера западавшее солнце воцарилось подъ синимъ балдахинномъ шучь, надъ хаосомъ сихъ живописныхъ развалинь. Блескъ боролся съ мракомъ среди темнорумяныхъ столбовъ и наводилъ на громады ихъ тысячу безыменныхъ цвѣтовъ и опливовъ. Золотой огонь игралъ въ густотѣ зеленѣющей у ногъ ихъ травы, надъ амфиатромъ окрестныхъ горъ, надъ вершиной окрестнаго лѣса. Молодой художникъ мой принялся за работу, между тѣмъ какъ наши остальные спутники, устрашенные вѣроятно моимъ намѣреніемъ: посѣпить вновь сосѣдніе фонтаны, пустились въ обратный путь, и оставили насъ вдвоемъ подъ эгидомъ одного только донскаго Громвала.

Я вновь прошелся по долинь съ гармоническими фонтанами; опять умылся ихъ спут-

деною влагою , ояпть заслушивался музыки спруй подъ навѣсомъ папріархальныхъ орѣшниковъ. Умиравшее солнце озарило ихъ въ послѣдній разъ всѣмъ богатствомъ лучей своихъ , и наконецъ — совсѣмъ закапилось. Считаю за лишнее говорить , что супъ изъ *незабудокъ* миѣ опнюдь не по вкусу; но надобно , подобно миѣ , быть гражданиномъ Божьяго міра, гармонизировать съ какимъ нибудь Шеллингомъ въ созерцаніи души всемірной и за всѣмъ шѣмъ , перенестись на лоно здѣшней природы, чтобы постигнуть мое вѣчное *прости* Генію сего несравненнаго мѣста. Полная луна капилась уже надъ колоссальными развалинами , когда я возвратился къ двумъ ожидавшимъ меня поварищамъ.

Художникъ окончилъ совсѣмъ свою работу; казакъ обнаруживалъ довольно явное неперпѣніе ѣхавъ , поправляя ежеминутно наши сѣдла и полкуя что-то сквозь зубы о Туркахъ, о *варварахъ*, о *проклятыхъ* болгарскихъ разбойникахъ. Совсѣмъ не то лежало въ этомъ мигъ у меня на сердцѣ. Тайнственныя колонны отбрасывали далеко исполинскую шѣнь свою, и какъ будто приходили въ движеніе при пышномъ, блѣдно-золотомъ сіяніи мѣсяца. Душа моя рвалась за начальную грань бытописанія.

И рядъ людей
 Вѣковъ минувшихъ ,
 И шѣни дней
 Давно-мелькнувшихъ —
 Изъ-подъ земли ,
 Вставая мшистой ,
 Вились вдали
 Чредой сребрисшой.

Мудрено рѣшить , что прекраснѣе — лунный или солнечный свѣтъ надъ подобной картиною. Я не помню, кто именно такъ хорошо сказалъ, что «умъ нашъ не довольствуется, подобно сказочному Аладину, блескомъ алмазовъ , сіяющихъ повсюду во глубинѣ обвороженой пещеры:» — онъ зоветъ Генія древнихъ развалинъ и вмѣстѣ съ нимъ паритъ надъ чудесами прошедшаго. Ночная тишина подобнаго мѣста открываетъ ему событія , ускользнувшія отъ человѣческихъ лѣтописей и озаряетъ ихъ предъ очами души пламенемъ неземнаго свѣпильника . . . . Вамъ извѣстно , что одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ странниковъ дѣлалъ развалины на два особыхъ разряда. Обломки *естественные* не возбуждаютъ въ самомъ дѣлѣ ни какихъ болѣзненныхъ ощущеній : природа , неупомимая ра-

бошница, изглаживаесть ежеминутно слѣды всеиспребляющаго времени. Развалины зданій человѣческихъ являющъ, напрошивъ, неизгладимый образъ ничтожества, попирающаго былое, съ подъяпой пяпой надъ наспоющимъ и будущимъ.... Таинственныя колонны Гебеджинскія представляющъ характеръ древности, перешедшей за черту историческихъ преданій, — и слѣдовательно — соединяющъ въ себѣ опличительныя свойства того и другаго разряда обломковъ. Какъ феномень природы, онѣ кажутся миѣ прогапельнѣй меланхолическихъ напѣвовъ Барда, слѣпаго опца Оскарова; — мрачнѣе Жанъ-Полева сна, какъ развалины предполагаемаго искусства. Но аминь, по чести, аминь всякимъ (неспихотворнымъ) полкамъ о сихъ длинныхъ, неокончаемыхъ, озаренныхъ луной или солнцемъ обломкахъ.

Ни свѣтъ, ни заря поднялся я на другой день изъ Гебеджи. Если бы въ сихъ безполковыхъ спраницахъ утро и полдень, вечеръ и полночь не такъ часто алѣли, гаснули и чернѣли, то конечно я осмѣлился бы еще однажды доложитъ вамъ, что лиловая цѣпь горъ, подернутая легкимъ упреннымъ паромъ; поспепенное восхожденіе солнца; блескъ озлащенной имъ зелени; румяный пожаръ надъ верхами оспроконечныхъ ушесовъ *et cœtera* —

показались мнѣ и на сей разъ достойными Турнеровой или Калькошповой кисти. Кромѣ военныхъ обозовъ, сверкавшихъ между кустами штыковъ и огромныхъ фургоновъ съ изувѣченными героями Эски-Арнаушларскими, я во время эпои послѣдней поѣздки не встрѣпиль ровно ничего достойнаго и не достойнаго вашего вниманія. Въ попушномъ ханѣ пересѣлъ по прежнему на свѣжаго донскаго коня и около 10-ти часовъ утра въѣхаль здравъ и цѣлъ въ облегаемую безпредѣльнымъ Эвксиномъ Варну. Послѣ 15-ти дневнаго скипанья по доламъ, по горамъ, шумъ ея перепушанныхъ улицъ произвелъ на меня дѣйствіе какой-то сполічной пестроты и волненія. Кварпиру свою нашель я также нѣсколько посвѣплѣе и попряпнѣе. Спѣны были вновь выбѣлены, поль успланъ полоспями, множество цвѣшовъ разсыпано вдоль воскреснувшихъ безъ меня дивановъ. Улучшеніе споль не ожиданное до безконечности удивило меня. Ужъ не Деспина ли?... шакова-то сила воображенія!—да и ктоже, кромѣ себя, моей доброй малюпки, позаботился бы споль *сердолюбно* о чуждомъ, докучливомъ поспояльцѣ! О, въ такомъ случаѣ, что передъ тобой всѣ наши свѣтскія ледяныя жеманницы! Такъ думаль я — и Богъ знаепъ на копоромъ эшажѣ оспановиль бы поспройку своихъ Ис-

панскихъ замковъ, если бы въ тоже самое время два черныхъ, зеркальныхъ глаза не блеснуло сквозь прорывы моихъ бумажныхъ оконъ. — «Сибакъ-хаиръ гюзель кызымъ!» — сказалъ я, и въ одинъ мигъ, легка, подобно кабалистической Силфидѣ, мила, или во сто разъ милѣ всѣхъ наивныхъ головокъ Грѣйзовыхъ, впорхнула ко мнѣ Деспина, моя сладкогласая горлица. Ея одѣяніе представляло споль же праздничный видъ, какъ и все прочее въ домѣ. Новая цифрованная золотомъ салтамарка, новый, съ огромной вызолоченой бляхою, поясъ; новые шалевые шалвары, новые желтые мешты. Свѣжій розовый вѣнокъ вокругъ перевиатаго шелковымъ плапкомъ феса и длинные орѣховые волосы—спереди по плечамъ, сзади почти до половины шѣла. Къ этому прибавьте молочный цвѣтъ рукъ и шеи, украшенныхъ запястьями и ожерельемъ изъ разныхъ золопыхъ и серебряныхъ денегъ; опаловую бѣлизну ланишь съ яркимъ огнемъ сквозь тонкія лазурныя жилки, и эти черныя, полныя сердечной ясныи очи, и эти розовыя уста съ просподушною и вмѣстѣ плутовскою улыбкою. Спранное дѣло! иной бы сказалъ, что искры лукавой французской живоспи, соблазнительныя искры гризетты были въ это время господствующей стихіей

Деспины, облагороженныя ея воспочными прелестями. То очаровательная Зюлейка ,

..... звезда молодая ,

Родимыхъ волнь и прелесь и любовь ;

то плутовка Розетта, когда за грѣхи Беранже

Partout ses yeux pour l'alarmer

Provoquaient l'œillade indiscrete ,

Деспина безъ всякихъ шутокъ, показалась мнѣ на этотъ разъ очень и очень опасной малюпкою. Смѣясь и бросая въ меня *цвѣтами* , она объявила, что очень рада видѣть еще на плечахъ мою голову, ибо считая меня, Богъ вѣдаешь по чему, убитымъ на дорогѣ неверными, они опдѣлали мой *сарай* по случаю внезапнаго брака ея родной тетушки съ какимъ-то бродягою — Армяниномъ. Радостная вѣсть сія заключилась шѣмъ, что поржество Гименеево совершилось именно подъ пополкомъ моего *сарая*. — Такъ это не шы?... О, въ такомъ случаѣ, для чегожь новобрачные не подождали моей эпипаламы! Я списнулъ кулакъ и шопнулъ ногою, пошомъ засмѣялся, спросилъ одѣписья и отправился къ генералу Г. на цѣлый день Божій.

Генераль вручилъ мнѣ полдюжины пакетовъ, полученныхъ на мое имя, во время моего отсутствія. Одинъ изъ нихъ былъ опъ Г. Бла-рамберга. Сообщая свои замѣчанія о медаляхъ и древнихъ мраморахъ, посланныхъ мною въ Одессу, почтенный археологъ нашъ распространяется въ особенности о двухъ находившихся въ числѣ оныхъ обломкахъ — о шѣхъ самыхъ, коихъ объясненіе обѣщаль я вамъ по полученіи желаемого подтвержденія своихъ догадокъ. Письмо Г. Бларамберга разрѣшило ихъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Вы помните, что на сихъ двухъ обломкахъ основывались всѣ мои надежды доказать по-жество древней Одессы съ нынѣшней Варною. Вотъ что относительно сего предмета пишеть мнѣ Г. Бларамбергъ. Изъ его замѣчаній вы можете видѣть, обманулся ли я въ своихъ предположеніяхъ.

..... «Изъ числа открытыхъ вами въ Варнѣ, и доставленныхъ Е. С. графу М. С. Воронцову древнихъ мраморовъ, два въ особенности обратили на себя все мое вниманіе. Одинъ изъ нихъ (небольшой обломокъ) представляеть начало Псефизма или опредѣленія Совѣта (или Сенапа) и народа (*ΤΗΙ ΒΟΥΛΗΙ ΚΑΙ ΤΩΙ ΛΗΜΩΙ*). Онымъ удостоенъ торжественныхъ почестей одинъ гражда-

нинь города Эпидамна (Диррахіума , что нынѣ Дураццо , въ Иллиріи). Мраморъ сей , доказывая началомъ упомянутой надписи существованіе древняго города на мѣстѣ нынѣшней Варны , ведетъ къ разрѣшенію догадки о пожестьвѣ древняго Одиссоса (*ΟΔΗΣΣΟΣ*) съ нынѣшней Варною .

« Другой обломокъ есть несомнѣнный остатокъ огромнаго мраморнаго пьедестала , долженствовавшаго служить базисомъ стампуѣ , воздвигнутой гражданину , именемъ Иросодону , сыну Фирнагосову , *Нагальнику города и союза или сообщества пяти городовъ . ΑΡΞΑΝΤΑ ΤΗΣ ΠΟΛΕΟΣ ΚΑΙ ΑΡΞΑΝΤΑ ΤΟΥ ΚΟΙΝΟΥ ΤΗΣ ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΟΣ* . Форма буквъ сей надписи заставляетъ отнести оную ко второму вѣку ошъ Р. Х. — Разбитая снизу , она означаетъ существованіе союза пяти городовъ , коихъ Одесса (Варна) была , кажется , средоточіемъ (*). Союзъ сей могъ быть составленъ , на подобіе нынѣшней Ганзы , изъ городовъ и портовъ , расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ на западномъ берегу Эвксинскаго Понта : Томъ (Кюспенджи) , Каллапія (Манга-

---

(*) Снимки съ эпихъ обоихъ мраморовъ приложены въ концѣ письма сего. *Изд.*

лія), Одессусь (Варна) Мессемврія и нако-
пецъ Аполлонія, нынѣшній Сизополь. Можеть
даже бышь, что союзъ сей сосполять изъ го-
родовъ, еще менѣе отдаленныхъ отъ Одес-
суса, какъ напримѣръ: Навдохоеъ, Крунисъ
или Діонисополь и проч. Во всякомъ случаѣ,
пюсть и другой изъ сихъ памятниковъ дре-
воспи, дѣлають чрезвычайно важнымъ оп-
крытіе означенныхъ мраморовъ. Искренно по-
здравляя васъ съ таковыми успѣхами, я отъ
души желаю столь же счастливыхъ послѣдств-
вій вашимъ будущимъ розыскамъ по сему
предмету и проч.»

Вошь обспояпельство, довольно занима-
тельное — не говорю для эшой ученой орды,
коей словарная образованность имѣеть въ ви-
ду одно толькo обремененіе души множест-
вомъ предметовъ, безплодныхъ для ума, без-
цвѣтныхъ для воображенія. — Тысяча и одинъ
разъ важнѣе участіе пѣхъ здравомыслящихъ
судей, кои при всемъ неуваженіи къ шарла-
панству микроскопической Археологіи, не
отвращають слуха отъ глагола вѣковъ, не
закрываютъ сердца для высокой бесѣды съ
міромъ, скрывшимся отъ нашихъ веществен-
ныхъ чувствъ, не презирають смѣлыхъ по-
рывовъ мысли къ оживленію шайнствъ, во
глубинѣ коихъ заключалось можеть бышь бла-

го, неизвѣстное современному человѣчеству. Мрамору вавѣщали древніе Греки свои мирныя и соединительныя договоры, дѣла народныя и даже изліянія своихъ домашнихъ печалей и радостей. Древняя Греція была, по выраженію одного писателя, подобна огромной изваянной книгѣ: куда бы не обратился взоръ вашъ, повсюду чиналъ онъ спранию испоріи частной или общественной.

Вотъ вамъ послѣднее письмо изъ Болгаріи. Въ послѣдній разъ клоню повинное чело, сознавая въ крайней незанимательности всѣхъ сихъ посланій; въ послѣдній разъ напоминаю, что уста жребія рекли мнѣ: «Будь антикваріемъ!» — и есмь, — почто также, какъ вы, бояре, говорите своимъ орашамъ: «ты будь Паганини, ты — Сальвавторомъ - Розою!» — и сущь. Ударившись, какъ я уже неоднократно объявлялъ вамъ, въ это премудрое спранствіе безъ книгъ и безъ всякихъ приговоровъ; снабженный кромѣ того самыми ничтожными вещественными средствами, я писалъ, что на умъ брело; рассказалъ все, что видѣлъ своими собственными глазами, а видѣлъ я весьма и весьма не многое. Весь посѣщенный мною уголокъ Мизіи, страны, именовавшейся у Римлянъ житницею Цереры, не представляетъ ничего, кромѣ слѣдовъ древняго и новаго опу-

спошенія, карпины древнихъ и новыхъ развалинь. Одна природа, Армида божественной прелестью, разсыпаетъ полными руками дары свои почто также теперь, какъ и въ то время, когда классическій творецъ Георгикъ алкаль промѣнялъ всю придворную роскошь на безвѣспный пріютъ въ долинахъ поэтического Гемуса. — Но люди, но мирные жители? — Боже мой! я уже тысячу разъ повпорялъ вамъ, что ихъ нѣтъ, что они исчезли, подобно листьямъ развѣянными осенними аквилонами. Кое-гдѣ только — согбенные нуждой, шомимые голодомъ, блѣдные, подобно Ларвамъ древняго Таршара, блуждаютъ толпы Болгаръ вокругъ пепла разоренныхъ лачугъ своихъ, или вооруженные съ ногъ до головы, служатъ правовѣрнымъ, гяурамъ и очень часто самимъ себѣ — не ради какихъ нибудь сминдирдовскихъ прихотей, но для удовлетворенія крайнихъ, живописныхъ потребностей человека. — «Пусть гибнуть!» вскричалъ бы съ адскимъ смѣхомъ какой нибудь невѣжа — Мельмотъ; — «аминь!» — шепнулъ бы съ райской улыбкою какой-нибудь вѣжливый дипломатъ; а я мимоходомъ замѣчу, что обвѣщенные оружіемъ, здѣшніе Болгары говорятъ еще вашему воображенію о своихъ воинственныхъ Крумахъ, о времени дикихъ торжествъ,

о трепетѣ Византійской Имперіи передъ мечами опцовъ ихъ.—Добрый народъ сей замѣчательнень очень во многихъ отношеніяхъ. Со временемъ (если впрочемъ наша занимательная переписка не исчахнеть опъ умственной *атоніи*) Болгары могутъ еще явиться на сцену съ нѣкоторыми довольно любопытными подробностями.

Оканчивая письмо сіе, я хотѣлъ было паки-и-паки приступить къ прерванному Болгарами извиненіямъ; но къ чему шакъ долго оправдывать пустошу сихъ пугевыхъ записокъ, пустошу страны, въ коей тревоги пылающихъ битвъ суть въ настоящее время единые, судорожные признаки жизни! Развѣ изъ одного только уваженія къ общимъ, перебитымъ мѣстамъ и фразамъ продекламировать вамъ, что въ той самой странѣ, гдѣ рапники древней свободы и угнетенія оглашали воздухъ своими бранными криками; гдѣ ценсуріонъ римскій расхаживалъ предъ орлами когорпъ, колебля свою виноградную лозу; гдѣ доблестный Тарса, великодушный Турезисъ пролили всю еракійскую кровь свою на могилу пораженного въ сердце опечества — шамъ, въ тѣхъ самыхъ долинахъ, на гребнѣ тѣхъ самыхъ горъ сверкающъ желѣзные лѣса пикъ и шпыковъ русскихъ. Фавны и Дріады еракійскія! како-

ва подь лучами вашего солнца заунывная пѣсня о снѣгахъ московскихъ? — Но хороводы божественныхъ Нимфъ ужь не не кружатся въ дубравахъ стариннаго Гемуса; одна только подруга Нарциссова шлепъ долгій, унылый опзываетъ свой на визгъ русскаго ядра, на грохотъ русскаго барабана.

Завтра, или непременно послѣзавтра я опшываю въ Сизополь; покидаю Деспину, говорю *прости* своимъ мимолетнымъ химерамъ и радостямъ! Новая даль, новое пространство моря, опоясаннаго всѣми скалами балканскими, оподвинетъ меня опъ васъ и опъ родины. Къ чему, на какой конецъ вся эта уморительная возня и скипанье? — Такъ-съ! Я право самъ не знаю, равнымъ образомъ, какъ не знаю того, зачѣмъ прозябаю на свѣтѣ... Въ прологѣ Тарара, кажется, какой-то Геній вопрошаетъ тварей еще не существующихъ: желаютъ ли они родиться? «Ни мало!» — Вотъ что можетъ быть отвѣчалъ бы и я въ подобномъ случаѣ. Было, однако, время, когда и моя *гестолубивая* особа терзалась желаніемъ играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ, не для того, безъ сомнѣнія, чптобы порхать передъ толпой мопылькомъ злапокрылымъ, но въ надеждѣ развернуть пламень полезной дѣятельности, которая столь неукропимо

рвалась когда-то изъ глубины моего сердца.—
Теперь—о, преподобный Баконъ! слова твоей
мѣдной головы жужжатъ и въ моей душѣ, по-
добно ропоту безопвязнаго займодавца: «*Есть
время, было время, нѣтъ болѣе времени!*» — Но
довольно; боюсь разсердиться или распро-
гаться. «*Vivamus, dum vivimus*» — гласитъ
велемудрая Латинь. Такъ-то, почтенный мой
домосѣдъ; прощайте.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Издашеля..... 1

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Цѣль сего путешествія.—Импровизированный антикварій. — Отъѣздъ. — Одесская карантинная гавань. — Венеціанскій бригъ : *la Perseveranza*. — Противная погода.—Опшльпіе.—Ночь на морѣ.— Баркарола рулевого мапраса.—Кюспенджи (древній Томисъ). — Изслѣдованія о мѣстѣ Овидіева изгнанія.—Неосновательность археологическихъ гипотезъ Г. Гаммера. — Классическія воспоминанія.— Мангалія (древняя Каллапія). — Буря. — Берега Мизіи.—Добруджа.—Капо-Калакрія.—Безвѣтріе. — Плаваніе на веслахъ. — Панорама Варны.—Первыя впечатлѣнія, при видѣ сей крѣпости.—Историческая компиляція.—Варна.—Генераль Г.—Древніе мраморы и медали. — Испребленіе памятниковъ древности 3

II

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Сирин.

Карпина Варны.—Азіяшская пестроша.—Смѣсь лицъи нарядовъ.—Турки, Армяне, Болгары, Греки.—Европейскіе промышленники.—Спатиспика.—Христіанскія церкви.—Турецкій фанатизмъ.—Митрополипы греческій и армянскій.—Турецкій домъ.—Оригинальный хозяинъ.—Нѣкопорыя черпы нравовъ и корысполюбія варнскихъ жипелей.—Генераль Р.—Свѣдѣнія о древней Одессѣ.—Милезійскія колоніи на берегахъ Эвксина.—Древнее греческое Пяписоюзіе.—Археологія.—Розыски о шожеспвѣ древней Одессы съ нынѣшней Варною.—Опкрытіе 7-ми кусковъ древняго мрамора.—Нумисматика —Варнская ципадель.—Кашакомбы.—Деспина. 30

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Причины долгаго пребыванія въ Варнѣ.—Еще два куска древняго мрамора.—Суевѣріе жипелей въ опношеніи къ памятникамъ древности.—Варнская приспань.—Сказочники.—Нелѣпость преданій объ окрестныхъ монастыряхъ и развалинахъ.—Поѣздка въ монастырь Св. Константина.—Армейскій ашикварій.—Живописная красота окрестностей.—Могилы русскихъ воиновъ.—Историческія размысленія.—Болгарскій пастухъ.—Слѣды развалинъ.—Монастырская церковь.—Еще кусокъ древняго мрамора.—Прогулка въ монастырь Св. Іоанна.—Развалины.—Нѣчто о древней Визонѣ.—Изслѣдованія о древнемъ Діонисополѣ или Крунисѣ.—Монастырь Св. Іоанна.—Археологія монаха.—Аладжи-Монастырь.—Комическое преданіе.—Нѣчто о древнемъ Филиппополѣ.—Возвращеніе въ Варну..... 57

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Стран.

Церковь, посвященная генераломъ Г. въ Варнѣ.—
 Вечеръ наканунѣ Пасхи.—Прогулка въ русский ла-
 герь.—Отъездъ въ Гебеджи.—Дорога.—Малые Балка-
 ны.—Красота окрестностей.—Фонтаны.—Казачій
 припинъ. Неизобразимая прелестъ природы.—Ля-
 манская приспань.—Надгробный вѣспъ.—Гебеджин-
 скій редушъ.—Полковникъ Л.—Дивныя Гебеджин-
 скія развалины.—Различныя догадки о происхожде-
 нии оныхъ.—Геологическія гипотезы.—Сравненіе
 Гебеджинскихъ колоннъ съ подобными обломка-
 ми.—Замокъ Шподьпенъ въ окрестностяхъ Дрезде-
 на.—Базальты *Металлитескихъ* и *Среднихъ*
 горъ въ Северо-Западной Богеміи и проч. и проч.—
 Испещренныя Адлерсбахскія развалины.—Поэтиче-
 ская картина Гебеджинскихъ обломковъ.—Сосѣд-
 ніе фонтаны.—Слупники.—Возвращеніе въ ре-
 душъ.—Отъездъ въ Девно..... 88

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Дорога отъ Гебеджи до Девно.—Девнинское озе-
 ро.—Девнинскій лагерь.—Полковникъ Е.—Множе-
 ство римскихъ медалей, открытыхъ при укрѣ-
 пленіи сего мѣста.—Армейскіе весельчаки.—Гене-
 ралъ Р.—Надгробный мраморъ съ латинской и гре-
 ческой надписями.—Признаки пожесшва древняго
 Маркіанополя съ нынѣшнимъ Девно.—О походѣ
 Траяновомъ пропавъ Децебала, царя Дакійскаго.—
 Объ основаніи Маркіанополя.—О болгарскомъ Пере-
 яславѣ.—О завоеваніи сего города Святославомъ.—
 Историко-философическія размышленія.—Стихи

одной изъ *Тракійскихъ Элегій*.—*Кине*, о таинственномъ ходѣ челоуѣчества. — Окрестности Девно.—Развалины водяныхъ мельницъ.—Девинскій водопадъ.—Признаки минеральнаго ключа.—Покупка медалей.—Отъѣздъ въ Праводы..... 123

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Дорога отъ Девно до Праводъ.—Эски-Арнаушларъ.—Генераль Ш.—Валканы.—Замѣчанія геологовъ о горахъ Болгарскихъ.—Прогулка Филиппа II-го, царя Македонскаго, на вершину Гемуса.—Геологія и Ботаника здѣшнихъ горъ почти совсѣмъ неизвѣстны.—Нѣкошорья поверхностныя свѣдѣнія о сихъ предметахъ.—Буря посреди Балкановъ.—Турецкій скакунъ.—Праводы.—Генераль Н.—Вопросъ о землетрясеніи.—Генераль К.—Развалины монастыря Дизъ-Даркіойскаго.—Гаджи-Халфа о сихъ развалинахъ.—Народное преданіе о разрушеніи сего монастыря.—Горныя пещеры.—Окаменѣлости.—Геологическія ископѣзы.—Мавзолей русскаго часоваго.—Праводскія укрѣпленія.—*Орлиное гнѣздо*.—Видъ окрестностей.—*Кронверкъ*.—*Блокгаузъ*.—Картина Праводъ въ ихъ настоящемъ положеніи.—Мызы вельможъ Адрианоцольскихъ.—Уничтоженіе садовъ и фоншановъ..... 146

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Послѣдній день въ Праводахъ.—Турецкіе перемѣнчивы.—Движеніе непріятельской арміи.—Опасность обратнаго пути въ Варну.—Отъѣздъ.—Генераль Р-нъ.—Ночлегъ въ Девно.—Тревога.—Эски-Арнаушларское.

сраженіе. — Впоричное посѣщеніе Гебеджинскихъ
 развалинъ.—Подземная спѣна.—Желѣзный гвоздь.—
 Карпина заходящаго солнца и лунный свѣтъ
 надъ сими необыкновенными обломками. — Новая
 прогулка къ сосѣднимъ фоншанамъ.—Возвращеніе
 въ Варну.—Деспина въ праздничномъ нарядѣ.—Пись-
 мо Г-на Бларамберга.—Объясненіе двухъ древнихъ
 мраморовъ.—Окончательныя доказательства то-
 жества нынѣшней Варны съ древней Одессою.—
 Спарыя и свѣжія опустошенія Мизіи.—Пригошво-
 ленія къ морскому пути въ Румилію..... 180

ЗАМѢЧЕННЫЯ О ПЕЧАТКѢ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читате.</i>
VII	42	Герпессуса	Гарпессуса
5	43	обязанность	обязанность.
5	23	я долго	Я долго.
7	5	Ропшало	ропшало.
44	8	Fibelin.	Fidelin.
44	46	мошнвомъ	мошнвовъ.
—	25	кольцо упавшее	кольцо, упавшее.
47	2	имперіи римской	Имперіи Римской.
22	7	Венеціанскаго	венеціанскаго.
—	22	имперіи	Имперіи.
27	2	Опшоманскую	опшоманскую.
34	49	песпрѣшь	песпрѣшся.
38	42	тысяча языковъ	тысяча языковъ:
39	3	какое сравненіе	Какое сравненіе.
44	44	Плеійскому	плеійскому.
45	20	были по словамъ	были, по словамъ.
46	40	новѣйшей Ганзы	нывѣйшей Ганзы.
57	44	молой	мглой.
65	8	Казачью лошадь поскакалаъ	казачью лошадь, поскакалаъ.
—	40	до сихъ поръ все для ме- ня, шло	до сихъ поръ все для ме- ня шло.
82	22	кажешя	кажешя.
94	6	муравчишой	муравчашой.
96	7	скрытъ	скрытъ.
409	7	симметрическихъ	симметрическихъ.
413	26	занимаш,	занимашъ
413	7	Изъ глубокихъ разстланъ	изъ глубокихъ разстланъ.
424	43	благословенная Дріада	благосклонная Дріада.
425	23	рощъ	рощей.
432	4	иппогрифа	Иппогрифа.
453	6	Поллбія	Поллвія.
—	43	Поллбій	Поллвій.
460	43	глумящими	шумящими.
466	44	развалинами замковъ	развалинами замка.

II

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напегатаю.</i>	<i>Чытата.</i>
468	3	покушеніа	покушеніе.
—	8	перемешчнковъ	перемешчнка.
470	9	Діо за,	Діо за,
474	40	впошешчюскую	впошешчюскую.

